

Филипп Бобков. Как готовили предателей
Начальник политической контрразведки свидетельствует...

Москва, 2011

*Генерал армии Филипп Денисович Бобков свыше 20 лет боролся с диссидентами, будучи руководителем 5-го Управления КГБ СССР. Он собрал огромный материал о деятельности в Советском Союзе "пятой колонны" Запада. Бобков один из немногих, кто знает, как "готовили" предателей, и даже называет их поименно. Не случайно с началом перестройки генерал Бобков подвергся резкой критике со стороны российских либеральных кругов и в январе 1991 года был освобожден от занимаемой должности.

Одним из ключевых проектов по разрушению СССР был "План Лиоте", разработанный в ЦРУ США вскоре после окончания Второй мировой войны. Он был назван по фамилии французского генерала, воевавшего в свое время в Алжире. Генерал Лиоте призывал сажать деревья вдоль алжирских дорог, чтобы через многие годы, когда эти деревья вырастут, французы могли отдыхать в их тени.

Американский "План Лиоте" предусматривал создание в Советском Союзе мощной, ориентированной на Запад прослойки в среде интеллигенции и в верхних эшелонах власти. В нужный момент, "когда деревья станут большими", для США возникнет благоприятная ситуация для нанесения смертельного удара по СССР...

Информация, приводимая автором, уникальна и во многом носит шокирующий характер, но вся она основана исключительно на достоверных данных.*_

ПРЕДИСЛОВИЕ. РОССИЯ В ОПАСНОСТИ

Недавно в московском Институте социально-политических исследований состоялась встреча специалистов. Там были представители Америки, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши, Израиля. Тема обсуждения - закон США Public Law 86-90 "О порабощенных нациях". Этот закон был принят Сенатом и Палатой Представителей США в Конгрессе 17 июля 1959 года. Он был одобрен и утвержден президентом Эйзенхауэром. Казалось бы: "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой", "запах нафталина". Ничего подобного - этот закон жив, активно действует, на него ссылаются, с ним сверяют настоящее и связывают будущее.

В этом законе (его еще иногда называют резолюцией) перечисляются "порабощенные нации" - более двух десятков тех, кого "путем прямой и косвенной агрессии" Россия "лишила национальной независимости". Список и полвека назад вызывал ощущение некоего абсурда, так как там через запятую шли и реальные, и неизвестные человечеству страны, такие, к примеру, как: "Идель-Урал", "Казакия". Сегодня же страны этого списка просто изумляют: названы сохранившие до сей поры свою коммунистическую направленность Куба, Северная Корея и КНР - были ли они порабощены Россией? Испытывают сейчас на себе ее тиранию?

Далее в списке страны, которые на момент издания этого закона относились к социалистическому лагерю, а также бывшие республики СССР. Говорится, что все народы этих стран, в том числе и такие, как "Идель-Урал" все время видят "в Соединенных Штатах цитадель человеческой свободы" и до сих пор "ищут их водительства в деле своего освобождения и обретения независимости". Также в законе-резолюции можно прочитать буквально следующее: "С 1918 года империалистическая политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собой зловещую

угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира".

Если соотнести все с тем временем, когда эти строки рождались, - все обобщения и неувязности можно оправдать холодной войной - война есть война. Но топор холодной войны, который, казалось бы, по логике собственной своей природы, должен был быть закопан в том же белорусском лесу, где схоронили страну Советов, активно "рубит головы" любым созидательным процессам, направленным на укрепление современной России. Не меняя ни лексики, ни сути, ежегодно, начиная с 1959 года и по сей день, в третью декаду июля "во исполнение названного закона" США озвучивают прокламацию в защиту поработанных народов. Это создает правовую базу для вмешательства Америки во внутренние дела, как России, так и отдельных, получивших в 1991 году независимость государств - бывших республик СССР, а также и всего Содружества (СНГ) в целом. Это не пустые слова, а реальные действия: не случайно второе название этого закона в самой Америке звучит как: "Закон о расчленении России".

+ + +

Расколота, раздробленная, усеченная Россия - глубинная и многовековая мечта ряда государств - недругов России. Менялись лозунги, флаги, "этикетки на топорах войн", но не менялась причина, и ее хорошо объяснил в свое время император Александр III в своем завещании Николаю II: "Нашей огромности бояться". Оглядываясь на историю, можно увидеть, как этот страх перерастал в агрессию у татаро-монголов, ливонцев, литовцев, шведов. Возьмем Наполеона и войны - Крымскую, Японскую, остановимся на Первой мировой войне, цели которой были сформулированы до ее начала, в 1914 году, в меморандуме кайзеровской Германии. Там говорилось, что завоевание России "...возможно будет стоить нам одного миллиона людей..." Но "России... придется смириться с потерей земель, в особенности когда мы прикроем ее тыл для дальнейшей экспансии в Азию... Если таким образом вести, излишек энергии трех поколений немцев будет направлен на колонизацию Востока...". Англия потратила немало усилий для того, чтобы подтолкнуть Германию к осуществлению этого плана, а позже для развязывания гражданской войны внутри России.

До сих пор существует устойчивое выражение: "Власть в России захватили большевики". Но как им это удалось? У них было много лозунгов, но главный, который был созвучен настроениям людей, который позволил большевикам прийти к власти, - это был лозунг "Мир народам!". Временное правительство после Февральской революции продолжило войну, Керенский начал массовое наступление, бросив людей на верную смерть, тотальное поражение, - и большевики сказали то, что говорили солдатские матери: "Прекратить войну!". К этому моменту, в октябре 1917 года, Россия была уже развалена, рассыпана на куски, которые растаскивали, как мародеры, 14 государств. И опять же, именно Англия полностью инициировала белогвардейское движение. "Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина, - говорил в июле 1919 года Черчилль, - они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги".

Гражданская война "по наущению" извне - это всегда одна цель: развал, растаскивание на куски большой страны, контроль над ее территориями. История СССР знает много таких "наущений" - "поработанные нации", которые ищут на протяжении полувека США, - одно из ярких тому свидетельств.

Большевикам удалось восстановить российское государство почти в прежних размерах. Позже советскому народу ценой героических усилий удалось отстоять не только свою страну, но и освободить весь мир от фашистских

завоевателей. Не буду сейчас подробно останавливаться на роли тех же англичан в начале Второй мировой войны. Но напомним, что через год после войны прозвучала известная речь мастера наущений, английского премьер-министра Уинстона Черчилля, в Фултоне. Он призвал применить силу против СССР, причем немедленно, пока там нет атомного оружия. Торопился и американский президент Трумэн. В докладе, подготовленном по его поручению, говорилось, в частности: "Для быстрого сокрушения СССР в войне... США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну".

Создание атомной бомбы в СССР подморозило эти планы, но не отменило их – началась холодная, или, как ее еще называли, психологическая война.

Уже в 1950 году в директиве США СНБ 20-1 говорилось о том, что "психологическая война чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране..."

Документы в своей перекличке через пространство и время говорят иногда на порядок больше, чем любые слова повествователя: 25 октября 1995 года на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов Билл Клинтон сказал: "Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы..."

Сегодня на повестке дня снова стоит вопрос о существовании России. Видеть "запальные шнуры" и вовремя реагировать на них можно научиться только в том случае, если достало силы детально разобраться в их механизме. Известно, что образами прошлого продвигаются проекты будущего. Сегодня Россия живет в нескольких системах координат и доминирует та, в которой советское прошлое красится сплошной черной краской – без полутонов. Но правда, выхваченная из контекста событий и состояния той среды, в которой эти события происходили, – страшнее лжи, потому что формально ее можно принять за истину. Вот я недавно слышал такую речь: опять, мол, уходим в изоляцию, оглянуться не успеем, как опять наши спецслужбы опустят железный занавес... Но выражение "железный занавес" впервые употребил Геббельс в своей статье в феврале 1945 года: "Железный занавес" против коммунизма". Черчилль в своей фултонской речи лишь повторил это выражение...

Сорок пять лет службы в органах госбезопасности позволяют мне видеть самые болевые моменты нашей истории во всем их противоречивом многообразии – видеть, несмотря на эвфемизмы разного рода "наущения". Как писал в XVIII в. Георг Лихтенберг, "наши слабости нам уже не вредят, когда мы их знаем".

ГЛАВА 1. "ОСНОВНЫЕ ТОЧКИ" СССР

Итак, я хочу рассказать вам о том, что знаю. Если посмотреть на самого себя со стороны, то можно увидеть, как тяжелый и во многом судьбоносный для человечества 20-й век "меня не миновал". Есть такое модное сегодня в научных, политических и журналистских кругах выражение: "реперные точки" – это точки, на которых основывается шкала измерений, к примеру, на них построена Международная температурная шкала Цельсия – температура замерзания (0°C) и кипения воды (100°C). Температуру прошедшего столетия, точки его замерзания и кипения, можно отчасти изучать по мне как по наглядному человеческому пособию. Судите сами: родился через год после

смерти Ленина, на девятом году жизни Советского Союза. Можно сказать практически без натяжки, что детство социализма в нашей стране совпало с моим ранним детством. Те, кто жил при Ленине и пережил Первую мировую войну и Октябрьскую революцию, к моменту, когда я вел уже сознательную жизнь, были еще не старыми, полными сил и энергии людьми.

То, что сегодня как российская, так и мировая пресса называет страшным словом "голодомор", знаю не понаслышке: сам в 1932 году, будучи семилетним мальчишкой, радовался, как деликатесу, арбузным коркам, которые где-то добывал отец. Да и сам вместе с соседскими ребятами на берегу пруда собирал водоросли и ракушки, а мама отбирала из этого что-то для стола... Моя семья жила в Макеевке – это один из крупных индустриальных городов Донбасса. К слову сказать, голод захватил не только Украину, наш город был забит массой голодающих из Курской области, которые, спасаясь, подались сюда из России в поисках куска хлеба.

Они ночевали на большой тлеющей горе – было в Макеевке такое место, где сжигался кокс. Когда кокс затухает, тепло остается еще очень долго, и зимой люди спали на этой рукотворной горе. Появляется сверху вагонетка – они бегут врассыпную, прошла – они назад, к своим теплым "спальным местам"... Голод захватывал многие области России, особенно же сильно крушил он людей в Белгородской и Курской областях. Но активисты из компартии Украины в начале 90-х годов почему-то призвали увековечить память голодомора только на Украине.

В 1934 году голод стал отступать, и детство наше обрело обычные черты советских школьников середины тридцатых годов XX века, – пионерские костры, песни, походы, школа, кружки. Чем были захвачены наши мысли? Прежде всего – гордостью за страну Советов, первую и единственную в мире страну социализма. Это было время, когда на необычайно высокую социальную планку поднялись рабочие люди. Сложно найти в сегодняшнем дне аналог такого всенародного признания трудовых подвигов, как это было в годы нашего детства. Любой ребенок на огромном пространстве СССР мог, не задумываясь, назвать фамилии героев производства, лидеров ударного коммунистического труда. Мы, дети Донбасса, были счастливы тем фактом, что самыми популярными в стране людьми оказывались наши земляки: шахтеры Изотов и Стаханов, трактористка Ангелина, машинист Кривонос, семья металлурга Коробова.

Вряд ли смогут это себе представить дети шахтеров, чья юность пришлась на 90-е годы, – их отцы были вынуждены стучать в столице нашей родины касками об асфальт, для того чтобы привлечь внимание властей к бедственному своему положению. Людям месяцами не платили зарплат, ребятами в детских садах шахтерских городов падали в голодные обмороки. И я хочу здесь сразу подчеркнуть, что такого в годы советской власти, с середины 30-х годов, практически не было. Я, конечно же, говорю только о мирном времени, не о военном. Неуверенность в завтрашнем дне в мирное время у населения СССР появилась только с того момента, как политики самых разных мастей принялись раскачивать страну... Когда в пылу перестроечной риторики в конце 80-х и начале 90-х годов не заметили, как вместе с коммунизмом, против которого становилось модно и престижно выступать, умирала уникальная и мощная страна...

+ + +

Но вернемся к "основным точкам" СССР, которые можно увидеть по моей биографии: таким образом, читатель, я надеюсь, освежит в памяти ближайшую нашу историю.

Я перешел в девятый класс школы, когда началась Великая

Отечественная война. Уже к осени первого военного года немцы подошли к Донбассу, люди поспешно уходили из Макеевки. Трест "Донюжгаз", в котором прежде работал отец, эвакуировали в Пермь, и мы на семейном совете решили догонять его. Сказать, что это было трудно, - ничего не сказать, это было страшнее любого современного триллера... Человеческая память устроена удивительно: даже самые горячие бои уже на фронте, где я был ранен дважды и где видел тысячи и тысячи смертей, не так преследовали меня в оставшейся жизни, как дорога беженцев. Но и ее я начал вспоминать особенно часто, во всех деталях в начале 90-х годов, то есть спустя практически полвека. Стал вспоминать, когда на улицах Москвы начали появляться беспризорные дети и впервые появилось слово "бомжи" - люди, выброшенные на улицу, ведь при социализме это был нонсенс! История даже одного такого человека, если бы она попала на страницы ругаемой сегодня всеми, кому не лень, коммунистической прессы, потрясла бы все население республик СССР.

В 90-х же, видя чуть ли не на каждом шагу детишек, кланчивших денег на хлеб, и стариков, вынужденных торговать у метро сигаретами, видя также оборванных, опустившихся, грязных людей, жадно ожидающих, что пообедают у торговых палаток что-то недоедят и остатки достанутся им, - я вспоминал баржу. Когда немцы в буквальном смысле подошли к Макеевке, мы с отцом покинули город, добрались до Сталинграда и решили попытаться выбраться на барже в Пермь. Людской поток буквально внес нас с ним туда, баржа уже была переполнена, но беженцев, стремившихся попасть в нее, было чуть ли не в тысячу раз больше, чем площадь ее борта. Люди, как могли, пытались попасть на нее, влезали и стояли, чуть ли не на одной ноге, не удерживались и падали в ледяную ноябрьскую Волгу. Их некому было спасать. Баржа должна была идти вверх по реке, и, когда она пошла, никто не предвидел, не предполагал, что так рано пойдет лед, - и она к утру встала.

А пробиться к ней было совершенно невозможно, потому что не было под рукой ледокола. Трое суток на вмерзшей в лед барже люди без еды и воды выживали, как могли, многие заболели. А потом к нам пробился ледокол, всех "заложников льда" переправили на пассажирское судно "Тимирязев". Нам сразу дали горячий чай и еду. Наелись и через полчаса все заснули...

Думаю, что эта ситуация несопоставима с тем "тотальным неспасением", которое мы все увидели на улицах родной страны через 50 лет. В лихолетье войны баржу с беженцами спасли, нас довели до города Камышина и мы с отцом шли дальше вдоль железнодорожных путей, в основном пешком. В общей сложности, если считать, что вышли мы из дома в октябре и дошли до Перми в декабре, шли мы больше двух месяцев. И повсюду, на станциях, в городах, как только мы показывали документ, что выбираемся из оккупированного немцами города, нас кормили, да еще и с собой давали продукты в дорогу. Вот такая была забота о людях, и это - в войну. А уж в мирное время при советской власти таких явлений, как бомжи и беспризорники, вообще не существовало. А увидели мы людей за бортом жизни и "неспасение", как уже говорилось, только в 90-х, то есть тогда, когда систему этой власти разрушили... Когда закончилась эпоха жизни СССР.

Но я про "реперные точки" века, а у нас с вами впереди еще две войны, где все как по шкале Цельсия - горячий фронт Великой Отечественной и невидимый фронт холодной войны...

Я расскажу в своей книге постепенно все, что так или иначе поможет найти ответ на главный, мучающий меня, большой вопрос: почему народ победивший фашизм и освободивший не только свою страну, но и целый ряд стран Европы от немецких оккупантов, проиграл в холодной войне? Почему допустил распад Советского Союза? Любой ответ здесь будет только верхушкой айсберга, но есть одно всеобъемлющее понятие, которое многое объясняет. Как

ни удивительно прозвучит: это – понятие веры. Да, несмотря на все ошибки и перегибы советской власти, в 41-м вера в советскую власть была просто колоссальной. Слова "Социалистическое отечество в опасности!" поднимали на "святой и правый бой" всех – это было абсолютное единение людей, населяющих первую в мире страну социализма, готовых любой ценой отстаивать свой советский строй жизни. И мы победили.

А к концу 80-х годов эта вера была растоптана... К тому времени, чуть ли не общим местом в разговорах становилось уничижительное слово "совок", вместо гордого и четкого определения "человек советский". Пресса, тогда еще будучи советской, называла свою страну "тюрьмой народов". Но ведь заключенные, узнав о том, что на надзирателей напал враг, вряд ли пойдут биться за их свободу – страна же в 41-м шла на фронт в едином порыве.

+ + +

Что же было до 41-го, откуда взялся этот единый дух веры? Какой была задумана советская жизнь, что в стране происходило? Давайте попробуем заглянуть в истоки советской власти, зададимся вопросом: что ее вызвало к жизни? До Октябрьской социалистической революции 1917 года была известная Февральская революция в том же году. А уже весной, выступая перед парламентом, премьер-министр Великобритании лорд Дэвид Ллойд Джордж (пресса тех лет называла этого человека "кучером Европы") заявил, что "Цель войны достигнута". Это заявление прозвучало в связи с сообщением о Февральской революции и свержении царя в России. Парламентарии Британии стоя аплодировали сказанному. Но если вся последующая риторика ненависти к России уже после Октябрьской революции была посвящена теме коммунистического строя, то почему же британский парламент так радовался свержению царя, отчего именно этот факт посчитал целью Первой мировой войны премьер-министр Англии? Здесь можно привести известные слова Клаузевица: "Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т.е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны".

Февральская революция до сердца проникла потому, прежде всего, что она лишила Россию традиционной государственности. Временное правительство не слышало чаяний народа, измотанного войной, непомерными земельными оброками и налогами крестьянства. Временное правительство вообще не было ориентировано на народ: оно смотрело в сторону Запада. Но присущий Западу индивидуализм не мог прижиться и не приживался в России, где испокон веков жил дух коллективизма и советов. Большевики же потому и смогли в итоге прийти к власти, что они, в отличие от меньшевиков и эсеров, имели почву и опору в народе. Они были единственной силой, способной устранить причины массовых негодований: прекратить, наконец, войну, отдать землю крестьянам, власть – Советам.

А главное – вывести страну из хаоса, восстановить государственность, порядок.

Давайте вспомним, что именно с Февральской революции начался распад страны. Когда всего лишь через семь месяцев к власти пришли большевики, Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, другие территории, которые входили в состав царской России, уже провозгласили свою независимость... Спустя 70 лет ситуация повторилась, и мы с вами уже сами были ее очевидцами... То есть в момент начала и в момент конца советской власти страна была одинаково разбита, рассыпана, ее растаскивали по кусочкам все кому ни лень... И более чем 90 лет назад, и совсем еще недавно, в конце прошедшего века, Россию по предписанию Клаузевица и

многих-многих других его последователей, которых достаточно много и сегодня, рушили изнутри, раздувая национальные конфликты.

Здесь очень важно понимать, что до Февральской революции в многонациональной единой России таких конфликтов не было. Не было даже межрелигиозных войн, - люди верили по-разному и с уважением относились к вере друг друга, были едины. Давайте вспомним, сколько людей перебили католики, для того чтобы завоевать Европу. Вспомним Варфоломеевскую ночь: 10 тысяч убитых парижан, вспомним также гуситские войны. Ничего даже близко похожего в нашей стране не было. Путешественники из Европы изумлялись в XVI веке тому факту, что им в христианской стране попадаются на глаза мечети. Если в Европе встречалась католическая церковь - значит страна католическая и любая иная религия была запрещена под страхом инквизиции... Есть интересный факт: ислам как религия появился в IX-X веке. В России татары, башкиры, другие мусульманские народы праздновали тысячелетие своей религии, а нынешние мусульмане Европы насчитывают всего-навсего столетие существования ислама. Потому что из поколения в поколение люди, насильно обращенные в католичество, к примеру в Испании передавали друг другу, кто они есть на самом деле. И только сто лет назад стало можно произнести это вслух: "мы мусульмане".

Повторюсь: Россия ничего подобного не позволяла, вопрос вероисповедания никогда не решался насильственным путем, а потому и не было на территории нашей страны межнациональных, межконфессиональных раздоров. Они начались также, как и гражданская война, по специальному, вспомним удачное слово, которое подобрал к теме Черчилль - "наущению"

Большевикам, по сути, удалось вновь собрать бывшее многонациональное имперское государство, заново выстроить все то, что "выронил" на своем пути Февраль 1917 года. Исключение составили только Прибалтика, Финляндия и Польша.

+ + +

Предложу читателям внимательно сравнить две цитаты: "Англия в войне употребляла европейские государства как "отличную пехоту", - это было сказано в середине XIX века канцлером Германии Отто фон Бисмарком.

Цитата вторая: "Русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи", - так уже в конце второго десятилетия XX века заявил военный министр Англии Уинстон Черчилль.

Складывается ощущение, что подданный британской короны взялся иллюстрировать догадку немецкого канцлера новыми на тот момент времени историческими примерами. Действительно, "добрая старая Англия" жила именно в такой стратегии, будучи, возможно, и убежденной в том, что однажды сформулировал Томас Карлейль: "Обязанность всех континентальных держав вести войны в интересах Англии". Первую мировую войну развязала Англия. Бурное развитие двух стран - России и Германии - перед войной было не в ее интересах. И если в начале Первой мировой войны роль "отличной пехоты" для Англии выполняла Франция, то дальше уже иная пошла "пехота". Разжигание непомерных appetитов Германии и бесконечно хитроумное и планомерное науськивание ее на Россию превратили немцев в "игрушечных солдатиков" Англии. Но и внутри самой России нашлась "отличная британская пехота" - это Белое движение.

Иной логики в прошедшей истории нет. Любая другая мотивация

терпит поражение, как только мы начинаем всерьез задумываться над фактами. Задумаемся: Англия помогает революционерам в царской России и ликует, когда их дело побеждает. Царь свергнут. И буквально через год после этого та же Англия начинает так же рьяно помогать белогвардейцам, которые вслух декларируют (не важно сейчас, что ими движет на самом деле) необходимость возрождения именно царской России. Нет логики? В таком раскладе ее действительно нет. Но она абсолютно четко очерчена в другом: царская Россия или пролетарская – какая угодно – должна была быть, с точки зрения Англии, разломана на мелкие кусочки, состоять из обрубков, а ломать ее можно было, как мы с вами здесь уже говорили, легче всего изнутри.

Любая государственность – сила, потому, когда это было царское государство, – Англия помогала силам, воюющим против царского самодержавия. А когда к власти пришли большевики во главе с Лениным – та же Англия принялась поддерживать силы, борющиеся против них, потому, прежде всего, что именно от них исходило намерение восстановить государственность. И именно они и были той единственной реальной силой, которая могла и делала это.

По моему глубокому убеждению, в нашей стране не было бы национальной трагедии братоубийственной гражданской войны, так называемой русской смуты, если бы не Англия. Уже к концу 1917 года Черчилль, призвав страны Антанты "задушить большевизм в колыбели", предложил опираться в этом деле на антибольшевистские силы. Российских офицеров царской армии "обрабатывало" английское посольство в Петербурге, а позже – в Вологде, в других российских городах. По сути, англичане и сколачивали белое движение, выстраивали и подстраивали его. По инициативе той же Англии уже 22 декабря 1917 года состоялась конференция в Париже, где представители стран Антанты приняли решение открыть кредиты для антибольшевистских правительств Сибири, Кавказа, Украины, казачьих областей и Финляндии. А на следующий день было заключено англо-французское соглашение о разделе сфер будущих военных действий в России.

Так и возникла ситуация, при которой на деньгах Англии стали жить и подниматься в России Колчак и Деникин, а на деньгах Франции – Врангель, – вот она структура белого движения. "Каждый патрон, выстрелянный русским солдатом в течение этого года в большевиков, сделан в Англии, английскими рабочими, из английского материала, доставленного во Владивосток английскими пароходами", – так говорил про 1919 год английский генерал Альфред Нокс, главный снабженец колчаковской армии.

Вспомним еще раз, что Черчилль в том же году оправдывался в британском парламенте по поводу того, что слишком много уходит из государственного бюджета денег на адмирала Колчака и генерала Деникина. Во вступлении к этой книге уже приводилась сокращенная цитата этих оправданий парламенту, сейчас же настало время дать более расширенный фрагмент: "Я отвечу парламенту с полной откровенностью, – объяснялся Черчилль. – Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участия в этом договоре, и они восстали против правительства, его подписавшего... Они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили бы нашу блокаду... Таким образом, восточный фронт нами был восстановлен не на

Висле, а там, где германцы искали продовольствие. Что же случилось затем? Большевизм хотел силой оружия подавить восставшие против него окраины, сопротивлявшиеся ему по нашему наущению".

+ + +

Возвращаясь в день сегодняшний, хочу сказать о нашумевшем фильме "Адмиралъ". Фильм, как известно, посвящен Колчаку. Конечно же, не о художественных особенностях этой картины хотелось бы вести речь, а о тех настроениях романтизации и героизации "господ офицеров", выражением которых этот фильм и явился. Белый миф начал прорываться в сознание советских людей еще в 60-х годах прошлого века, когда на телеэкранах появилось сразу несколько фильмов, в которых воюющие с красными белые офицеры предстали "благородными рыцарями" в белоснежных мундирах с золотыми погонами. В 90-х же очарование "бывшими", которые шли "за Россию до конца", захватило очень многих людей. Это все происходило от неинформированности, с одной стороны, и от массивной атаки на умы наших сограждан - с другой. Без конца муссировались в прессе и на телевидении темы красного террора и в изобилии, чуть ли не из всех щелей, лились песни о поручиках Голицыных и корнетах Оболенских, которые "честь имели" и "носили ордена".

Вечные ценности - родина, ее слава и любовь к ней преданных сынов отечества - превратились в довесок к образу белого мифа и были мифом этим как бы приватизированы. Но в такой подаче все причинно-следственные связи перерезаны. О какой же любви к отечеству можно говорить применительно хотя бы опять же к тому же Колчаку, если у него в Сибири бесконтрольно хозяйничали интервенты, если им был обещан золотой запас России? "Не за Россию до конца", а чуть ли не саму Россию до конца готовы были отдать "белоснежные мундиры": шел фактический раздел страны, 14 государств Антанты уже имели абсолютный доступ к нашим природным богатствам. Только когда золотой запас уже был вычерпан из России, союзники предали адмирала Колчака.

Что же касается темы красного террора, то здесь важно учитывать, что он возник в ответ на террор белый. Деникин расстрелял людей не меньше, чем Тухачевский, и когда мы говорим, что в Крыму расстреляли белых офицеров, не надо забывать, что в период власти Врангеля там же было расстреляно не меньше сторонников красных. А жестокие экзекуции и погромы колчаковцев в Сибири приводили к таким явлениям, когда не выдерживали даже свои: целые соединения переходили на сторону красных. Вспомним, к примеру, переход колчаковского подпоручика Говорова в 1919 году к красногвардейцам в Томске, - известно, что впоследствии этот человек дослужился до статуса советского маршала. Никого не оправдывая в смысле таких явлений как террор, хотел бы только заметить, что это все было в период революции. Логика революций везде одинакова - вспомним Англию в период Кромвеля, вспомним Великую французскую революцию.

Сегодня определенной частью высших эшелонов власти специально инициируется идеологическая кампания критики советского прошлого. Но критика, когда она объективно аргументирована, - полезна и целительна. На деле же мы видим сплошное очернительство, злобную антисоветскую пропаганду. Почему в качестве примера к теме я выбрал именно фильм "Адмиралъ"? В нем, как в примере к сказанному, как будто специально сошлось все. Белые в фильме - все сплошь святые, красные, если и появляются - то это даже чисто внешне сплошь вырожденки рода человеческого, пьянь голодраная со звериными инстинктами...

Непонятно, правда, как этот адмирал, которому присвоили звание Верховного главнокомандующего России, при финансах и полном вооружении Англии, да и всей Антантой поддержанный, с армией в 400 тысяч "офицеров последней выточки" такому сброду в итоге проиграл? В фильме на этот вопрос нет ответа, а он ведь прост: большевики не могли бы выиграть гражданскую войну, если бы их в этой войне не поддержал народ. Да и у власти они бы без

этой поддержки не удержались. Почему же эта поддержка была? Да потому, прежде всего, что именно большевики прекратили насильственную мобилизацию и это они остановили массовые порки голодных крестьян. Потому, что нет для народа ничего страшнее, чем "заклятие хаоса", а большевики государственность восстанавливали, наводили порядок. Потому еще, что со своим народом они говорили на одном языке...

Почему обсуждаемая картина в определенном смысле вещь знаковая? Дело в том, что сегодня вряд ли какой-либо начитанный человек сможет спорить с тем фактом, что адмирал Колчак был прямым ставленником Запада, невозможно отвернуться от большого количества фактов, из которых в этой главе приведена лишь толика. Так вот и фильм, героизирующий белых, уже в новом веке создавался опять же на деньги Запада. Никто и не скрывает этого: в титрах идет заставка известнейшей голливудской киностудии "XX век Фокс". Ничего, казалось бы, страшного, пустячок, всего-навсего художественный фильм. Но как человек, долгие годы возглавлявший оборону СССР в холодной, или, как ее еще называют, в психологической войне, - вижу другое. Сеется из-за рубежа смута в головах россиян, и чтобы не быть голословным, назову такое слово: "Лиоте". Сделаем узелок на память, запомним это слово, а далее, когда тема коснется середины прошедшего века, вернемся к этой теме.

+ + +

А теперь давайте рассмотрим "реперные точки" нашей истории с несколько необычного ракурса.

Нет сегодня на земле человека, которого не беспокоила бы тема мирового финансового кризиса. Аналитики, экономисты, политики и банкиры говорят нам о тромбах, образовавшихся в банковских системах, аварийных ситуациях на биржах, об экономическом коллапсе... Весь этот трагический процесс, напрямую задевающий, а подчас и разбивающий судьбы людей во всем мире, сопровождается массовым поворотом к тому, что когда-то было растоптано и предано осмеянию. В Англии, к примеру, издается полное собрание сочинений вождя Октябрьской революции Владимира Ильича Ленина. Во Франции собрания сочинений Карла Маркса скупаются, их переиздают заново с взлетевшими чуть ли не втрое тиражами - и снова раскупают на корню - дефицит. А значит, не столько в мировой финансовый кризис попало сегодня человечество - суть явления в гораздо более глубоких вещах. То, что мы с вами наблюдаем сегодня, - это кризис мироустройства.

Почему же именно к Марксу и Ленину обратились сегодня люди, проживающие, как у нас принято говорить, в сверхцивилизованных западных странах? В 2003 году вместе с уважаемыми соавторами Е.Ф. Ивановым, А.Л. Свечниковым, С.П. Чаплинским мы написали книгу "Современный глобальный капитализм" (Издательство "Олма-Пресс"). Мы там достаточно подробно исследовали тему и говорили, в частности, о том, что если внимательно присмотреться к течению глобальных общественных событий прошлого века, то в основе можно увидеть фундаментальное основание - стремление человечества отыскать новые формы общежития, позволяющие утвердить справедливость и равенство в народном, обиходном значении этих понятий. Именно в истории нашей страны был уникальный и бесспорный факт, когда вера в достижение этой цели, сама по себе, оказалась могучей силой, изменившей мир. Мы имели в виду факт Октябрьской революции, состоявшейся в 1917 году в России.

Кроме одной-единственной господствующей в мире капиталистической системы, - зародилась и утвердилась другая, пока еще совсем слабая - социалистическая. Новое государство - Союз Советских Социалистических республик - заняло шестую часть суши: Советскому правительству, как я уже говорил, удалось восстановить геополитическое пространство Российской

империи. Все народы, за исключением стран Прибалтики, Финляндии и Польши, приняли советскую власть: гибкая система территориальных автономий была поддержана национальными меньшинствами – таким образом сохранилась территориальная целостность страны.

В этом государстве не было, как таковых, понятий безработицы, нищенства, платной медицины и платного образования. Людей учили и лечили за счет государства, им были гарантированы безопасность и социальная защищенность. Да, в ходе строительства этого государства были ошибки, просчеты, были допущены ничем не оправданные факты несправедливости. Но я не устаю повторять во всех своих интервью, статьях и книгах о том, что это был путь первопроходцев. (Особенно подробно об этом в статье, которая так и названа "История первопроходцев", найти ее можно в моей книге "Последние двадцать лет", изданной в 2006 году московским издательством "Русское слово".)

Подчеркну еще раз: впервые в истории человечества учение социализма начало превращаться в практику, совершенно новый общественно-политический и экономический строй на планете Земля. Такое бы не было возможным, если бы народ не поддержал этот строй. Поддержка оказывалась в самых сложных условиях жизни страны, проверялась тяжелыми испытаниями. Первым из них явилась война с интервентами, ворвавшимися в Россию с целью подавления власти Советов. Затем развязанная ими гражданская война – не менее жесткое испытание. Но молодая, новая власть устояла. Ее поддержали, в нее поверили народные массы России. В результате создавались условия, открывалась возможность идти дальше, развивать, говоря современным языком, социалистический эксперимент. Как же виделось его развитие? Естественно, что практика социалистического строительства вытекала из теории социализма, руководствовалась теорией Маркса – она служила компасом для первопроходцев.

Воплощал ее в практику вождь революции Ленин. Как же он определял будущее России и что говорил после Октября? Он говорил, что мы обрели самую демократическую передовую власть – советскую. Она должна иметь крепкую экономическую базу. Ее он видел в государственном капитализме. Уже в 1918 году Ленин в статье "О продовольственном налоге" писал, что государственный капитализм был бы шагом вперед для Советской республики. Сочетание советской власти с государственным капитализмом являло три четверти социализма. Это ленинское положение совершенно забыто.

А Ленин об этом четко и во многих выступлениях говорил. В известнейшей своей работе "Очередные задачи советской власти" он главной задачей называет необходимость "учиться торговать". Это и есть рыночная экономика. Ленин считал, что она вполне существует и при социализме.

Ошибочно растиражировано утверждение о том, что нэп был вынужденной политикой. Большевики изначально не отрицали рынка как условия развития экономики. Да, они ликвидировали капиталистическую частную собственность на средства производства, в том числе и собственность иностранных монополий. Они тем самым сняли путы экономической и политической зависимости вторгнувшегося в дореволюционную Россию иностранного капитала. Сняв "ошейник" из займов и долгов царской России, они прекратили превращение страны в полуколонию иностранного империализма. Да, они победили под лозунгом "фабрики – рабочим, земля – крестьянам". Но государственный капитализм был нужен, потому что экономику надо было развивать прежде всего за счет тяжелой промышленности. Без машиностроения, к примеру, экономика не поднимется, а частник поднимать тяжелую промышленность не станет просто по определению: при капитализме он будет делать только то, что даст прибыль минимум через год-два. Вкладывать же

деньги в то, что даст прибыль лет через десять, – ему невыгодно. Ленин потому и ориентировался именно на государственный капитализм.

Кстати, благодаря тому, что государство взяло в руки тяжелую промышленность, Рузвельт в свое время вывел из кризиса США. После Второй мировой войны в Великобритании национализировали угольную промышленность и тем, по сути, укрепили страну. Мы же, в России имеем пример приватизации 90-х годов, когда пришел дикий рынок и остановились некогда бывшие мощными и уникальными советские предприятия. К сожалению, эта ситуация сохраняется, по большому счету, до сих пор: посчитайте, сколько лет прошло с начала 90-х годов прошлого века, когда мощь тяжелой промышленности СССР была разрушена, – и так она и не восстановилась...

В 20-х же годах ситуация была страшнее: страна находилась в глубочайшем политическом и экономическом кризисе, заводы и фабрики лежали в руинах, свирепствовал голод и лютовали многочисленные банды, еще шла гражданская война. И в такое время большевистское правительство под руководством Ленина принимает и начинает осуществление грандиозного проекта – Плана ГОЭЛРО. Уже через 15 лет – к 1935 году – было построено 40 электростанций вместо запланированных 30.

+ + +

Даже только на одном этом примере можно видеть, что никакой титанический труд не привел бы в итоге к тем результатам, к каким пришел СССР, если бы в основу не был заложен четкий расчет и правильная организация дела изначально. Как это было возможно сделать в стране, где подавляющее большинство населения было безграмотным? Обратимся к ленинской брошюре "Успехи и трудности советской власти": "Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство – в руках специалистов и в их головах". Ленин не уставал подчеркивать, что в некультурной стране социализм построить нельзя, что он "останется мертвой буквой и пустой фразой" без "соединения победоносной социалистической революции с буржуазной культурой". Он был категорически против разговоров о том, что существует отдельная, особая пролетарская культура, вне всеобщей цивилизации. И ставил задачи: длительной культурной революции, всеобщей грамотности, личной вовлеченности каждого в строительство новой системы мироустройства – социализма.

Известные слова "о каждой кухарке", которую якобы большевики пустили руководить страной, происходят в мифологизированном нашем сознании опять же от незнания контекста происходившего. Если же следовать принципам объективного историзма, то нужно здесь непременно вспомнить дореволюционную дискриминацию граждан по сословному признаку, селекцию школьников, которую проводил царь Николай II. "Кухаркины дети" не имели ни малейшего шанса получить образование, так как доступ в "классические" гимназии был резко ограничен. В университет же поступить могли как раз выпускники таких гимназий – в основном это были дети представителей высших сословий. Даже выпускников реальных училищ царь запрещал принимать в вузы, что же касалось крестьян, то здесь на возможности образования для них изначально был поставлен жирный крест. Если же они каким-то образом все же получали образование – у них изымалась наделная земля и их исключали из общины.

Вот этой дискриминации граждан по сословному признаку Ленин своим решением о необходимости обучения всех трудящихся государственному управлению положил конец. При этом он заявлял: "Мы не утописты и, конечно, прекрасно понимаем, что с сегодня на завтра каждая кухарка управлять

государством не сможет", но подчеркивал, что важно стремиться к тому, чтобы каждый гражданин общества понимал политику своей страны. Для этого нужна всеобщая грамотность, так как, говорил он, "безграмотный человек стоит вне политики". Он считал серьезной угрозой для всего строительства социализма плохую организацию культурной работы, считал, что именно на этой почве вызревают такие уродливые явления, как бюрократизм, взяточничество, национализм, - все то, что тормозит развитие общества.

Звучит, согласитесь, актуально, но ведь мало кому сегодня в России придет в голову обратиться, вслед за европейцами, к трудам Ленина. "Нет пророка в своем отечестве" - к Ленину это мудрое изречение подходит очень точно. Тому много причин - уже после смерти Сталина к учению Ленина подходили как к догме, а его жизнь превратили в житие святого. Далее, уже в годы перестройки 90-х, все перевернули с точностью до наоборот - глумливо и ернически подвергали ленинские статьи осмеянию, а сам же его образ предстával не иначе, как образ кровавого монстра. Он же был только человеком, который имел смелость попытаться претворить в жизнь многовековую мечту человечества, стал первопроходцем в строительстве такой модели жизнеустройства, которая была бы удобна всем, - строилось общество равных возможностей.

Ленин имел удивительный дар прозорливости - прошел без малого век со дня его смерти, а многое из того, что он говорил в начале прошлого века, сегодня сбывается. Достаточно вспомнить ленинскую формулу о "борьбе держав за раздел и передел мира" и увидеть иллюстрацию в моменте расставания России с Советским Союзом, то есть вернуться еще раз мыслями к трагическим 90-м годам. А можно снова заглянуть в 20-е годы, когда страна социализма вдохновила и подняла рабочий класс многих стран мира на революции и опьяненные победой советские коммунисты гордились тем, что "мы вот-вот совершим мировую революцию". Тогда Ленин сказал, что надо взвесить очень многое, и прежде всего - не зазнаваться. Мол, мы считаем, что уже никогда не будем в каком-нибудь арьергарде, но не исключено, что центр тяжести коммунистического движения переместится в Индию или в Китай, и мы должны быть готовы это пережить.

Не пережили! Как только центр стал перемещаться, Хрущев порвал все отношения с Китаем - в 1956 году. Но важно то, что Ленин действительно мог предвидеть: Китай сейчас идет социалистическим курсом, и в основе его успешного развития - ленинская формула о народной власти и государственном капитализме. Последние решения съезда компартии Китая напоминают о том, что государственный капитализм при народной власти есть две трети социализма. По моему убеждению, разговор о том, что социализм ликвидирован, что он больше не имеет под собой основы, беспочвенен. Социалистический строй рано или поздно все равно будет развиваться. То, что делает Китай, - это путь социализма, основанный на ленинских, марксистских принципах. Китайцы от марксизма никогда не отказывались, для того чтобы в этом убедиться, достаточно почитать Дэн Сяопина. Китай внимательно изучает опыт СССР, аккуратно относится к нашему социалистическому прошлому, не подвергая его никакой критике. Но и ошибок наших не повторяет.

+ + +

Хотелось бы задаться еще раз вопросом: почему в сегодняшнем кризисе мироустройства европейцы переиздают труды Ленина и Маркса? Природа кризиса напоминает ту, что была на земле в годы Первой мировой войны: с одной стороны - накопление гигантской массы богатств в европейских странах (а сегодня - прежде всего в США), с другой - гигантский разрыв, не только имущественный, но и культурный, между верхами и низами. Разница в том, что в процессе противостояния социалистической системе капиталистический мир

спланировался, а после ухода из Европы социалистической системы мир свалился в глобальный капитализм. Промышленный капитал, не сойдя со сцены, уступил власть капиталу финансовому. По сути, глобальный капитализм есть капитализм финансовых олигархов, их путь к мировому господству, по существу, возрождает мировую колониальную систему, а соответственно усиливает противоречие не между трудом и капиталом (как при рождении капитализма), а между нищетой и богатством. Это означает, что практически всеми ресурсами, средствами производства и финансами владеет еще меньшая часть населения планеты, чем это было в мире капитализма во времена СССР.

...Как-то, во времена особо жестокого обращения с советским прошлым, когда даже нейтральное произнесение имени Ленина считалось в нашей стране дурным тоном, я выступал перед учеными мужами на одной конференции. Привел к месту цитату из ленинской работы "Империализм как высшая стадия капитализма". И все зааплодировали, сказали: "Как здорово и точно сформулировано". "Тогда сейчас скажу, чья это цитата, - пообещал я и тут же выполнил обещанное: - Это в 1916 году было сказано Лениным". Ленин писал, что империализм как высшая стадия капитализма будет развиваться так, что власть в нем возьмет финансовый капитал. Он уберет промышленников с основных ролей на роли второстепенные, и сам займет их места... Жизнь нам дает подтверждения - стоит только задуматься.

На память приходит то, что мировую колониальную систему промышленного капитализма сломало появление на мировой сцене социалистического пути развития человечества. Под его влиянием поднялось и развилось национально-освободительное движение, приведшее к окончательному краху колониальной системы во главе с ведущими капиталистическими державами мира.

Может быть, социализм, выйдя вновь на мировую сцену, станет основной силой борьбы с овладением миром финансовой олигархией. Ведь нежелающих нищенской кабалы в мире немало...

Напомним, что Октябрь 1917 года вызвал в свое время подъем революционного движения во многих странах мира. Реальность подтверждала тезис учения Маркса о том, что пролетарская революция, возникнув в одной стране, неизбежно поднимет на борьбу с буржуазией весь мировой пролетариат. В 1917 году действовал еще фактор Первой мировой войны: прежде всего именно в воюющих странах вызревали революционные ситуации. Народы мира устали от войны и они видели, что большевики в России пришли к власти именно с призывами к прекращению массовой бойни, провозгласив "мир народам".

Вспомним, что продолжения войны в то время требовала больше всех Англия. Но и в России Временное правительство пошло на стовор с союзниками и заявило о том, что страна будет продолжать войну до победного конца. Это и открыло путь большевикам к власти. Их наглядный пример привел к революционному взрыву в государствах, особенно сильно пострадавших от войны. Вот небольшой фрагмент хроники этих событий: в октябре 1918 года произошла буржуазно-демократическая революция в Венгрии, а уже 21 марта 1919 года была провозглашена Венгерская Советская республика. Но просуществовала она недолго, была подавлена силами иностранных интервентов в июле того же года. Могучий подъем революционных сил под влиянием Октября произошел в Германии. В январе

1918 года по всей стране прошла политическая стачка с требованием прекращения мировой войны и немедленного заключения мира с Советской Россией. Дальше события развивались так: 3 ноября 1918 года вспыхнуло восстание моряков военного флота в Киле - это и послужило началом буржуазно-демократической революции. Уже 9 ноября началась всеобщая

забастовка рабочих Берлина, к которой присоединились солдаты. В тот же день была свергнута монархия Гогенцоллернов. К власти пришли правые социалисты и лидеры "Независимой социал-демократической партии", их первые движения были направлены на подавление революционных явлений. Они действовали провокационно: в январе 1919 года сами организовали выступление рабочих Берлина - неподготовленное и преждевременное. Разгромили это выступление с особой жестокостью, именно тогда и были зверски убиты руководители КПГ К. Либкнехт и Р. Люксембург. Немецкие республики, провозглашенные советскими, существовали недолго: в Бремене с 10 января по 3 февраля, а в Баварии с 13 апреля по 1 мая. Их жестоко разгромили с помощью вооруженных сил. Та же участь постигла октябрьское восстание, вспыхнувшее в Гамбурге. К 1923 году пролетарская революция в Германии была окончательно подавлена.

Новые факты образовывали новую реальность: выяснилось, что время для мировой революции еще не наступило, капитализм слишком силен. Мировая война, служившая в свое время мощным импульсом к борьбе с буржуазией пролетариев всех стран, теперь сказывалась иначе: страны, пережившие ее, ослабли. Особенно тяжело было Советской России, выдержавшей еще и войну гражданскую. Сил для оказания помощи антибуржуазным восстаниям соседних стран у молодого государства не было. Здесь очень важно понимание сути событий: да, в мире действительно нарастал революционный процесс и все ожидали, что вот-вот грянет мировая социалистическая революция. Вспомним строки из поэмы Александра Блока: "Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...".

+ + +

Но наступил момент, когда революционный пыл в мире стал затухать. И вот на этом этапе перед большевиками России встал главный вопрос: "Куда и как идти дальше? Что делать в России и с Россией?" Выбор пути привел к расколу в партии большевиков. Сталин и большинство в Центральном Комитете ВКП(б) реально оценивали перспективы "мировой революции". Они хотели ее победы, но понимали, что для ее осуществления нет условий, нет на данный момент даже предпосылок. Россия должна была взять на себя роль спички и сгореть дотла, для поддержания огня мировой революции, - такой участи трезвомыслящие политики допустить не могли. Тогда и появилось решение, как выход из ситуации: был поставлен вопрос о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Троцкий и его сподвижники усмотрели в этом отказ от марксизма, увидели даже предательство дела революции. Полагаю, такой раскол в партии большевиков был вызван в известной мере еще и болезнью и уходом из жизни Владимира Ильича Ленина. Не развитие государства, а борьба за власть подогрела оппонентов Сталина, потому что логика жертвовать Россией ради мировой революции была ничем не оправдана, ничего позитивного для страны не сулила.

И все-таки в основе раскола партии большевиков назывался вопрос дальнейшего развития государства. Один путь: жертвовать Россией ради мировой революции, подчинить этому делу все ресурсы России. Второй: построение социализма в отдельно взятой стране. Для этой цели нужно было сначала отвести беду: слабое, обнищавшее государство легко могло стать добычей для ненавидящих ее новый строй капиталистических держав. Надо было сохранить и обеспечить государственную самостоятельность, а для этого - в кратчайшие сроки преобразовать экономику страны, подготовить ее к неизбежным испытаниям. При этом не идти на сговор с мировой буржуазией, а привлекать к строительству социализма симпатии мирового пролетариата в мирных целях.

Повторюсь, эти два пути и есть основа раскола в партии большевиков. После смерти Ленина Троцкий и ряд других социалистов не могли

согласиться с укреплением роли Сталина в руководстве партии, а именно он был инициатором второго пути. А потому и сам этот путь не подходил троцкистам: они боролись со Сталиным и для этой цели готовы были жертвовать страной. Сталин же понимал, что возможность построения социализма в отдельно взятой стране есть в известной степени отход от учения Маркса и Ленина о мировой революции. Но и Маркс, и Ленин всегда говорили о том, что теория не есть догма, практика же диктовала именно такую необходимость. Уже в последний год жизни Ленина, а после его смерти особенно явно было видно, что готовится военный марш на Советское государство. Международная обстановка требовала постоянной мобилизационной готовности защищать, если не спасать страну. Угроза вооруженного вмешательства в ее жизнь никак не устранялась. И ставка на мятежи внутри страны не снималась с повестки дня – они постоянно подстрекались зарубежными антисоветскими центрами. Надо было решать вопрос: или мы будем защищаться, или потеряем свою самостоятельность. Надо было решать: или мы прекращаем развивать социалистическое государство, идем на поклон к Западу, получаем иностранные инвестиции, но одновременно и зависимость от иностранного капитала, или всесторонне укрепляем и развиваем это государство, закрепляем то, чего добились в октябре 1917 года: строим социализм в одной стране.

Второй вариант, по которому и пошло развитие страны, не вызвал восторга у государств, предрекавших гибель социалистического государства с первых дней его образования. Ярость в мире капитала усилилась, когда клич английских рабочих "Руки прочь от России!" подхватили народы других стран. Конечно, враги социалистического строя смириться с этим не могли, наша страна оказалась в политической и экономической изоляции. Нам ничего не давали в кредит и ничего не продавали за наличные: решили выждать, пока мы задохнемся сами. Страна находилась в тисках экономической и дипломатической блокады. У нас не было ни экономической, ни финансовой – никакой и ниоткуда поддержки. Мы опирались только на то, что у нас есть, а что у нас было? Руины...

Отсюда пошла жестокая экономическая политика – надо было укреплять государство, а это требовало неимоверной мобилизации внутренних ресурсов, вынуждало к насилию над экономикой, над объективными законами экономического развития. Укрепление государства требовало серьезного развития экономики, и прежде всего тяжелой промышленности. Индустриализация "требует колоссальных вложений, причем, как показывает история отсталых в промышленном отношении стран, тяжелая индустрия не обходится без колоссальных долгосрочных займов... Без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации, – писал в одной из своих статей Сталин. – А так как мы не имели и не имеем ни долгосрочных займов, ни сколько-нибудь длительных кредитов, то острота проблемы становится для нас более чем очевидной. Из этого именно и исходят капиталисты всех стран, когда они отказывают нам в займах и кредитах, полагая, что мы не справимся своими собственными силами с проблемой накопления, сорвемся на вопросе о реконструкции тяжелой промышленности и вынуждены будем пойти к ним на поклон, в кабалу...".

+ + +

Политика нэпа в такой ситуации уже не могла быть эффективной – крупную промышленность с ее помощью не построишь. Единственным источником средств для индустриализации было сельское хозяйство. Обстановка на селе после революции сложилась нелегкая. Раздел земли помещиков и иных крупных собственников обогатил землей крестьян, но осложнилась возможность обработки полученных в собственность десятин этой земли. У подавляющей массы не было самых элементарных орудий сельскохозяйственного труда, тягловых сил – плуга, бороны, лошадей.

Новоиспеченным владельцам земли приходилось обрабатывать свои участки вручную. Это привело к снижению урожайности, к резкому упадку производимого зерна. Так возникал питательный бульон для роста на селе кулачества: лишенные орудий труда крестьяне за бесценок продавали или сдавали в аренду свои десятины, кулаки же использовали обездоленных людей в обработке пахоты. Так возрождался принцип работы крестьян на помещичьих усадьбах. Своим трудом крестьяне заменяли нехватку техники и рабочего скота.

Для критиков советского периода, кстати, одним из самых веских аргументов служила тема о том, что дореволюционная Россия обеспечивала хлебом мировые державы. Мол, так его было много, что сбыт за границу помогал спасать излишки от гибели, а большевистская власть повернула развитие процветающей и благополучной страны вспять. Но если вспомнить правду истории, излишки хлеба были у помещиков, а подавляющая часть крестьян тем временем голодала, и лучше всех об этом рассказал великий писатель Лев Николаевич Толстой. Давайте вспомним его статью "О голоде", он ее написал, посетив черноземные уезды Тульской области: "Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой - с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды - хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, - и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные... Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она несъедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют. Здесь бедные двory доедали уже последнее в сентябре...".

Вспомним его же слова: "Народ голоден оттого, что мы слишком сыты". Так вот, экспортировали в дореволюционной России хлеб, который возделывали для помещиков полуголодные крестьяне. Собственных запасов им хватало, в лучшем случае, до февраля. А затем они шли в долговую кабалу к тем же помещикам и зажиточным соседям - к кулакам.

И такой же принцип начал действовать на селе и после революции. Вместе с тем для укрепления государства, для роста промышленного производства и подъема земледелия нужны были деньги. Для этого было два пути: разрешить обогащаться кулакам за счет забора земли у единоличников. Но это было бы против справедливости и означало, что и в Советской стране существует класс угнетенных. И второй путь: земельная кооперация, которая позже сменилась коллективизацией. Коллективные хозяйства позволяли внедрять технику, сплачивать крестьянский труд, тем самым повышая уровень обработки земли. Но кулачество препятствовало такой государственной политике, что и привело к непоправимым последствиям. Это были тяжелые годы. Было много ничем не оправданных жертв. Но их было бы больше на порядок, если бы не удалось выжать все внутренние средства, чтобы создать тяжелую промышленность. Народа бы не стало вообще как такового в 1941 году.

+ + +

Но по порядку: после прихода к власти национал-социалистов в Германии угроза войны стала еще более реальной, чем прежде. Выступая 4 февраля 1931 года, Сталин сказал свои знаменитые слова: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут". Это был абсолютно точный реалистический прогноз: если бы именно через десять лет, к февралю 1941 года, оборонная промышленность СССР не вышла на уровень передовых стран, вряд ли наша страна смогла бы устоять через несколько месяцев под натиском гитлеровской Германии. Советских людей просто истребили бы, или превратили

в рабов немецких "сверхчеловеков".

Фашизм вскармливался Западом, прежде всего Великобританией и США. Он служил для них силой, направленной против Советского Союза. И то, что война с Германией неизбежна, сознавали даже мы, довоенные дети. Но кроме угрозы с запада зрела агрессия и на востоке. К концу 30-х годов Япония уже развязывала вооруженные конфликты, были бои на озере Хасан в 1938 году, а через год – военные действия на реке Халхин-Гол в Монголии. Антикоминтерновский пакт, подписанный Германией, Японией и Италией в те годы, создал ось Рим-Берлин-Токио, нескрываемо направленную против СССР. В этих условиях защита отечества становилась первоочередной – общество сплачивалось, мобилизовывалось на ударный созидательный труд. А это означало подчинение, прежде всего экономики, развитию промышленности, способной обеспечить производство средств обороны, создать сильную армию, оснащенную современным оружием.

Обороноспособность требовала жертв, отказа от планомерного развития экономики. Все это не давало социалистическому эксперименту никаких условий, кроме жизни в постоянной мобилизационной готовности. Народ верил в дело, которому отдавал силы, доверял власти и не сомневался в правильности избранного пути. Это показывали в своих трудах даже зарубежные писатели. В 1931 году Теодор Драйзер в книге "Трагическая Америка" писал о том, какое впечатление произвели на американских рабочих успехи советского народа, достижения социалистического государства. Он называл Советский Союз "радостной страной подвигов", "подлинно социальной страной, где духовная жизнь прогрессирует" и где создалось неведомое капиталистическому строю драгоценное "чувство национального товарищества".

Многие выдающиеся прогрессивные зарубежные писатели в 30-х годах посетили СССР. Среди них были Барбюс, Арагон, Нексе, Бехер, Фейхтвангер, Роллан, многие другие. Внимательно ознакомился с жизнью СССР Б. Шоу, он резко осудил "слепую безрассудную кампанию с целью дискредитации СССР", проводимую реакционной прессой. Он обратился к своим соотечественникам с призывом "поддержать те течения, которые требуют политики мира, установления торговых отношений, прочной дружбы и понимания великой рабочей республики". С глубоким уважением и сочувствием писал Шоу о мирной созидательной деятельности советских людей; книги "Сталин" А. Барбюса и "Два мира" М. Нексе также рассказывали об исторических трудовых подвигах народов СССР. Ю. Фучик, назвавший свою книгу об СССР: "В стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем", в предисловии к ней говорил: "Не о рае, а о Советском Союзе написана эта книга, не о чудесах, а о вас, советские рабочие, которых я видел на лесах величественного здания нового общества.

О вас, о людях, которые выполняют пятилетку... Я видел план великих работ в ваших руках".

Рукотворное чудо свершилось: уже к 1936 году производительность труда в промышленности превысила уровень царской России более чем в 2,5 раза по годовой выработке и более чем в 3,5 раза – по часовой. По уровню промышленного производства СССР вышел на первое место в Европе и на второе в мире.

+ + +

Переоценить внешнюю угрозу, которая нависала над СССР в 30-е годы, невозможно. Достаточно обратиться к произведению Гитлера "Майн кампф", которое, с ростом популярности автора в Германии, становилось по тиражам вровень с Библией. В русском переводе эта книга появилась до начала Великой Отечественной войны и распространялась строго между партийными

работниками – для изучения. Достаточно четко там было указано направление, в котором нужно было расширять жизненное пространство для Германии: "Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены".

Общеизвестно, что внутри Германии книга Гитлера служила руководством к действию и действия не заставили себя долго ждать: уже в начале 1934 года 240 предприятий были переориентированы на производство военной продукции. Версальские ограничения, сдерживавшие Гитлера, были отброшены с подачи британского министра иностранных дел сэра Джона Саймона, который в мае 1934 года предложил применить принцип равенства вооружений к Германии. Даже сам фюрер не сразу решился официально демонтировать Версальскую систему. Он взялся за это спустя год: 16 марта 1935 года было объявлено о создании в Германии тридцати шести дивизий, в которых служили полмиллиона человек. 5 ноября 1937 года на заседании на Вильгельмштрассе Гитлер откровеннейшим образом раскрыл свои милитаристские планы, заявив, что "85 миллионов немцев скучены на узком пространстве, страдая более чем какой-либо другой народ... Немцы имеют право жить на большем жизненном пространстве, чем другие народы... Будущее Германии полностью зависит от разрешения проблемы ее жизненного пространства... Экспансия может осуществляться лишь путем борьбы с окружающим миром и при условии готовности к риску... Проблема Германии может быть решена лишь обращением к оружию, а это всегда сопровождается наличием риска".

Не видеть германскую угрозу было нельзя, но Англия и Франция упорно пытаются разыграть немецкую карту против СССР. Вершиной этой политики становится Мюнхенский сговор 1938 года. Это азбучные сведения: 29 сентября 1938 года в Мюнхене собрались главы четырех крупных европейских государств: премьер-министр Англии Невилл Чемберлен, премьер-министр

Франции Эдуард Даладье, канцлер Германии Адольф Гитлер, ну и от Италии, конечно же, дуче Бенито Муссолини. И приняли решение, которое, если вещи называть своими именами, было разрешением на расчленение Чехословакии. Каждый из этих первых лиц в своих странах провел мощнейшую пропагандистскую атаку на умы своих сограждан, внушая, что без этой жертвы – Чехословакии – может начаться Вторая мировая война. Поэтому их встречали как триумфаторов после Мюнхена – триумфаторы отдали Гитлеру чешскую Судетскую область, а еще ряд территорий этой, по сути, убитой страны поделили между другими государствами. В то время, как, вернувшись из Мюнхена, Чемберлен делал громкие заявления о том, что "отныне мир обеспечен на целые поколения". (Заметим в скобках, что речь эта произносится чуть ли не накануне настоящей войны.) Черчилль, надо отдать ему должное именно в данной ситуации, был прозорливее в оценке Мюнхенского сговора, он говорил: "Англия должна была выбирать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить и войну".

Единственной страной в мире, пожелавшей оказать помощь Чехословакии, был Советский Союз. Еще до Мюнхена, когда гитлеровские войска проводили акцию устрашения у границ Чехословакии, президент этой терроризируемой страны Бенеш обращался к нам и получил положительный ответ. СССР был готов ввести свои войска и занять позиции против Германии в самой Чехословакии, и эти позиции на немецко-чешской границе были очень сильными. Там можно было воевать месяцами – немцы ничего бы не смогли сделать. Но для

того чтобы войти советским войскам, нужно было получить разрешение Польши, а эта страна, под давлением Англии, отказалась, а в итоге сама оказалась в руках фашистов. Если бы мы вошли в Чехословакию – события бы развернулись по-иному.

Если бы даже хотя бы после Мюнхена Франция и Англия согласились бы на союз с нами, что им и предлагалось неоднократно, не было бы и "Пакта Молотова – Риббентропа". Но они уклонились от создания антигитлеровской коалиции и делали все для того, чтобы Германия, наконец, напала на СССР. И поэтому советское руководство пошло на заключение в 1939 году договора с Германией – другого выхода нам не оставляли. Именно этот договор отодвинул начало войны для нашей страны и в пространстве, и во времени: война с фашистской Германией могла бы начаться на целых два года раньше и на 400 километров ближе к Москве. Протоколы о разделе Польши дали нам западные территории Украины и Белоруссии, а если бы этого не произошло, немцы войну начали бы под Минском – и когда бы они пришли к Москве? А значит, допустимо говорить о том, что этот договор позволил Красной Армии отстоять столицу нашей родины. Из-за него немецкая военная машина начала бросок все-таки с рубежей, отдаленных от жизненно важных центров СССР.

Этот договор, как я уже говорил, был спасителен для нас – немцам пришлось тратить время и силы, для того чтобы пройти новую нашу территорию. То есть, исходя из логики момента, все было сделано правильно, а вот уже позже, в послевоенное время, извечная наша секретность привела к тяжелым последствиям. Протоколы 1939 года необходимо было публиковать и обсуждать в печати, это можно было сделать хотя бы даже в 60-х годах. Но их засекретили, и особенно тяжело эта таинственность отозвалась в 90-х годах, когда определенные круги в Прибалтике создали истерию по поводу пакта. Это было начало раскола Советского Союза. Для Англии и США Прибалтика изначально виделась как площадка для старта распада страны. Они добились цели, но удивляет, что сами прибалты не унимаются по поводу этого исторического документа до сих пор. "Пактом Молотова – Риббентропа" они размахивают и сегодня, я задаю им в таких случаях традиционный вопрос, и сделал то же самое на той недавней встрече, с которой начинал введение к этой книге, – где обсуждали закон США "О порабощении наций". Литовцы начали свое выступление именно с громких заявлений по поводу пакта... Я сказал им: "Зачем вы так шумите, вы отдайте Вильнюс Польше – это же по договору Молотова – Риббентропа Вильнюс вам вернули... Вернули исконные земли, а не отхватили чужое, но на тот-то момент это же был польский город Вильно. А ваша столица была в Каунасе..."

Не нашли литовцы, что ответить...

+ + +

И вновь возвращаюсь к основным точкам" нашей истории, одна из самых главных – Великая Отечественная война.

"Германский народ! В этот момент начинается марш, который по своим масштабам может быть сравнен с величайшими виденными миром. Я решил сегодня вручить судьбу и будущее рейха и нашего народа в руки наших солдат!" – это фрагмент из заявления, с которым от имени Гитлера выступил 22 июня 1941 года Геббельс.

"Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу и без объявления войны германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!" – это фрагмент из заявления, с которым от имени Сталина выступил 22 июня 1941 года Молотов.

Отношение к этой информации у всех было разное. Общеизвестно, что Гитлер к этому времени практически за шесть недель завоевал Францию, а уж "расово неполноценные славяне", как он заявлял в первые дни войны, будут разбиты еще быстрее. Под канонады германской авиации, чуть ли не в самые первые часы боевых действий разбомбившей десятки советских аэродромов, речи о неминуемом классическом блицкриге мало кому в мире представлялись нереальными. Но такие умонастроения были только за пределами молодой Страны Советов, внутри же – миллионы и миллионы – все, от мала до велика, истово верили в победу...

Позволю себе привести еще несколько фрагментов из жизни моей семьи. В декабре 1941 года мой отец получил назначение Наркомугля в Перми на строительство заводов № 1-2 подземной газификации углей в город Ленинск-Кузнецкий. Здесь же вместе с ним начал трудиться и я. Немецкая оккупация выбросила из родного Донбасса не только нас – сотни тысяч наших земляков нашли защиту и кров в близких по духу местах, там, где жили шахтеры и металлурги. На одной только территории Кемеровской области (бывшей Новосибирской) разместилось 13 эвакуированных заводов из Донецкой области (бывшей Сталинской). Опыт и знания донбассовцев оказались достаточно остро востребованными – война требовала неимоверного подъема производства. Надо было компенсировать потери, вызванные оккупацией промышленных районов Украины и европейской части РСФСР. Это удалось сделать: если, по свидетельству специалистов, валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 года из-за военных потерь и процесса эвакуации сотен предприятий уменьшилась в 2,1 раза, то уже начиная с декабря того же года падение прекратилось, а в марте следующего начался подъем производства. Выпуск военной продукции только в восточных районах страны достиг уровня производства, который был в довоенное время на всей территории СССР. Тыл ковал победу наряду с фронтом, совершая великий массовый подвиг. "Все для фронта, все для Победы" – такой настрой был на всей огромной территории страны, – от работы отвлекались только для того, чтобы прослушать из тарелок громкоговорителей неутешительные поначалу сообщения с фронта. И с еще большим упрямством, молча, шли трудиться люди. И работали с удвоенным упорством, стойкостью и волей. Слова из знаменитой песни: "Пусть ярость благородная вскипает, как волна" – отражали общее состояние советского народа, потому что это была для нас действительно священная война – мы защищали Родину. В первые же дни войны массовый порыв создал народное ополчение.

Десятки тысяч москвичей жизнью своей сорвали гитлеровский блицкриг, задержав в смоленском и вяземском сражениях в 1941 году моторизованные и вооруженные до зубов немецкие полчища. "Они продолжают сопротивление даже будучи окруженными, я такое наблюдаю впервые, – изумлялся известный немецкий генерал Гальдер, рассказывая о сопротивлении советских войск в битве за Смоленск. – Они стремятся отделить наши механизированные части от пехоты, которая следует за ними". Он был потрясен: "Их сопротивление "фанатичное и зверское".

Тогда, кстати, не существовало заградительных отрядов, о которых так любят говорить сегодня те, кто хочет принизить роль своей собственной страны в великой победе над фашизмом. И никаким тоталитарным режимом, никакими репрессиями невозможно было бы устроить так, чтобы возникал конкурс для тех, кто хотел защищать родину с оружием в руках. Говоря современным языком, это был настоящий кастинг: людей приходилось уговаривать остаться в тылу, и они из-за этого сильно расстраивались. Но если ты шахтер-забойщик – значит нужен шахте, если металлург – на заводе, а они рвались в бой. Это общее было состояние, – говорю сейчас о том, что видел и чувствовал сам, в чем участвовал. В самые тяжелые дни войны, в июле

1942 года, в Сибири возник мощный порыв, образовавший бурный поток формирования частей добровольцев. И это – в момент пика успехов фашистских войск, которые уже практически выходили к Волге. До двух крупнейших побед в битвах под Сталинградом и на Курской дуге, переломивших, как сказал И.В. Сталин, хребет гитлеровской армии и поставивших Германию перед катастрофой, еще было очень и очень далеко. И вот – в это самое критическое время люди горели желанием внести свой вклад в освобождение родины от захватчиков, отлично понимая, что рискуют жизнью. Мне до сих пор помнится песня, звучавшая буквально повсюду:

...По Сибири, по таежной шири Раздался наш клич боевой, Мощь сибирская, сила богатырская Поднялась на решительный бой. Сибиряк своей родине верен. В бой вступая и в зной, и в пургу, Он идет на фашистского зверя, Как на зверя ходили в тайгу...

+ + +

Отец мой ушел на фронт добровольцем – рядовым бронейщиком. Через несколько месяцев и я последовал за ним. Заявления подавались везде – на предприятиях, в шахтах, в колхозах – лавиной. Были созданы комиссии по отбору – у нас в городе ею руководил один из секретарей горкома партии, он принимал решения вместе с военкомом и представителями комсомола. Шел отбор по принципу: чем ты занят сейчас? Многих приходилось упрашивать забрать свое заявление назад. Месяц комиссия заседала, потом военком клал на стол свое заявление, секретарь парторганизации и комсомола – свои, и комиссия уезжала на фронт вместе со всеми, прошедшими "кастинг".

Мне было 16 лет, и я был секретарем горкома комсомола ВЛКСМ города Ленинск-Кузнецкий – это вполне была обыденная ситуация во время войны. Когда первая группа уехала, я вошел в эту комиссию и поступил так же, как и мой предшественник, Николай Туров. С ним через год примерно мне случилось увидеться уже на фронте, где-то в районе Великих Лук...

Конечно же, не только из нашего города шли добровольцы – процесс захватил всю Сибирь: Новосибирск, Кемерово, Алтай, Омск, Красноярск, Томск – так возник 6-й сталинский стрелковый корпус добровольцев-сибиряков, окончивший войну 19-м гвардейским. Части добровольцев формировались и на Урале и в Забайкалье, и во многих других регионах страны. Подчеркиваю – добровольцев, не тех, кого специально призвали на фронт, а тех, кто по доброй воле шел сам, веря в победу и готовый отдать за эту победу жизнь. Многонациональная страна защищала свою родину – страну как родину ощущали все нации и народности, ее населявшие. Без такого единения, без сплочения народа ради победы мы бы этой победы не достигли...

У нас, добровольцев-сибиряков, было хорошее вооружение: дали автоматы, которые делались на сибирских заводах, – их вручили перед выездом на фронт. Было и минометное вооружение – вплоть до ротных минометов, которых тогда было мало. Провожали тепло, когда проезжали Москву, с активом встретился Ворошилов, а перед комсомольцами выступил первый секретарь ЦК комсомола Михайлов. Объяснение этому простое – у нас был абсолютно добровольческий корпус, и он носил имя Сталина. К тому же это было очень тяжелое время, поговаривали, что наш корпус готовят к Сталинграду, но его бросили на Калининский фронт. Наступление под городом Белым служило для сковывания сил противника, чтобы они не ушли под Сталинград. К тому же нужно было ликвидировать Ржевский выступ, остававшийся после 1941 года и продолжавший угрожать Москве. За эти бои я получил свою первую в жизни боевую награду – медаль "За отвагу".

Вскоре во время боя за станцию Павлиново получил я и первое свое

ранение – пулей ранило руку. Лечился в медсанбате, и здесь случилось чудо – меня разыскал отец. Оказалось, что он служит в соседней дивизии помощником начальника штаба полка. Услышал о моем ранении и, конечно же, разыскал. Дальше мы с ним уже воевали вместе под местечком Ленино, в Белоруссии, вместе с прибывшей на фронт польской дивизией имени Тадеуша Костюшко. Немецкая авиация готовила для нее специальный удар, досталось и нам. За бои под местечком Ленино я был награжден второй медалью "За отвагу", а вскоре, в боях под Оршей, около меня разорвалась мина. Тело изрешетило более 40 осколков, пробили плевру легких. 32 из них до сих пор во мне... За эти же бои был награжден только что учрежденным солдатским орденом Славы третьей степени. Мне повезло: в Москве на Белорусском вокзале санитарный поезд обходила бригада врачей знаменитого хирурга академика Брайцева, они отбирали тяжело раненных по своему профилю и отправляли в клинику. Всю жизнь вспоминаю с благодарностью замечательных врачей Центральной клинической больницы имени Семашко Наркомата путей сообщения, где пролежал восемь месяцев и где меня подняли на ноги.

Вернулся на фронт, догнал полк отца под городом Новоржевом. 13 июля 1944 года наш полк снялся с обороны и маршевой колонной пошел вперед во втором эшелоне наступающих – это был солнечный день. Мы находились уже близ деревни Большие Гривны, места там красивые, напротив – Пушкинские Горы.

- Вот закончить бы побыстрее войну и поселиться здесь, – сказал отец.

Остро почувствовалось, как устал он, казалось, его преследуют какие-то мрачные мысли, может быть, предчувствия. Спустя два часа полк наткнулся на немецкую засаду. Я был от отца метрах в двухстах, когда из-за леса вынырнул "мессершмитт".

- Берегись, сейчас ударит! – крикнул мне отец.

И действительно, "мессершмитт" развернулся и сбросил бомбу. На месте, где только что находился отец, была глубокая воронка, раненые лошади, тела убитых. Отца нашел в кювете, он был тяжело ранен. Мы доставили его в медсанбат, и там я с ним простился.

- Догоняй полк, – сказал отец на прощание. А утром его не стало, он погиб от гангрены...

Потом были бои за Ригу – ни одного дома в этом городе мы не повредили. Мы вошли 13 октября 1944 года, вышли на набережную Даугавы, перед нами открылись здания Домского собора и других старинных домов, башен. С крыш пулеметчики вели по нам огонь. Мы вытащили свою полковую артиллерию, но только-только выстроили пушки, как прибежал ординарец, привез от командования приказ, запрещающий стрелять по старой Риге. И когда сюда через дня три-четыре входили уже основные наши войска – они не могли идти никак иначе, как только по цветам, – вот так приветствовали нас горожане, собравшиеся в огромном количестве. Они-то и бросали цветы освободителям – это уже в 90-х годах пошли громкие разговоры о том, что немецкую оккупацию сменила "советская оккупация"... А тогда рижане бросали цветы советским воинам, и этого никто специально организовать не мог, это был порыв, настоящие чувства.

Вообще опорочить такую твердыню, как победа советского народа в Великой Отечественной войне, пытались с самых разных сторон – чего мы только не наслушались, особенно в последние 20 лет! И это при том, что мы до сих пор живем в обществе, которое пользуется накоплениями прошлого,

заслугами тех, кто победил в октябре семнадцатого и в мае сорок пятого, кто трудом своим залечил раны войны, вывел страну в мировые лидеры!

+ + +

В продолжение темы о попытках любыми способами опорочить нашу великую Победу и о борьбе с фальсификаторами истории хочется рассказать о замечательной книге Н.Н. Яковлева "Власов и власовцы". В нашем обществе прочно утвердилось мнение, будто в минувшую эпоху горькая участь "работать в стол" подстерегала лишь тех, кто так или иначе вставал в оппозицию к тогдашней власти. Между тем бывали случаи и совершенно иного, я бы даже сказал, в некотором роде противоположного свойства. В опале иногда оказывались и те рукописи, которые, казалось бы, не противоречили идеологическим основам, но зато ставили своей целью на базе строгих фактов восстановить историческую истину, чтобы - соответственно этой абсолютной фактологической истине - воздать должное несправедливо опороченным и незаслуженно восхваляемым.

На первый взгляд есть некая парадоксальность в том, что это важное уточнение наших представлений о некоторых особенностях советской эпохи приходится делать человеку, несколько десятилетий работавшему в системе госбезопасности, которая, по общему мнению, и занималась надзором за идеологической стерильностью. Но в своей книге "КГБ и власть" я уже писал о весьма непростых взаимоотношениях, сложившихся в так называемый андроповский период между

Старой площадью и Лубянкой. Не все в них было так однозначно, как полагают некоторые. Именно в этой связи особый, возможно даже исключительный, интерес и представляет судьба рукописи, судьба исторического эссе Н.Н. Яковлева "Власов и власовцы". Так уж получилось, что волею обстоятельств я имел самое непосредственное отношение к созданию этой неординарной книги и потому могу по сути и, как говорится, по фабуле - поведать о ее необычной судьбе.

Николай Николаевич Яковлев был одним из крупнейших советских и российских историков, человеком ярким и вдобавок наделенным незаурядным литературным даром. Его перу принадлежит немало книг, не только получивших признание читателей, но и вызвавших широкий общественный резонанс. Это вообще была очень крупная личность, и я благодарен судьбе за то, что она достаточно близко свела меня с этим необычайно эрудированным, интересным человеком, который живо откликался на самые сложные, а порой и неблагоприятные, совсем не конъюнктурные, спорные темы.

Собственно говоря, именно так произошло и с той темой, которая впоследствии получила наименование "Власов и власовцы". Вопрос о власовском движении, а в просторечьи - вопрос о власовцах, был актуален в первые послевоенные годы, когда он прочно, казалось незыблемо, ассоциировался с предательством, с изменой Родине и не вызывал разнотолков. В ту подцензурную пору данные о судьбах бывших военнопленных оставались засекреченными, и на бытовом уровне утвердилось мнение, будто практически все они из немецкого плена, как говорится, "транзитом" проследовали через фильтрационные лагеря в лагеря ГУЛАГа. По служебной необходимости изучая впоследствии этот вопрос, могу сказать, что молва несомненно преувеличила размеры репрессий в отношении бывших военнопленных. Здесь, конечно, нет возможности углубляться в анализ этой проблемы, однако хочу все же привести один эпизод, который и дает представление о "верховном" подходе к ней, то есть линии в этом вопросе Сталина, которая по вполне понятным причинам и была определяющей.

Эпизод, о котором мне поведал один из его непосредственных участников, произошел в сороковых годах, вскоре после окончания Великой Отечественной войны. На заседании Секретариата ЦК ВКП(б), проходившем под председательством Сталина, в ходе обсуждения взял слово секретарь ЦК П.К. Пономаренко и сказал примерно следующее:

- Иосиф Виссарионович, я слушаю выступающих, и мне кажется, они совершенно не думают о том, что нам, возможно, еще придется воевать...

Сталин моментально отреагировал на это очень мудрое замечание и круто повернул обсуждение в плоскость того, что надо обстоятельно разбираться с каждым бывшим военнопленным в отдельности, а не зачислять в категорию предателей и трусов всех подряд. Действительно, людям, прошедшим войну, хорошо известно, в каких трагических, безвыходных обстоятельствах порой оказывались на фронте солдаты и командиры, далеко не каждого попавшего в плен можно было обвинить в трусости. А уж что касается предательства, измены, тут и вовсе разговор особый, счет штучный, а не массовый.

Пономаренко, который в годы войны возглавлял Центральный штаб партизанского движения, возможно, лучше, чем кто-либо другой, знал эту проблему, поскольку именно в его отрядах героически сражались многие советские солдаты и офицеры, попавшие в фашистский плен, а затем бежавшие к партизанам. Метить всех бывших военнопленных клеймом изменника Родины означало бы не только вершить жгучую несправедливость, но и создавать опасный прецедент на будущее: в следующей и скорой войне, которую в ту пору считали практически неизбежной, попавшие в плен не стали бы стремиться к возвращению на Родину, опасаясь неотвратимых репрессий.

Именно эту ноту, эту опасность чутко уловил Сталин в реплике Пономаренко. А потому сразу свел разговор к персональной ответственности каждого бывшего военнопленного.

Этот эпизод весьма примечателен, поскольку иллюстрирует ход мыслей самого Сталина. А от его мнения, повторюсь, целиком и полностью зависела государственная политика в отношении бывших военнопленных.

+ + +

Тем не менее дров, конечно, было наломано немало, но в 60-70-х годах волна пошла в другую сторону и начала поднимать на свой гребень и бывших власовцев. Самая крупная, я бы сказал, запевная публикация на эту тему принадлежала известному донскому писателю Анатолию Калинину. Литератор, безусловно, талантливый, он с большой художественной силой поведал в повести "Эхо войны" об одном из таких людей, не по своей воле оказавшихся в РОА, в "Русской освободительной армии", сколоченной генералом Власовым.

Надо сказать, что в тот период тема об отзывах военного лихолетья вообще была популярной. В частности, Аркадий Сахнин опубликовал в "Комсомольской правде" большой очерк под таким же названием - "Эхо войны", посвященный обнаружению и разминированию в Курске колоссального потаенного склада немецких артснарядов и мин, от взрыва которого мог взлететь на воздух почти весь город. Резко оживился интерес к военным мемуарам: крупные советские военачальники фронтовых лет к тому времени начали выходить в отставку и получили возможность взяться за перо, чтобы поведать, говоря словами популярной песни военных лет, о друзьях-товарищах, об огнях-пожарищах, о собственном видении великой войны.

На этом фоне повесть Анатолия Калинина, которая по существу как бы оправдывала власовское движение, привлекла внимание своей исторической неточностью, своего рода "вселенской смазью": о бывших военнопленных начали судить в целом, вообще, скопом, объявляя всех их невинно пострадавшими, - вместо того чтобы разбираться в каждой конкретной судьбе. Я неплохо знал Калинина и при встрече высказал ему сомнения на этот счет. Однако разговор у нас не получился. Но, к сожалению, мои тревоги оказались не напрасными. Повесть "Эхо войны" совпала по времени с появлением на Западе потока литературы о власовцах, причем все публикации били в одну цель, доказывая, что власовское движение было не чем иным, как восстанием свободолюбивого русского народа против большевизма.

При этом само понятие "власовцы" было, с одной стороны, антиисторически расширено, а с другой - сведено к русскому национальному вопросу, что также не соответствовало исторической истине. Поэтому возникает необходимость более подробно разобраться в этой проблеме...

Если исключить из рассмотрения диверсантов, закончивших спецшколы, и полицаев, численность которых в целом была невелика, то прослойка так называемых власовцев подразделяется на три категории. К первой, относительно самой большой, причислялись те, кто носил немецкую форму, однако не имел оружия и служил в тыловых частях, в обозах, кого привлекали на хозяйственные работы. Как правило, таких людей подневольно использовали в командах генерала Тодта, возглавлявшего инженерно-тыловое обеспечение фашистской армии. Они не принимали участия в боевых действиях, к тому же среди них было немало партизанских лазутчиков, выполнявших разведывательные задания. Этим людям неправомерно причисляли к власовцам, несправедливо ассоциируя их с изменниками Родины.

Вторая категория, крайне малочисленная, состояла из отпетых бандитов, бывших уголовников, которых немцы использовали в качестве провокаторов: переодевали в советскую форму и забрасывали в наш ближний армейский тыл. Они начинали там пальбу, инсценируя вражеские прорывы, устраивая панику и так далее. Разведка регулярно доносила, что такие группы провокаторов всегда находились у немцев под рукой, это были своего рода "камикадзе", в плен они не сдавались, прекрасно понимая, какая участь их ждет. Этим изгоев тоже нельзя причислять к власовцам, они к ним никакого отношения не имели.

И, наконец, третья категория - это непосредственно власовцы, то есть те, кто служил в "Русской освободительной армии" генерала Власова.

Но в обыденном сознании все три вышеуказанные категории объединились одним понятием - "власовцы". Между тем оно отнюдь не безобидно - не только в плане несправедливости по отношению к конкретным личностям, но и в смысле большой исторической неправды. Дело в том, что волна реабилитации Власова, поднятая в 70-х годах на Западе, преследовала далеко идущие цели и была, что называется, с двойным дном. Внешне речь вроде бы шла о том, что Власов и его воинство хотели освободить Россию от большевистского ярма, а потому генерал Власов - это в некотором роде антиСталин, намеренно скомпрометированный Кремлем как предатель, изменник. В этой плоскости шло "отбеливание" предательства вообще, "облагораживание" тех, кто в годы смертельной схватки с фашизмом воевал с оружием в руках против своего Отечества, к тому же предал присягу.

Но был во всей этой пропагандистской возне и второй, как бы подспудный пласт. Армию генерала Власова и власовцев вообще, вдобавок в явно расширительном, искривленном толковании, о котором сказано выше, все более активно начали ассоциировать с сугубо национальным русским явлением.

Здесь западные пропагандисты делали своего рода обратное сальто-мортале, возвращаясь к теме об измене Родине, и отождествляли предательство власовцев, воевавших на стороне Германии, с национальным русским позором, превращая власовцев в синоним и в символ русского предательства вообще.

Не говорю о том, что это даже фактически не соответствовало истине, поскольку и в РОА, и среди других категорий бывших советских граждан, так или иначе оказавшихся в вооруженных силах фашистской Германии, были люди многих национальностей, как в свое время, предположим, в русской редакции радио "Свобода". Но коварство такого отождествления власовцев с русским населением заключалось в том, что представители некоторых других национальных групп, в годы Великой Отечественной войны сражавшиеся против СССР, сразу же ухватились за этот тезис, ставший для них неким оправданием. В частности, мне известно, что его взяли на вооружение бывшие бандеровцы, утверждавшие примерно следующее: да, мы воевали против СССР, но нас, украинских националистов, было меньше, чем русских власовцев. Да и прибалты, например, чьи воинские формирования воевали на стороне Германии, начали использовать тезис о власовцах для сопоставления с ними своего "уровня предательства" - в процентном отношении к общей численности той или иной нации.

Короче говоря, непроясненность вопроса о Власове и власовцах, попытки чохом реабилитировать всех состоявших в РОА, неправомерно расширительное толкование самого понятия "власовцы", стремление объявить власовцев борцами за святую Русь и в то же время бросить тень предательства на весь русский народ - все это перемешалось в мутном потоке невольной или преднамеренной дезинформации, в котором принялись "удить рыбку" самые различные, порой даже противостоящие друг другу общественные, политические и национальные силы.

+ + +

Примерно в тот период у нас и состоялся обстоятельный разговор на эту тему с Николаем Николаевичем Яковлевым. Разговор сводился к тому, что противопоставить этому мутному потоку дезинформации и недопонимания можно только одно - строго выверенную, основанную на неопровержимых исторических фактах истину. Человек очень энергичный, с живым умом, Яковлев сразу, несмотря на сложность темы, заразился ее привлекательностью для серьезного научного исследования. Он высказал желание поработать над ней, выдвинув условие: привлечь архивы КГБ, относящиеся к Власову и власовцам.

Эта просьба была выполнена, и в распоряжении историка оказались не только материалы оперативной разработки Власова и его ближайших подручных, но также документы Четвертого управления НКВД, которое в годы Великой Отечественной войны занималось закордонной, зафронтовой работой. Управление это было ликвидировано в 1947 году за ненадобностью, но в его архивах сохранилось много интересных данных о деятельности наших диверсионных групп в тылу врага, а также о противодействии проникновению немецкой агентуры в наш тыл. В его сферу деятельности входила и работа против РОА - "Русской освободительной армии" генерала Власова.

Николай Николаевич Яковлев с головой погрузился в изучение предоставленных ему материалов и через некоторое время написал большую книгу, всесторонне освещающую тему "Власов и власовцы". Но самостоятельно Николай Николаевич отнести рукопись в какое-либо издательство не мог. В то время такие сложные, противоречивые исторические темы предварительно обкатывались на Старой площади и лишь затем по указанию из Агитпропа ЦК КПСС принимались в печать. Однако неожиданно для меня самого в тот период, в первой половине семидесятых годов, публикация книги Н.Н. Яковлева "Власов

и власовцы" встретила в Агитпропе ЦК КПСС довольно активные возражения. В то время, полагаю, причин было несколько, но ни одна из них не носила принципиального характера. На мой взгляд, просто сказывалась атмосфера тех лет, нежелание углубляться в суть исторических явлений.

Ведь публикация книги Н.Н. Яковлева влекла за собой некие официальные разъяснения, уточняющие само понятие "власовцы". Она требовала поставить заслон обелению, даже возвеличиванию самого Власова и, как следствие, покончить с оправданием предательства некоторых других национальных "героев" типа Бандеры. Наконец, она восстанавливала справедливость по отношению к тем тысячам солдат и офицеров 2-й ударной армии, которые не сдались в плен вместе с Власовым и его штабом, а пали смертью храбрых в боях за Родину.

И вот мне кажется сегодня оправданным решение вернуться к написанному мною в 1996 году "предисловию к предисловию". Предисловие - вступительная часть рукописи, сохранившаяся в домашнем архиве ушедшего из жизни профессора. Оно позволяет коснуться самой концепции всей книги Н.Н. Яковлева:

"В зарубежной, а в последние годы и в российской литературе о Власове и власовцах проводятся мысли о будто бы "мессианской" задаче избавления России от большевизма, которую ставило перед собой власовское движение. Но исторические факты неумолимо свидетельствуют: никакого власовского движения по сути и не было. Ведь понятие "движение" предполагает определенную идеологию, а также единомыслие, целеустремленность его участников. Между тем, сами обстоятельства пленения Власова и его дальнейшее "использование" немцами показывают, что РОА сколачивалась на основе вовсе не идейной, а сугубо шкурной мотивации.

Начать с того, что генерал Власов пробыл в должности командующего 2-й ударной армии считанные дни - почему-то об этом сейчас упорно умалчивают. Эта армия зимой 1942 года попала в окружение, но благодаря умелым артиллерийским ударам командование Волховского фронта сумело пробить коридор шириной примерно полтора километра и армия начала выходить из котла. Однако был тяжело ранен командарм генерал Журавлев, его срочно эвакуировали в тыл, а на смену ему направили заместителя командующего Волховским фронтом генерал-лейтенанта Власова.

Когда Власов прилетел в штаб 24-й ударной армии, немцы снова замкнули кольцо окружения. На помощь вылетел, как он мне рассказывал, заместитель командующего артиллерией фронта генерал-майор Кулешов - чтобы восстановить коридор прежним способом. Но он застал лишь пустые блиндажи и палатки - Власов и его штаб ушли к немцам. Таким образом, ни о какой сдаче в плен врагу всей 2-й ударной армии речи вообще не было - армия продолжала мужественно сражаться, генерал Кулешов тоже был тяжело ранен, однако избежал плена. Добровольно сдалась фашистам лишь маленькая горстка штабистов, близких генералу Власову. Эти обстоятельства и предопределили дальнейшую судьбу Власова, пошедшего на сотрудничество с фашистами. Изначально у него не было своей армии, и ее пришлось рекрутировать в лагерях для военнопленных. Естественно, при таком разношерстном наборе ни о каких идейных соображениях просто не могло быть и речи. В РОА в основном шли две категории военнопленных, причем ни тех ни других, на мой взгляд, осуждать не следует.

Одни просто пытались вырваться из нечеловеческих условий концлагерного существования, чтобы не умереть от холода и болезней. А другие сразу прикинули: если пойти в РОА, то появится возможность попасть на фронт, а это самый близкий путь для возвращения к своим, на Родину. Что

же касается тех, кто действительно стремился свести счеты с большевиками, то их было очень немного. Именно по этой причине в верховном германском руководстве существовало стойкое недоверие к РОА, а самого Власова использовали прежде всего в пропагандистских целях. От его имени издавали газеты и бесчисленные листовки, которые забрасывали в наш ближний фронтовой тыл, - в таких листовках непомерно раздувались масштабы власовской армии, а сами они служили пропуском для прохода через линию фронта к немцам.

Именно из-за недоверия к Власову и его армии в германском руководстве постоянно шли трения и относительно использования РОА. Непосредственно "движение" курировал Гиммлер, который все же считал возможным "опробовать" власовцев в боевых условиях. Но этому упорно противился Гитлер, который вообще не доверял русским, даже выступавшим под антисталинскими знаменами. Но одну из власовских бригад под командованием Гиля-Родионова все-таки "опробовали" - правда, не на фронте, а всего лишь для борьбы с партизанами. О том, каким был эффект этой "апробации" и вообще о значении власовского движения весьма красноречиво пишет в своих воспоминаниях, вышедших на русском языке в 1991 году, бывший руководитель фашистской разведки Вальтер Шелленберг:

"Значительную психологическую поддержку нам оказывала так называемая "армия Власова", на знамени которой было написано "Освобождение России от советского режима". Гитлер и Гиммлер упорно отказывались признать Власова и использовать его войско: они согласились изменить свою позицию лишь в самом конце войны... После завершения психологической и идеологической обработки добровольцев приступили к их обучению, причем особое внимание уделялось их подготовке в качестве радистов. Понятно, что органы НКВД сумели причинить нам немалый вред и, что еще хуже, начали засылать своих людей через фронт с заданием внедриться в операцию "Цеппелин", чтобы подрывать ее изнутри. Поэтому мы свели агентов в боевую часть, получившую название "Дружина". Она должна была обеспечивать безопасность в тылу и, в случае необходимости, вести бои с партизанами. Ее командиром был назначен русский полковник Родионов (по кличке "Гиль"). Несмотря на мои неоднократные предостережения, случилось то, чего я боялся. "Дружину" привлекли для участия в операции по "прочесыванию" деревни, в которой укрывались партизаны. Когда "Дружина" конвоировала длинную колонну пленных партизан, полковник Родионов приказал своим людям атаковать отряд СС, сопровождавший конвой. Немцы были застигнуты врасплох, и русские перебили их всех до единого самым зверским образом. Родионов, установивший связь с центральным штабом партизанского движения в Москве, заставил своих подчиненных выступить против нас. После этого избиения он вылетел с секретного партизанского аэродрома в Москву".

Из этих воспоминаний, принадлежащих столь серьезному "источнику", как глава гитлеровской разведки, знаменитый Шелленберг, нетрудно сделать вывод о том, что генерала Власова немцы использовали главным образом для "психологической" поддержки, а ведение боевых действий власовцам не доверяли - случай с "Дружиной" Родионова-Гиля подтвердил самые худшие опасения Гитлера. Непосредственно в боях власовцы приняли участие лишь под самый занавес войны, в Праге, где Власов подписал договор о взаимодействии с Йозефом Смарковским, впоследствии одним из лидеров "Пражской весны" 1968 года. Суть договора сводилась к тому, что власовцы брали на себя обязанность сдерживать натиск Советской армии до того момента, пока с запада не подоспеют американцы. Как известно, эта задача выполнена не была, войска союзников успели дойти только до Карловых Вар, когда Прага была освобождена Советской армией. Именно там Власов и был арестован - вместе со своим штабом. Иными словами, так называемый "боевой путь" РОА по существу представляет собой участие в одной-единственной операции, которая закончилась для нее полным крахом. Поэтому говорить о какой-то военной роли

власовского движения попросту не приходится.

В этой связи вообще надо заметить, что власовское движение, пропагандистски провозглашенное немцами как "Освободительная борьба против советского режима", в действительности было предназначено для борьбы с Россией как таковой и преследовало ярко выраженные антирусские цели. Именно этой самой важной особенностью власовского движения уделил большое внимание Николай Николаевич Яковлев, и именно в этом, я бы сказал, исключительная ценность его исторического исследования для наших дней, когда расширение НАТО на восток окончательно выявило антироссийские, а не просто антикоммунистические планы Запада.

Особый интерес в этом плане представляют документы, свидетельствующие о замыслах нацистов "перенести центр тяжести русских в Азию", а также "теоретизирования" Розенберга о "повороте русского динамизма на восток". Его меморандум, направленный Гитлеру, требовал после ликвидации большевизма "разрушить Россию как государство и обеспечить ее перманентную слабость". Развивая эту мысль, другие фашистские теоретики утверждали, что для "Новой Европы" неприемлемо возрождение России не только в виде "красной", но и в виде "белой", что "русская волна должна возвратиться за Волгу". "Генеральный план ОСТ" вообще требовал "разгромить русских как народ".

Но парадокс истории заключается в том, что после первых военных поражений вермахта на Восточном фронте многие в Германии все чаще стали вспоминать знаменитые слова Шиллера о том, что "Россия может быть побеждена только русскими". Собственно говоря, именно эта идея и лежала в основе всех попыток по созданию власовской армии. Не случайно многие послевоенные исследователи, особенно американские, сурово корят Гитлера и его подручных за то, что они недооценили важнейший и вещей исторический вывод Шиллера.

Зато этот урок истории весьма "грамотно" учли на переломе восьмидесятых и девяностых годов, когда был разрушен СССР. Не вдаваясь здесь в эту тему, требующую самостоятельного анализа, замечу, тем не менее, что некоторые параллели между антирусскими замыслами нацистов и завуалированными сегодняшними атаками на Россию проглядываются отчетливо. Чтобы подтвердить сказанное, приведу цитату из обращения к гражданам России, в котором россиян призывали добиваться "индивидуальных свобод, свободы вероисповедания и совести, уничтожения рабского труда, введения частной собственности, права на собственное хозяйство на собственной земле... всего того, чего лишил их большевизм".

Эта цитата звучит абсолютно современно - такого рода призывы стали лейтмотивом антисоветской пропаганды на рубеже 80-х и 90-х годов. Но дело-то в том, что приведенным словам уже более полувека и взяты они из обращения "Ко всем народам Востока", которое сочинил лично... Геббельс! В годы войны данное обращение так и не было озвучено, поскольку этому воспротивился Гитлер, не признававший таких "пропагандистских тонкостей". Но Николай Николаевич Яковлев использовал этот уникальный документ в своей рукописи. И если сопоставить эту, повторяю, звучащую вполне современно геббельсовскую пропаганду с истинными планами нацистов по историческому "отбрасыванию" русского народа, то выводы напрашиваются вполне определенные. Причем не только в отношении военных лет, но и применительно к дням текущим, когда в мире появилось немало политиков, крайне заинтересованных в дальнейшем ослаблении российской государственности.

Сегодня становится все яснее, что именно эти далеко идущие глобальные устремления кое-кто "держал в уме", призывая бороться с "империей зла", с Советами и коммунизмом.

Да, именно антирусская, антироссийская направленность власовского движения, как планировали его фашистские идеологи, более всего взволновала Н.Н. Яковлева, когда он исследовал множество новых исторических документов по этой теме.

Николай Николаевич Яковлев умер 7 апреля 1996 года. До последних своих дней он активно работал над книгой о Сталине, куда, по моим предположениям, намеревался органично вставить и тему о власовском движении, конечно в усеченном виде. Он очень торопился, словно предчувствуя, что может не успеть окончить новый исторический труд, который считал очень актуальным на фоне уже вышедшей к тому времени в свет биографии Сталина, написанной Дмитрием Волкогоновым. Почему Яковлев считал необходимым косвенно ответить Волкогонову, мне доподлинно не известно. Однако некоторые предположения по этому поводу высказать могу.

Дело в том, что Волкогонов задумал писать биографию Сталина еще в 1987 году и в тот период обратился в КГБ с просьбой о работе над архивными сталинскими материалами. Но в архивах Лубянки их не было – все они хранились в ЦК КПСС, в партийных архивах. Поэтому Волкогонову был дан отрицательный ответ. Тогда Дмитрий Васильевич попросил поискать книги о Сталине, изданные за рубежом, в библиотеке КГБ. Нашли около двадцати таких книг, разумеется на русском языке, и Волкогонов взял домой объемистую пачку томов.

О том, что Волкогонов начал работать над биографией Сталина, знал Николай Николаевич Яковлев, и он посоветовал Волкогонову ознакомиться с шеститомной работой англичанина Дойчера, который на Западе считался одним из ведущих специалистов по сталинской тематике. Этот шеститомник Яковлев, прекрасно владевший английским, лично перевел на русский язык, проделав поистине колоссальную работу. И ксерокопию перевода передал Волкогонову, не посвятив его в происхождение перевода, а тот и не интересовался этим.

Столь подробно рассказываю об этом случае, поскольку в нем отразился, так сказать, свой, профессиональный, гамбургский счет между двумя крупнейшими историками нашего времени. Дело в том, что вслед за выходом биографии Сталина, написанной Волкогоновым и, кстати, существенно отличавшейся от того замысла, с каким автор приступал к этой теме (время-то уже было иным, постперестроечным!), увидел свет и однотомник Дойчера, подготовленный Н.Н. Яковлевым. И если сопоставить книгу Волкогонова о Сталине с исследованием Дойчера, то нетрудно убедиться в концептуальном совпадении этих работ.

Однако Дмитрий Васильевич при жизни так и не узнал о том, что его хитро "подставил" не кто иной, как Николай Николаевич Яковлев, который, передавая Волкогонову ксерокопию переведенного им шеститомника Дойчера, оказывается, уже договорился с одним из издательств об издании дойчеровского однотомника. А уж что именно включить в однотомник, историк Яковлев знал прекрасно, поскольку профессионально "чувствовал" историка Волкогонова.

Этот частный и, казалось бы, не имеющий отношения к теме власовцев эпизод, тем не менее важен для понимания того, как глубоко "пахал" Николай Николаевич Яковлев, принимаясь за тот или иной исторический труд. Ведь на то, чтобы самостоятельно перевести шеститомник Дойчера, мог отважиться далеко не каждый ученый-историк. С такой же основательностью подошел он и к изданию множества хранившихся в архивах КГБ материалов по теме "Власов и власовцы". А итогом этой огромной работы стало научное исследование, посвященное весьма важной и сложной, противоречивой

исторической теме, которая сегодня, когда в России и вокруг нее вновь идет схватка добра и зла, снова становится особенно актуальной" [Конец цитаты.]

+ + +

Если говорить о Великой Отечественной и Второй мировой войнах, то нельзя, конечно, обойти молчанием роль наших союзников в этих событиях.

"...Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, нам следует помогать России, а если Россия будет выигрывать, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают как можно больше", - так говорил в 1941 году будущий президент США, бывший в ту пору еще сенатором, Гарри Трумэн. И хотя реальный в том времени президент США Франклин Рузвельт, а также британский премьер Уинстон Черчилль все-таки пошли на создание антигитлеровской коалиции и сделали в итоге немало для победы над фашистской Германией, точка зрения Трумэна как будто незримо присутствовала во внутренней канве событий, связанных с ними. Чем иначе можно объяснить затяжку с открытием второго фронта? Да, мы получали от союзников оружие, боевую технику, продовольствие. (Хотя ленд-лиз коснулся СССР лишь в ноябре 1941-го. То есть в самое критическое время, когда наши войска терпели поражения, они оставались без помощи союзников. Все лето и большую часть осени первого года войны.)

Но мы не имели поддержки военной силой и сражались с Германией один на один. Вот письмо Рузвельта Черчиллю 3 апреля 1942 года: "Ваш и мой народ требуют создания второго фронта, чтобы снять бремя с русских. Наши народы не могут не видеть, что русские убивают немцев, а также уничтожают вражеского снаряжения больше, чем США и Великобритания, вместе взятые". До середины 1944 года на советско-германском фронте действовали от 62 до 70 процентов сухопутных войск Германии, а на фронтах англо-американских войск - от 1 до 2 процентов.

"Второй фронт", правда, открывали - но то в Греции, то в Италии, то еще где-то, а почему? Ответ в духе того, что сформулировал Трумэн, просто напрашивается. Корни этого ответа уходят в глубь веков, и никакие прикрытия - определения типа "царская Россия", "коммунистическая Россия", "криминальная Россия" - принимать всерьез невозможно. Даже нацизм казался Англии и США предпочтительнее коммунизма - вспомним, как эти страны поощряли Гитлера, как укрепили его в Мюнхене, как развязали Гитлеру руки и позволили захватить многие государства в Европе. Все это делалось только лишь потому, что фюрер объявил себя борцом с коммунизмом. Оплотом же коммунизма была Россия, и именно как будущего разрушителя нашей страны Гитлера всячески поощряли. Нашими союзниками Англия, Франция и США стали только тогда, когда успели понять опасность господства фашизма в мире. Им пора было спасти себя, а для этого - поддержать нас, потому что без нас они войну бы не выиграли.

Сегодня уже многократно описано эмоциональное выступление Черчилля, которое он сделал в ответ на вторжение Германии в СССР, этот доклад был в 1941 году опубликован в "Правде", в главной газете нашей страны: "Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я за последние 25 лет. И я не отказываюсь ни от одного сказанного мною слова. Но все это бледнеет перед той гигантской картиной, которая разворачивается перед нами. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге родной земли, охраняющих поля, где их отцы работали с незапамятных времен. Я вижу их, защищающих дома, где матери и жены молятся - да, да, бывают времена, когда молятся все, - за безопасность своих близких, за возвращение кормильца, своего защитника, своей опоры... Я вижу надвигающуюся на все это ужасающую мощь германской военной машины. Отныне у нас одна цель, одна-единственная -

уничтожение нацистского режима. Мы никогда не будем вести переговоры с Гитлером. И пока мы не освободим народы, находящиеся под его ярмом, любой человек или правительство, которое сражается против нацизма, получит нашу помощь, любой человек или государство, которое сражается против Гитлера, будет нашим союзником. Такова наша политика... Из этого следует, что мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу, и мы будем призывать наших друзей и союзников во всех частях мира занять ту же позицию и следовать ей до конца". Дстойное выступление, создающее облик справедливого и верного человека. Да, он не был согласен с политикой СССР, но когда пришла беда - готов защищать и всех призывает к этому - вот такой складывается образ.

Правда, общеизвестно еще одно изречение, которое Черчилль сделал в разговоре с секретарем при подготовке этого доклада: "У меня только одна цель - разбить Гитлера. Если бы Гитлер вторгся в ад, то я нашел бы, как защитить дьявола в палате общин". Вряд ли сговорившись с Черчиллем на этот счет, практически точно так же выражается Франклин Рузвельт в разговоре с лордом Галифаксом. "Гитлер, - сказал он, - сделал свою первую большую ошибку, теперь у демократий появилось время вооружиться. Если Красная Армия, продержится до октября, то зима вынудит немцев отложить решающие операции до весны, и в этом случае их победа будет проблематична, более того, резко увеличится шанс германского поражения. А чтобы этого добиться, я пожму руку самому дьяволу"...

Чего только не скажешь в полемическом выступлении, и что, казалось бы, на эти вещи обращать внимание, если бы не сам ход истории, показавший нам, что так, как защищали нас наши союзники, защищают именно "дьявола". Спасаясь от настоящего дьявола фашизма, напрямую угрожающего им, они заключили в своем представлении союз с другим "дьяволом".

Тогда объяснимы все необъяснимые при простой логике проволочки с помощью союзников - три года советские войска бились с гитлеровскими фашистами, по сути, один на один. Сталин как Верховный Главнокомандующий особенно тяжело переживал Киевскую катастрофу - в результате сражения за столицу советской Украины наши потери составили около

700 тысяч человек убитыми и пленными. Юго-Западный фронт первого формирования прекратил свое существование. После этого Сталин обращается 3 сентября к Черчиллю (сказал же тот: "Мы окажем любую возможную помощь России") с личным посланием - просьбой открыть военные действия "...на Балканах или во Франции, что отвлекло бы 30-40 германских дивизий с Восточного фронта". А 13 сентября он просит англичан "высадить 25-30 дивизий в Архангельске или в южной части Советского Союза через Иран для военного сотрудничества с советскими войсками подобно тому, как это делалось в последней войне во Франции". Американским войскам Сталин предлагает занять любой сектор на советском фронте под их же командованием. Но ни в 1941-м, ни, как известно, в 1942-м, когда было уже зафиксировано согласие на открытие второго фронта, помощи в военных действиях не последовало. Позже Черчилль, писал о том, что они и не думали открывать второй фронт в эти сроки, они сделали это, просто "чтобы ввести в заблуждение противника". Но они ввели в заблуждение, прежде всего, нас, рассчитывавших на их помощь. Отсутствие ее на протяжении самого тяжелого трехлетнего периода войны показывали очевидность чудовищно циничных намерений: советские войска, завоевывая общую для всего мира победу над фашизмом, в конце концов, измотаются, обескровятся и ослабнут, истощатся. Вот тогда-то они и выйдут на сцену и завоюют победу над фашизмом.

Вышло иначе. В 1944 году стало ясно всему миру: ситуация переломлена, советские войска уверенно побеждают, они способны

самостоятельно завершить разгром фашистских войск в Европе. Вот тогда-то и состоялась спешная высадка войск союзников в Нормандии, произошло реальное открытие второго фронта. Соотношение мало изменилось и после высадки: 10 июня, уже на 4-й день после открытия этого долгожданного второго фронта, развернули наступления войска Ленинградского и Карельского фронтов. А через две недели началась операция "Багратион" в Белоруссии и боевые действия 2-го Прибалтийского фронта. Наступательный прорыв советских армий позволил им продвинуться к границам рейха навстречу союзникам на 500-600 км. Тяжелые бои на юге закончились взятием Будапешта. А продолжавшееся наступление советских войск на Вену создало непосредственную угрозу Австрии и южной Германии.

Войска же союзников, встретив серьезное сопротивление немцев, оказались в трудном положении. Они потеряли всякую инициативу в Арденнах, о чем свидетельствует обращение 6 января 1945 года Черчилля к Сталину: "На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете, по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января". 7 января Сталин сообщил Черчиллю о решении Ставки Верховного Главнокомандующего: открыть широкие наступательные действия по всему Центральному фронту не позже второй половины января. Но оно началось раньше намеченного срока - уже 12 января. В результате немцы прекратили наступление против союзных войск в Арденнах и Вогезах и отошли на исходные позиции, сняв с Западного фронта и перебросив на Восточный 6-ю танковую дивизию СС, а затем и еще 16 дивизий.

Этого нельзя изъять из летописи победы над фашизмом.

+ + +

Всей своей сутью эта война отличалась от большинства войн, пережитых человечеством. Советский народ не только отстоял независимость своего государства, не допустил фашистского рабства, но наша Победа спасла от гибели и народы многих стран мира.

Другое дело - то, что участие армии СССР в войне с гитлеровской Германией Запад пытается прятать до сих пор! Тяжело им признать, что великую Победу одержала страна социализма. Но прятать свою память - это одно, а стирать память потомков настоящих победителей - другое. На Западе началось тиражирование мнения о том, что войну породила агрессивность СССР, что это именно наша страна была угрозой миру, и что это в итоге и вынудило Гитлера двинуть войска на восток.

Эта тема была внесена и в нашу страну, но только через 50 лет после Победы над фашизмом. Как раз к этому славному юбилею популярные в то время наши историки начали особенно активно твердить о необходимости сказать о войне всю якобы правду, дать "новое прочтение" событий 1941-1945 годов. "Новизной" служили ссылки на некие черновые записи руководителей Генштаба Красной Армии, которые предусматривали планы агрессии. Говорилось, что эти планы были замаскированы необходимостью превентивного удара в целях предупреждения нападения Германии на СССР. Но любой генштаб может и должен разрабатывать самые разные сценарии боевых действий. Окончательное же решение принимают политики.

Эта тема то иссякает на "исторической площадке", то, видоизменившись, заново реанимируется. Теперь в Россию с Запада идет

усиленное внедрение понятия о том, что существует знак равенства между коммунизмом и нацизмом, Сталиным и Гитлером. Это подхватывают некоторые не слишком образованные наши сограждане, но даже западные политологи лет 20 назад ужаснулись бы таким сравнениям. Хорошей отповедью этой теме послужила книга историка Наталии Нарочницкой, изданная во Франции под названием: "Что осталось от нашей победы?" (в России она вышла под названием "За что и с кем мы воевали"). В одном из интервью, посвященном этой теме, автор говорит о невозможности сравнивать нацизм с коммунизмом, потому что "эти доктрины всегда считались и в науке, и в политике полными антиподами. Сегодня на Западе и, увы, в некоторых ультралиберальных кругах нашего общества уже открыто говорят, что Россия – родина еще худшего монстра – "сталинского СССР", фашизм, мол, был ответом... Все это не выдерживает никакой критики и сопоставления как теорий марксизма и нацизма, так и фактов. Такое сопоставление с философским анализом доктрин, историческим анализом фактов внешней политики держав я и сделала в своей книге на документах. Она вызвала большой переполох...".

Автор говорит о переполохе, который вызвала ее книга во Франции, а это уже 2008 год! Французы на книгу Нарочницкой реагируют сегодня разнообразно, кто-то говорит "спасибо, за то, что открыли нам глаза", а кто-то обвиняет автора, и как рассказывает она в том же интервью: "Пока меня обвинили в национализме, который заключается в защите "сталинского наследия" – так теперь они именуют договоры в Ялте и Потсдаме, подписанные главами СССР, Великобритании и США. Договоры, без которых не было бы их "демократии", и быть им свинопасами и горничными у "сверхчеловеков"... Однако я и в книге, и в полемике задаю своим западным оппонентам очень для них неудобный, "неполиткорректный" вопрос: почему они Сталина пытаются превратить в демона всех времен и народов, но никогда не делали таковым Кромвеля, залившего кровью Англию, или своего Робеспьера, например, – родоначальника термина "революционный террор"? Ведь по количеству крови на душу населения никто не превзошел французских революционеров. Смущаются и немедленно пытаются повернуть дискуссию в другую плоскость..."

Ничего не меняется, идеологический принцип остается прежним и в Европе, и в Америке – если уж не удастся замолчать участие СССР в победе над фашизмом, так надо извратить это участие, замазать грязью нашу память, наши нравственные опоры. И самое удивительное в том, что в самой России до сих пор можно услышать разговоры о том, что лучше бы советские воины не сопротивлялись Гитлеру, – тогда немцы принесли бы нам более достойную жизнь, подняли бы нам экономику, культуру и жили бы мы в европейской цивилизации. Как тут не вспомнить монолог Смердякова из произведения Достоевского "Братья Карамазовы": "В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого..."

Хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с".

Снова и снова приходится мне напоминать современным смердяковым, что публично декларировали главари фашистского рейха по поводу участи завоеванных народов: "Для ненемецкого населения восточных областей не должно быть высших школ... Самое большее – счет до 500, умение расписаться... Идеально было бы научить понимать лишь язык знаков и сигналов... Ни в коем случае нельзя допускать их к умственной работе... Необходимо исходить из того, что главная миссия этих народов – обслуживать нас экономически".

Конечно, базой для таких высказываний служила "фашистская библия", книга Гитлера "Майн кампф", где автор прописал "правильное

будущее" для славян: "Когда мы будем осваивать русское пространство, то "имперские крестьяне" должны будут жить в селениях выдающейся красоты. Немецкие административные и прочие учреждения должны размещаться в прекрасных зданиях, а губернаторы во дворцах. Вокруг учреждения будет построено все то, что необходимо для жизни. А вокруг каждого города, в радиусе 30-40 км будут кольцом располагаться красивые деревни, соединенные первоклассными дорогами. Все, что лежит за пределами этого кольца, - иной мир, где мы разрешим русским жить".

Но и на рабскую участь рассчитывать по их планам могли далеко не все - Гиммлер, примерно за год до начала войны на совещании руководителей СС, разъяснил, что одной из задач похода на Восток является уничтожение 30 миллионов славян. А уже 2 мая

1941 года в приказе командующего 4-й танковой армии Гепнера открыто говорилось, что предстоящая война будет продолжением борьбы германцев против славянства.

Об этом важно напоминать людям, потому, что у нас много говорилось и писалось о планах Гитлера по уничтожению коммунистов и евреев, но как-то ушла в тень тема планов уничтожения славянских народов. И даже сегодня тема, к примеру, Освенцима для многих людей и в нашей стране, и во всем мире звучит как тема чудовищно жестокого истребления людей еврейской национальности. Но в Освенциме также было уничтожено около двух миллионов представителей других национальностей, а ведь это - не единственный был концентрационный лагерь. У нацистов было 20 таких лагерей и около тысячи их филиалов. Они работали как конвейеры смерти, планомерно истребляя "низшие расы", к которым наравне с евреями причисляли и славян СССР, да и другие народы. И надо помнить о том, что и Освенцим, и другие подобные чудовищные образования освобождали советские воины. Об этом на Западе не говорят, этот важный исторический факт замалчивается.

+ + +

Подчеркну еще раз: да, у нас были союзники. Да, они нам помогали. Но о том, как это было, - уже сказано. Добавить можно только то, что они помогали ровно столько времени, сколько их собственная судьба была, по сути, в руках Красной Армии. Пока стоял вопрос, кто кого победит: фашисты нас или мы их. А когда исход войны был уже предрешен, западные державы начали активную деятельность, направленную против СССР. Черчилль отдал приказ о разработке операции "Немыслимое" - плана войны против Советского Союза, которая должна была начаться 1 июля 1945 года силами 112-113 дивизий. 23 апреля 1945 года Трумэн, сменивший Рузвельта на посту президента США, на встрече с политическими и военными советниками заявил, что теперь США готовы самостоятельно вынудить Японию капитулировать; в американском сценарии мировой войны роли для СССР больше нет, так как война завершается и пора подводить черту под антигитлеровской коалицией. Час пробил; убиты миллионы, пора ликвидировать победителя, - так с языка эвфемизмов можно перевести слова американского президента. Но Эйзенхауэр, а также другие ведущие военачальники США убедительно и твердо выступили против Трумэна, объясняя, что это - очень опасно, силы и дух Красной Армии таковы, что они уничтожат любого противника. Тогда войну с СССР, страной, защитившей их от фашизма, было решено перенести, по одним данным, на июнь, а по другим - на сентябрь 1949 года...

И тут наступает еще один поворот в отношениях России с Западом, здесь можно выделить очередную "реперную точку" нашей истории. Классический факт, занявший место во всех исторических учебниках мира, - Фултонская речь Уинстона Черчилля. Он произнес ее 5 марта 1946 года на родине президента

США Трумэна, в Вестминстерском колледже американского города Фултон, Миссури.

К сожалению, даже самые начитанные россияне, если история не входит в часть их профессии, знакомы с трактовками этой речи, но не читали сам текст. Трактовки же зависят всегда от политической погоды, и то, что знало поколение, выросшее при Сталине, глубоко отличается уже даже от того, чему учили в школах хрущевское, а потом и брежневское поколения: смывались контексты, смещались акценты. Чего уж там говорить о молодежи "горбачевско-ельцинской эры" – на ее глазах рушилась мощнейшая когда-то страна СССР, а первые лица этой страны вольно или невольно исполняли чуть ли не в деталях все, о чем мечтали, но не могли осуществить на протяжении нескольких веков недруги России, – они расчленили страну!

Но это – отдельная тема, сейчас она лишь к тому, чтобы зафиксировать: в частях нашего современного расколотого общественного сознания до сих пор живет и здравствует удивительно мифологизированное понимание событий. Применительно к теме смысл речи Черчилля в Фултоне понимается так, что он "защитил свободы большей части человечества от тирании коммунистов". Такая ситуация вынуждает повторяться: для Черчилля и его сподвижников никогда не имело значения, какой политический климат в России – с нашей страной им надо было бороться при любой "погоде".

Ко времени фултонской речи Черчилля "союзники" уже вынашивали подспудные планы агрессии против СССР, но в открытую это никак не заявлялось, просто хотя бы потому, что не так-то это было просто, – взять и открыто признаться в собственной измене союзничеству. Тем более что всего за год до этого, в марте 1945 года, незадолго до своей смерти, президент Америки Рузвельт говорил в последнем послании Конгрессу о важности добросовестного выполнения соглашений, достигнутых в Тегеране и Ялте. Он отмечал, что от этого зависят "судьбы Соединенных Штатов и всего мира на будущие поколения". И подчеркивал: "Здесь у американцев нет среднего решения. Мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество, или мы будем нести ответственность за новый мировой конфликт".

Общеизвестно, что сменивший его на этом посту Гарри Трумэн "горел" совсем иными настроениями, но хорошо понимал, что даже внутри его собственной страны "лобовое" столкновение с СССР может понравиться далеко не всем. В общественном мнении Запада сохранялась преданность союзникам. Либеральные и социалистически настроенные круги хотели, чтобы дружественные отношения, сложившиеся с Советским Союзом в военное время, оставались. На слова местной пропаганды о том, что идет насаждение коммунизма в подконтрольных СССР территориях, они возражали, что это скорее законная забота о собственной безопасности и необходимость компенсации за страдания и жертвы, которые понесли советские люди во время войны.

В такой ситуации Трумэну нужен был кто-то (как когда-то Черчиллю нужен был Гитлер), кто мог бы исполнить роль "бешеного пса" ситуации. Самому президенту США это было сделать не с руки, а долго искать кандидатуру и не надо было. Когда-то Черчилль мастерски разыгрывал английскую карту в мировой политике – настал час, когда "мастер наущений" сам стал играть по указке США. Черчилль, конечно же, видел, что Великобритания больше не является главной страной мира. За год до Фултона он присутствовал на Потсдамской конференции, продемонстрировавшей миру, кто отныне на земле хозяин. Другой ядерной державы, кроме США, в мире тогда не было, и эта страна отныне "правила бал".

Президент этой страны настойчиво приглашал Черчилля на свою

родину, в Фултон, – пора, мол, выступить по поводу коммунистической агрессии. "Страны Западной Европы сами находятся под сильным коммунистическим влиянием, ко всему прочему, все устали от войны – они не станут барьером на пути коммунизма". По сути, Трумэн просто призвал Черчилля забыть о политкорректности, и в Фултоне прозвучал голос, вобравший в себя всю ненависть, зло и раздражение английских и американских властей, вынужденных прежде делать вид, что антигитлеровская коалиция готова следовать своим договоренностям. Они, должно быть, чувствовали себя как водитель, не сумевший в силу обстоятельств повернуть там, где ему было необходимо, – он вынужден ехать вперед, но ему туда не надо. Он ищет знак разворота и, не находя его, сворачивает на эстакаде. Фултонская речь нарушала все мыслимые знаки приличия и каких-то общепринятых человеческих норм. Это был политический дебош, и первым именно так охарактеризовал выступление Черчилля Стимсон, занимавший при Рузвельте пост военного министра. Он видел в этом "самую необузданную разновидность сбивающего с толку дебоша".

+ + +

В Фултоне Черчилль превзошел самого себя: "Тень упала на сцену, еще недавно освещенную победой Альянса. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намерены делать в ближайшем будущем и есть ли какие-то границы их экспансии. Я очень уважаю и восхищаюсь доблестными русскими людьми и моим военным товарищем маршалом Сталиным... Мы понимаем, что России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии. Мы приглашаем Россию с полным правом занять место среди ведущих наций мира. Более того, мы приветствуем или приветствовали бы постоянные, частые, растущие контакты между русскими людьми и нашими людьми на обеих сторонах Атлантики. Тем не менее, моя обязанность, и я уверен, что и вы этого хотите, изложить факты так, как я их вижу сам".

После таких реверансов выяснилось, что между приглашением нашей стране "с полным правом" занять место "среди ведущих наций мира" и изложением "фактов" лежит пропасть. "Факты" Черчилля, как известно, таковы: Советский Союз – причина "международных трудностей", потому что "...от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике через весь континент опущен железный занавес. За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой... В большом числе стран, далеких от границ России, во всем мире созданы коммунистические "пятые колонны", которые работают в полном единстве и абсолютном послушании в выполнении директив, получаемых из коммунистического центра".

Что же предлагал сделать Черчилль с этой "причиной международных трудностей" под названием СССР? Создать "братскую ассоциацию англоговорящих народов. Это означает специальные отношения между Британским содружеством и Империей и Соединенными Штатами Америки... Нужно под эгидой Объединенных Наций и на основе военной силы англоязычного содружества найти взаимопонимание с Россией".

"Взаимопонимание на основе военной силы", как можно прочесть эти слова? Исследователи-психологи уже давно подсчитали, что Черчилль в Фултоне всего лишь по одному разу употребил слова "Британия" и "Великобритания". И по шесть раз "Британское содружество и Империя" и "англоговорящие народы". Восемь раз он использовал определение "родственные". Они же пришли к выводу о том, что в этом выступлении он

применял лексику фашистской Германии. Я уже говорил в предисловии к книге, кому принадлежал эпитет "железный занавес", что же касается других определений, которые Черчилль использовал в Фултоне, - "тень, опустившаяся на континент", "пятые колонны" и "полицейские государства" - то они использовались во всем мире лишь для обличения фашистской Германии и ее союзников. Таким образом, миру давался еще и эмоционально окрашенный сигнал-призыв: у нас новый общий враг, он так же опасен, как фашизм.

Не случайно резкая отповедь Сталина, которую он дал фултоновскому выступлению Черчилля, была, по сути, переводом с языка эвфемизмов. Сталин назвал вещи своими именами: "Гитлер начал дело развязывания войны с того, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, в противном случае неизбежна война... Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР".

Тем временем Трумэн, выпустивший Черчилля первым и промолчавший в Фултоне, торопился закрепить успех. Ораторский дар Черчилля проложил дорогу к сознанию сомневающихся в собственных странах, надо было ковать железо, пока горячо. Вскоре по указанию Трумэна его специальный помощник Клиффорд жестко структурировал "фултонский дебаш", тщательно подобрав все его пассы. К примеру, пасс, сказанный Черчиллем, как бы в мягкой форме воспоминаний: "Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках, я заключаю, что ничем они не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость..." - помощник Трумэна обратил в военный речитатив: "Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком... Надо указать советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне..." Это было написано в обширном докладе под названием: "Американская политика в отношении Советского Союза".

Здесь излагались основные принципы и методы готовившейся войны. В докладе отмечалось, что США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Говорилось, что нужна высокомеханизированная армия, перебрасываемая морем или по воздуху, способная захватывать и удерживать ключевые стратегические районы. И что война против СССР будет "тотальной" в куда более страшном смысле, чем любая прошедшая война.

Для того чтобы представить себе, насколько так называемая американская элита была захвачена этой агрессивной идеей, стоит почитать Элиота Рузвельта, сына американского экс-президента, который пишет в своей книге, что в 46-47-м годах вопрос, когда начинать войну против Советского Союза, был самым популярным в беседах на вашингтонских коктейлях.

Создание атомной бомбы в СССР укоротило эти планы-настроения, но не вытравило их полностью. Оправившись от шока по поводу этого события, правящий Вашингтон начал подготовку к всепокрушающему ядерному удару. Проекты этих планов под кодовыми названиями "Грайдан", "Тотелити", "Чаризтир", "Флитвуд" один за другим рождались в высших эшелонах власти США. Не нужно никаких комментариев для того, чтобы показать их нечеловеческую сущность, достаточно процитировать строки этих документов: "Первый удар по 20 городам... сбросить 113 атомных бомб на 70 советских городов, из них 8 на Москву и 7 на Ленинград... сбросить 200 атомных бомб и

250 тысяч обычных бомб на 100 городов... сбросить 300 атомных бомб...". Указывались точные цифры: после какого удара будет разрушено 85 процентов нашей промышленности, сколько миллионов людей погибнет после первого удара, после второго, после третьего.

Более пяти лет один за другим корректировались и менялись планы атомной войны против СССР, пока в США не пришли к выводу, что она невозможна. Американский историк А. Браун, проанализировав планы руководства США, пришел к таким же выводам: "1. Соединенные Штаты вполне могли проиграть Третью мировую войну. 2. Россия, вероятно, могла бы занять Западную Европу за 20 дней. 3. Командование ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашнего американского союзника Англию с ее базами, имевшими первостепенное значение. 4. Русские атомные бомбардировщики и коммунистическая партизанская война в США значительно подорвали бы способность и волю Америки к продолжению войны. 5. Америка не смогла бы защитить свои собственные города".

Таким образом, в 1950 году, после пяти лет планомерных изысканий, американским политикам стало ясно, что военными действиями разгромить СССР не удастся. И тогда родился новый план разрушения Советского Союза - холодная война. "Это та же война, которая ведется другими средствами", - объяснял в свое время миру Трумэн.

+ + +

Однако при жизни Сталина холодная, или, как ее еще называли на Западе, "психологическая" война в открытую атаку не вступала. Дальше деклараций и заклинаний по поводу "угрозы коммунизма" ненавистники СССР двинуться не рисковали - они ринулись в войну "другими средствами" только после того, как умер Сталин.

Если представить себе, что страна, общество - это единый организм, то это - прямое свидетельство тому, что сильный организм, как бы его ни травили, сколько бы инфекций ни копилось в воздухе, - справляется. Его защитные, иммунные системы побеждают даже эпидемии чумы. И после победы над "коричневой чумой", а также после "прививки" созданием атомной бомбы сила воли и гибкость ума, мудрости Сталина получили непререкаемую, планетарную славу - друзей его имя вдохновляло, врагов вынуждало считаться. И все-таки "внутренне нахмуренные" союзники не могли не сыграть своей роли. Даже после великой победы над фашизмом страна не могла себе позволить расслабиться, уйти от мобилизационного режима в экономической сфере. Пока нависала угроза атомной войны, надо было сосредоточивать невероятные силы и средства в военно-промышленный комплекс, принося в жертву многие другие отрасли народного хозяйства и социальные запросы населения.

Каким бы ни было наше отношение к Сталину сегодня, надо признать всем: на его плечи легла невероятная по масштабам и ответственности миссия. Именно в годы его правления слабая и немощная страна превратилась в гигантское развитое государство социализма; под его руководством страна одолела фашизм, а после победы - восстановила практически все разрушенные предприятия и начала строительство нескольких сотен новых. Невозможно было бы возрождение экономики такими быстрыми темпами, если бы в массе своей советские люди не доверяли своему вождю. По оценкам американских экспертов, СССР после войны необходимо было для восстановления нормальной жизнедеятельности народного хозяйства 20 лет. Самоотверженность, подвижничество, стоицизм, трудовой энтузиазм миллионов советских людей основывались все-таки в очень большой мере на любви и уважении к своему правителю. В большинстве своем люди чувствовали и заботу власти: уже в 1947 году была отменена карточная система на продовольственные и промышленные

товары. Шло ежегодное и существенное снижение цен на товары широкого потребления – хлеб, муку, масло, колбасы, водку, парфюмерию, ткани, велосипеды, часы... Всячески поддерживались передовики промышленного производства, победители соцсоревнований – они становились героями, которых знала в лицо вся страна.

Подводя итоги экономического развития СССР в послевоенные годы правления Сталина, можно отметить, что к началу 50-х годов в стране были созданы значительные сырьевые ресурсы для успешного развития народного хозяйства в будущем. Это была мощная конкурентоспособная держава. Понимая это, Сталин примерно за год до своей смерти говорил о том, что настало время, когда можно снять напряжение в экономике, снять пресс государственного давления. Он объяснял, что после того, как мы победили в войне, реконструировали народное хозяйство, создали атомную бомбу, можно рассчитывать на передышку. Что в ближайшие десятилетия войны не будет и в связи с этим можно спокойно развиваться дальше, в том числе, надо укреплять закон стоимости при социализме. Это, безусловно, рыночный закон, по сути то, от чего мы были вынуждены уйти, когда пришлось строить социализм в отдельно взятой стране, в условиях полной изоляции, при отсутствии кредитов и при угрозе войны. Теперь же Сталин, по сути, возвращался к ленинскому государственному капитализму. Сегодня, к сожалению, забыта книга Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР", которая вышла перед XIX съездом КПСС. Вот если бы Хрущев в свое время начал с этого, мы тогда жили бы по-другому.

Но начиная с 1953 года стали уходить от этого закона все дальше. Корни распада страны социализма именно там и кроются – в отступлении от пути, намеченного Сталиным. Никакие внешние силы не смогли бы ничего поделаться с СССР, если бы собственная иммунная система организма была крепка... Когда организм слабеет, даже слабенькие инфекции могут, как известно, оказаться для него смертельными. "Инфекции" были далеко не слабыми – через несколько месяцев после смерти Сталина началась открытая атака холодной войны.

+ + +

Смерть Сталина можно считать важнейшей "реперной точкой" в истории СССР. Это очевидно, а мне хотелось бы, в заключение этой главы книги, просто рассказать о виденном в дни похорон И.В. Сталина: только фактуру без оценок и пристрастий. Эта статья вошла в мою книгу "Последние двадцать лет", изданную в 2005 году московским издательством "Русское слово". Поскольку я писал только то, что видел, писал после многолетних раздумий, мне сегодня нечего к ней добавить. Вот она:

"В последний год жизни Сталина в министерстве государственной безопасности активно работали над созданием Главного разведывательного управления, в состав которого должны были войти основные оперативные подразделения разведки и контрразведки. К марту 1953 года оно практически было создано. Ожидалось лишь юридическое закрепление. И в это время Сталина сразила болезнь. Публикуемые о ней заявления спасения не предвещали, чувствовалось ожидание худшего и беспокойство о будущем.

5 марта близко стоявший к медицине начальник отдела В. Иванов, возвращаясь с доклада от начальника Управления, зашел в мой кабинет и сообщил нам (нас было человек пять) о том, что Иосиф Виссарионович скончался. Это было около пяти часов вечера. До официального сообщения было еще далеко.

Спустя какое-то время пошел к своему начальнику отдела в

намечавшемся ГРУ полковнику Николаю Патрикееву. Он уже знал о случившемся. Вдвоем мы говорили о многом, расходиться не хотелось, о делах не думалось. В отличие от обычных дней - в кабинете тишина. Телефоны молчат, люди не заходят...

Где-то в районе полуночи раздался телефонный звонок. Звонивший высказал Патрикееву тревогу в связи с утечкой информации о кончине вождя. Ему стало известно это сообщение от московского корреспондента "Ассошиэйтед пресс". Звонок в службу охраны Колонного зала сразу же внес ясность. Уже час, как на фасаде Колонного зала и соседних домов (Госплан, гостиница "Москва") стали вывешивать траурные флаги. Так мир узнал о случившемся, хотя до официального правительственного сообщения оставалось еще несколько часов. Оно прозвучало в шесть часов утра 6 марта.

Мы же оставались вдвоем с Патрикеевым. И не зря. Около часу ночи позвонил его друг, один из руководителей Управления охраны правительства, и пригласил его в Колонный зал, где шла подготовка к установлению саркофага с телом Сталина. Утром начиналось прощание.

Патрикеев взял с собой и меня. Почти бегом добрались до Колонного зала и, войдя в него, увидели уже установленный гроб и лежащего в нем Иосифа Виссарионовича. Служители обкладывали его венками и цветами, наводили порядок в пустом зале. Людей, кроме охраны, практически в зале не было. Стояли лишь две-три изолированные группы человек по 10-15, перекидывавшиеся отдельными фразами. Ближе всех к гробу находилась группа членов Политбюро, похоже - похоронная комиссия. В центре ее был единственно рыдающий в голос Н.С. Хрущев. Рядом стояли грустно молчавшие В.М. Молотов, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, Л.П. Берия и чуть в стороне Л.М. Каганович. Может быть, был еще кто-то, но наше внимание было приковано к почившему вождю.

О чувствах трудно писать. Побыв там около часа, мы молча вышли из зала и разошлись по домам.

Помню лишь одну фразу Патрикеева при прощании: "Жалко Хрущева, его переживаний. Он даже рыданий не может удержать, подобно грузинской плакальщице".

В последующие дни мне еще дважды была дана возможность побывать в Колонном зале, прощаясь с И.В. Сталиным, - 7 марта в составе делегации членов Парткома №1 МГБ СССР и 8 марта с комсомольским активом госбезопасности.

В памяти сохранилось тяжелое чувство прощания и нескрываемая скорбь и слезы людей, шедших через Колонный зал непрерывным многорядным потоком.

Совершенно неожиданно 8 марта мне позвонил хороший товарищ Михаил Иванович Гришунов, начальник отдела Управления правительственной охраны, и сказал о возможности дать мне и моему другу Михаилу Борисовичу Мухину пропуск на Красную площадь, на похороны Сталина. Мне дорого это внимание до сего дня.

9 марта мы пошли на площадь и оказались на правой трибуне, третьей от Мавзолея, среди делегации из стран народной демократии. Мы, в частности, попали в окружение польской делегации. Вскоре после нашего прихода к делегации подошел сопровождаемый приветствовавшими его людьми К.К. Рокоссовский в форме маршала Польши. Это был его первый, как говорили, выход из госпиталя после ранения в Кракове, где в него стреляли террористы.

Маршал был бледен, но весьма общителен, он тепло откликнулся на приветствия, в то время как поток желающих подойти к нему, пожать руку, сказать добрые слова не прекращался вплоть до появления на площади лафета с саркофагом покойного.

День был погожий, но холодный. Термометр показывал 12 градусов мороза, временами падал снежок, но это не мешало многим на трибунах стоять, сняв головные уборы. Особенно больно было смотреть на стоявшего на Мавзолее Ракоши. Рядом стояли Вылко Червенков, Климент Готвальд, Болеслав Берут. К сожалению, Готвальд в тот день простыл настолько, что получил воспаление легких. Спасти его не удалось, через неделю он умер.

Прошел митинг. Выступили Хрущев, Молотов, Маленков, Берия. Затем руководители партий и социалистических государств спустились с Мавзолея и внесли саркофаг в Мавзолей В.И. Ленина, на котором уже к этому времени была готова надпись: "Сталин".

После все члены Президиума ЦК КПСС и с ними Чжоу Эньлай ушли в Кремль, а остальные сгруппировались около центрального входа в мавзолей. Туда же потянулись с трибун делегации соцстран. Среди них были и мы с Мухиным. Неожиданно мы оказались почти у входа в Мавзолей, неподалеку от Червенкова и Готвальда. К ним подошел К.К. Рокоссовский. Трудно передать наши ощущения и переживания...

Постояв минут двадцать, все направились в Мавзолей. Пошли и мы. Мне памятно это посещение до деталей. Войдя в первое помещение перед ступенями лестницы, мы увидели, что в темном углу справа стоит Отто Гротеволь. На его груди рыдала супруга, в сравнении с ним, рослым, казавшаяся очень маленькой и хрупкой. Рядом, положив руки и голову ему на плечо, плакала Долорес Ибарурри. Вся в черном, с открытой седой головой, она убивалась, не скрывая горя.

Саркофаг стоял напротив гроба Ленина, у лестницы, по которой шли люди. Проходя мимо, можно было остановиться и посмотреть на Сталина через стекло. До сих пор его лицо у меня перед глазами. Оно осталось в памяти нетронутое смертной тенью..."

ГЛАВА 2. КАК И ПОЧЕМУ СЛАВЕЛА НАША СТРАНА. ПЛАН "ЛИОТЕ"

На следующий день после похорон Иосифа Виссарионовича, 10 марта 1953 года, по радио объявили о новом составе правительства. Председателем Совета Министров стал Маленков, а первым заместителем Председателя Совета Министров СССР был назначен Берия, который по совместительству стал также главой Министерства внутренних дел, принявшего на себя и функции упраздненного с этого момента МГБ.

Всего три месяца Берия пробыл на посту, но успел за этот короткий срок провести акцию, которая разжигала, по сути, национальную вражду. Он взялся "вычищать" из руководящих органов союзных республик русских людей, объясняя это тем, что надо давать национальным кадрам укреплять себя во власти. И то же самое происходило с нерусскими кадрами в России, к примеру, в органах безопасности были авторитетные чекисты, уважаемые люди, не русские по национальности. К примеру, был чекист, армянин по национальности, но он не знал своего языка, так как родился и вырос в Москве. Отправили в Ереван... Это была акция, обесценивающая профессионализм человека, ставящая на первое место национальность. Перетряхивание кадров осуществлялось шумно и демонстративно.

Взялся Берия и за установление связей с Югославией, посылал своих

людей к Тито, а также за освобождение врачей, пострадавших во время кампании, которую начинал Рюмин. Освобождение – гуманная миссия, но он явно использовал ее для того, чтобы затеять следом новый крупный политический процесс против своего предшественника по должности Игнатъева и тех, кто его поддерживал. Берии надо было утвердиться в глазах общественности в качестве лидера страны, а для этого предстать в роли гуманиста по отношению к невинным жертвам и непреклонного борца с нарушителями законности.

Хрущев остановил эти активные шаги, так как слишком уже было очевидно, что Берия может ему закрыть дорогу во власть. Остановить прыткого и ретивого Берия на его пути к ведущему месту в руководящем государственном аппарате Хрущеву удалось с помощью Маленкова. Арест Берии в июле 1953 года не вызвал в органах безопасности тяжелых настроений, переживал только руководящий состав, возвращенный им же самим в МВД, в то недолгое время, когда он возглавлял органы...

После смерти Сталина было два важных выступления, которые способствовали росту авторитета новых руководителей партии и государства. Была обнародована программа Маленкова, его речь на пятой сессии Верховного Совета. Программа предусматривала плавное исправление перекосов в развитии промышленности в пользу товаров народного потребления (так называемой группы "Б") за счет сокращения расходов на тяжелую промышленность (группа "А"), прежде всего на оборонную промышленность, ни в коей мере не ослабляя при этом военной мощи государства. В сентябре 1953 года на пленуме ЦК КПСС с обстоятельным докладом о развитии сельского хозяйства выступил Хрущев. Названные выступления Маленкова и Хрущева были в русле тех идей, которые за год до своей смерти уже высказывал Сталин. Мне и сегодня думается, что если бы не ушли от решения задач развития государства, путями, изложенными в докладах уже нового руководства страны, жизнь Советского Союза сложилась бы совсем иначе.

+ + +

Укрепляя собственную власть, Хрущев, видимо, не мог или не хотел прогнозировать, к каким тяжелым последствиям для страны это приведет. Власть укреплялась, прежде всего, усилением влияния партийного аппарата не только на политическую и государственную жизнь страны, но и на хозяйственно-экономическую деятельность. Известно, что при Сталине на семнадцатом съезде ЦК были ликвидированы функциональные отделы партии. К ним вернулись в военное время, но после победы эти отделы снова были ликвидированы. Партия должна была быть именно политическим органом, она управляла агитацией и пропагандой, партработой, иностранными делами, а вся власть уходила в Советы. Теперь же Хрущев укрепил отраслевые отделы Центрального комитета КПСС (сельскохозяйственной, тяжелой, легкой, оборонной промышленности, финансов, здравоохранения и другие). Практически они дублировали соответствующие отделы Совета Министров, подменяли их и Госплан, но не снимали с них ответственности за практические результаты текущей работы. По существу, Хрущев подчинял себе Совет Министров, превращал его лишь в исполнительный орган, лишенный власти. Партия же становилась обладательницей всех полномочий власти, но это была совершенно безответственная власть, потому что, с одной стороны, без партии ничего нельзя было решить, с другой – когда решали неправильно – отвечал Совет, а не партия. Таким образом, произошла подмена советской власти на партийную, и Советы все время отодвигались все дальше и дальше от управления государством, особенно в регионах.

Но и сама партия ликвидировалась в том ее виде, в каком она была прежде, – шло фактическое ее раздвоение на сельскую и промышленную. Иначе и быть не могло – ведь когда руководящие партийные звенья стали превращаться

в хозяйственные, а политические работники – в хозяйственников, должен был поменяться и подход к кадрам. Возглавлять городские и районные комитеты КПСС должны были лучшие (а значит, и остро необходимые для промышленности своих районов) кадры из инженеров, металлургов, машиностроителей, шахтеров, нефтяников и других рабочих профессий – с одной стороны. Соответственно, обкомы и райкомы партии в сельских районах возглавляли агрономы, ветеринары и т. д. Силу федеральной власти разрушали и Совнархозы, которые появились еще до XX съезда партии, а впоследствии стали виновниками тяжелого состояния сельского хозяйства.

Все десятилетие своего правления Хрущев как будто специально ускорял процесс перерастания крестьянства в рабочий класс. Колхозы заменились совхозами, так называемые трудодни, по которым прежде оплачивался труд крестьянина, сменила заработная плата. При этом сельского жителя лишили приусадебных земельных участков, индивидуального крупного рогатого скота, прежде всего коров. То есть мясо, молоко и другие продовольственные продукты теперь крестьянин вынужден был покупать в магазине, как городской житель. Ликвидировалась также промысловая кооперация – это привело к исчезновению многих товаров, продававшихся в магазинах промкооперации. Удержать ситуацию удалось только в Белоруссии, так как процессу этой ликвидации воспротивились первые лица республики Н. Мазуров и Л. Машеров. Но и в других союзных республиках все это вместе взятое вызывало настроения сепаратизма и, конечно же, содействовало стремлению к независимости от Москвы.

Политика превращения крестьянства в рабочий класс отчетливо проявилась и в период освоения целинных и залежных земель. Там создавались только совхозы, и если поначалу эта широкомасштабная акция Хрущева действительно решила на какое-то время вопрос хлеба для страны, то потом земля не выдержала многолетней пахоты. Степь не могла по заданию Хрущева взять и превратиться в пахотные земли. И именно во время кампании по освоению целины нашей стране впервые пришлось закупать хлеб за границей. О нехватке урожая в то время свидетельствует такой факт: уже к 1962 году в Москве стали продавать хлеб, начиненный горохом. За мясными продуктами выстраивались очереди... Если бы, как предлагал в свое время В.М. Молотов, найденные для целины деньги были бы направлены на развитие земледелия в центральной России, то страна была бы действительно обеспечена зерном, а главное – не оголилось бы пространство черноземных земель. Массовый отъезд трудоспособного и самого пассионарного населения на освоение целины уже невозможно было обратить вспять.

+ + +

Необдуманных, во всяком случае необъяснимых с точки зрения элементарной логики, поступков у Хрущева было немало и во внешней политике. Это – огромные траты на строительство различных объектов в зарубежных странах, далеких от государственных интересов СССР. Конечно же, следовало помогать Кубе и социалистическим странам в Европе, но строить стадион в Джакарте, вкладывать космические суммы денег для строек в Египте, Алжире, Гане, Сирии, заведомо зная, что они не принесут нам укрепления позиций в этих государствах, было абсолютно бессмысленно. Однако деньги, необходимые СССР, шли в эту прорву, а наша экономика тем временем начала давать серьезные сбои.

Необъяснимым, с точки зрения логики, был и один из первых внешнеполитических шагов Хрущева в восстановлении отношений с Тито. Конечно, надо было укреплять наши отношения с Югославией, но не первым же делом. Наш самый преданный союзник, Албания, почувствовал себя при этом глубоко оскорбленным. Первую утрату доверия к Советскому Союзу в

дружественных нам странах я увидел впервые именно там в 1957 году (позже, уже в 80-х годах, таких тенденций было немало). Албания – интересная страна, там можно было уехать в самые дальние ее уголки одному и не чувствовать при этом, что ты – не в России. Все могли и с радостью общались на русском языке, у них было уделено серьезное внимание преподаванию русского. Был также специальный день солидарности, и если он совпадал с партийным собранием – оно велось на русском языке. Но у Албании были очень непростые отношения с Югославией. До Хрущева СССР занимал в этом конфликте сторону Албании. И вдруг Хрущев, посетив Югославию, простил Тито все обиды, предав, таким образом, маленькую героическую Албанию, которую никто не приглашал в переговорные процессы. И Албания от нас отшатнулась, ушла.

Восстановление отношений с Тито вызвало настороженность и целого ряда других социалистических государств. Кроме того, лидеры ведущих коммунистических партий мира – Тольятти, Торез, Ибаррури – отнеслись к этому шагу с явным неодобрением, это была первая трещина в доверии к СССР дружественных по отношению к нам стран, основа будущих расколов. Способствовал этому и резкий разрыв с Китаем. Приказом из Москвы в одночасье, без предупреждения китайских властей, были отозваны несколько тысяч специалистов, помогавших поднимать, а где-то и создавать промышленность Китайской народной республики. Конечно, набиравший силу и авторитет в коммунистическом мире Китай также допускал резкие выпады против того, что происходило в СССР после смерти Сталина: в частности, эта страна категорически не принимала решений XX съезда партии о необходимости борьбы с "культом личности".

Хрущев называл себя "верным ленинцем", но работы Ленина знал плохо. В этой книге уже говорилось о предупреждении Ленина по поводу Китая. Напомню, Ленин говорил, что мы, победив в Октябрьской революции и став во главе Коминтерна, не должны зазнаваться, что надо быть готовыми к тому, что через какое-то время центр коммунистического движения может переместиться в Индию или в Китай. Иного мнения были троцкисты, вспомним, что по их суждениям двигателем мировой революции могла быть только Россия.

Вообще во многих решениях Хрущева, которые с точки зрения здоровой логики не поддаются объяснениям, просматривался отход к троцкизму. Ключ к разгадке его поведения дал мне в свое время преподаватель марксистской философии одного из московских вузов, с которым нас связывали дружеские отношения. Хрущев в то время только еще возвращался из Киева в Москву, появились сообщения о том, что он избран первым секретарем Московского обкома и горкома КПСС. Еще жив был Сталин, и обсуждая назначение Хрущева, мой собеседник рассказал о том, как поплатился за то, что в 20-х годах голосовал за троцкистскую резолюцию, – его исключили из партии. Но вместе с ним на том же заседании за ту же резолюцию голосовал Хрущев, и голосовал он еще так же дважды. Но его из партии никто не исключал. Объяснял это положение дел мой собеседник тем, что "память о Надежде Аллилуевой Сталин никогда не выбросит из своей души". Дело в том, что в те далекие годы, когда шли голосования за троцкистские резолюции, Хрущев учился вместе с Надеждой Аллилуевой в партийной академии, они дружили. Она не раз приглашала его в свою кремлевскую квартиру, она же и познакомила Хрущева со Сталиным. Сохранились даже воспоминания об их совместных обедах в годы жизни Аллилуевой. Доброе отношение к Хрущеву у Сталина было именно благодаря Надежде. Ее памяти, как рассказывают близко общавшиеся с ним люди, он никогда не изменял. В частности, именно так свидетельствуют рассказы приемного сына Сталина, Артема Сергеева, который жил в довоенное время в их семье.

А ведь по сторонникам Троцкого были нанесены сильные удары в тридцатые годы. Интересно, что в репрессиях против троцкистов участвовал и

Н.С. Хрущев, работая в московских партийных органах, а затем с 1938 года занимая пост первого секретаря ЦК Компартии Украины.

Но сейчас не о репрессиях, а о том, что в решениях и действиях Н.С. Хрущева после прихода на пост руководителя партии почувствовался возврат к троцкизму. Помнится, что в пятидесятые годы одна из активных троцкисток Ядвига Козловская (три ее брата погибли в годы репрессий, но она осталась жива после многих лет заключения в лагерях) на собрании, обсуждавшем проблемы культа личности, подчеркнула, что, если бы в конце двадцатых годов партия пошла по пути развития страны, намечаемого после XX съезда, то троцкисты вряд ли бы выступили против ее генеральной линии.

+ + +

XX съезд партии, прославивший себя осуждением культа личности Сталина, состоялся спустя всего три года после смерти Иосифа Виссарионовича, в феврале 1956 года. За эти три года Хрущев успел окончательно "убить" роль Советов всех уровней, безграничная власть принадлежала теперь уже партийным органам. Повторюсь: это была безответственная власть в прямом, а не в переносном смысле, так как она не была ответственна перед народом. И если руководители всех Советов (краевых, областных, городских и сельских) переизбирались в соответствии с Конституцией СССР, то руководители партийные были назначенцами, то есть их на посты определяли решениями партийных органов, избирать их могли только члены КПСС. Эпоха Советов как власти народа, органа народной власти практически закончилась, они больше ничего не решали в реальности. Все это помогало Хрущеву закрепиться во власти, подготовить сенсационный "съезд века".

В первые дни работы XX съезда речь шла о дальнейшем развитии народного хозяйства, о задачах и решениях шестого пятилетнего плана. Сенсация произошла в последний день работы, 25 февраля на закрытом утреннем заседании. Заседание началось уже после того, как зал покинули приглашенные на съезд представители зарубежных коммунистических партий. Им руководил не избранный делегатами рабочий президиум, а Президиум ЦК КПСС. Вот в таком необычном режиме и выступил Хрущев с закрытым докладом "О культе личности и его последствиях". Выступление изобиловало перечислением многочисленных фактов преступлений второй половины 1930-х - начала 1950-х, вина за которые возлагалась на Сталина.

Первое, что вспомнилось, когда я услышал об этом, так это безутешные рыдания Хрущева в Колонном зале, когда там устанавливали гроб с телом Сталина. Даже сегодня готов поверить в искренность этих слез, но с еще большим доверием отношусь к тому, что написала об этом, как это ни странно, не советская и даже не российская, а американская журналистка Энн Аппельбаум. К 50-летию XX съезда в номере газеты "The Washington Post" от 22 февраля 2006 г. она так прокомментировала выступление Хрущева: "Это была длинная и не очень правдивая речь, сделанная за закрытыми дверями перед руководством страны, слушавшими ее с каменными лицами... Речь была полуправдой. Хрущев рассказал о многих преступлениях Сталина, но ловко умолчал о преступлениях, в которых обвиняли его самого... Целью доклада Хрущева было не только освобождение соотечественников, но и консолидация личной власти и запугивание партийных оппонентов, которые, все без исключения, также принимали участие в репрессиях с большим энтузиазмом".

В Советском Союзе подлинное содержание доклада скрывалось. Лишь летом 1956 года позволили читать его на закрытых партийных собраниях, после того как он уже появился в печати США. Страна знала об этом докладе по рассказам и комментариям делегатов съезда в интерпретации их личного

понимания. Так появлялись слухи, сплетни, домыслы. В такой обстановке сложно было ориентироваться даже тем, кто поддерживал саму идею подобного доклада. А ведь немало было руководителей во всех областях хозяйственной и политической жизни, в том числе и в ЦК партии, и в КГБ, которые не принимали и не могли принять критику Сталина, бывшего на протяжении многих лет символом величия государства. Так это чувствовалось подавляющее большинство населения нашей страны и немало людей за пределами Союза.

В партии наступил молчаливый раскол, не было никакой продуманной разъяснительной пропагандистской работы.

+ + +

Прямым следствием всего этого стали события, случившиеся в марте 1956 года в Тбилиси. В этом городе после смерти Сталина образовалась традиция: 5 марта, в день смерти вождя, массы людей шли к его монументу, который был воздвигнут еще при его жизни в парке на берегу реки Куры. Люди по дороге пели "Сулико", "Ласточку", шли с цветами и венками. Так чтили память Сталина и в 1954, и в 1955 году, так же готовились к этому всенародному дню скорби и в 1956 году. Но тут пришла весть о докладе Хрущева, а поскольку, как уже говорилось, доклад нигде не публиковался, вести до Тбилиси долетели в искаженном, неприглядном виде – говорили, что съезд в Москве оскорбил личность Сталина. Волна негодования охватила людей, особенно эмоционально восприняла ситуацию студенческая молодежь. ЦК партии Грузии, перестраховываясь, выдала команду запретить изготовление и продажу венков для возложения к монументу Сталина. Это еще больше подогрело страсти, приумножило и без того немаленькие ряды защитников вождя. Изобретательные студенты стали в массовом порядке заказывать венки на вымышленных покойников: "дяде Ване", "дедушке Серго", "бабушке Маквелле", а затем выводили эти надписи и писали взамен: "И.В. Сталину". Вузы бурлили, но никто не знал, как в такой ситуации успокоить молодежь, как вести себя в ситуации, когда отмечать годовщину смерти Сталина нельзя, а сказать почему нельзя – никто не может. Даже приехавший для участия в конференции грузинского комсомола в Тбилиси первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин молчал и к студентам не пошел. Понятно, что и он не знал, как вести себя.

5 марта у монумента на берегах Куры собрались сотни тысяч тбилисцев. Звучали призывы к непослушанию Москве. Кто-то выступал против Хрущева, кто-то проклинал Микояна, были и те, кто призывал к объявлению независимости Грузии. Начались беспорядки, обстановка потребовала ввода войск и объявления осадного положения города. Но митинг у монумента продолжался.

Мне пришлось увидеть Тбилиси 6 марта. Был командирован в составе группы сотрудников, направленной главой КГБ СССР И.А. Серовым для наведения порядка в столице Грузии и помощи местным чекистам. Было нас 16 человек, группу возглавлял заместитель Председателя КГБ С.С. Бельченко. Это была достаточно представительная команда – заместители начальников двух ведущих управлений, ответственные сотрудники.

Город жил напряженной жизнью. Митинг продолжался и у монумента, и у здания, где разместились делегация Компартии Китая, приехавшая в Грузию сразу после XX съезда. Члены этой делегации под руководством видного китайского коммуниста Чжу Дэ были гостями съезда, и потому митингующее население скопилось у их особняка с просьбами выступить перед монументом. Китайцы особняка не покидали, а на следующий день, 7 мая, покинули город, увозя с собой массу листовок, записок и обращений от собравшихся негодующих тбилисцев. Позже китайцы высказали свои оценки событиям в Тбилиси в газете "Жэньминь жибао". Редакционная статья этой газеты, написанная в защиту

Сталина, была через какое-то время перепечатана газетой "Правда", потому что в то время осложнять отношения с Китаем советское руководство еще не было готово. Более того, Хрущев выступил на приеме в китайском посольстве, где положительно высказался о Сталине. "Мы Сталина в обиду не дадим", - сказал он, и никто ничего не мог понять: с одной стороны, тот же самый человек с трибуны съезда обвиняет Сталина в злодеяниях, с другой - там, где за Сталина вступаются, говорит, по сути, "мы за него". Двойственность, присущая троцкистам, отталкивала от него многих...

Приехав в Тбилиси, мы окунулись в события, стремясь понять, что происходит, а главное - понять, что делать. Трудность, опять-таки, была в том, что даже мы - представительная команда КГБ - не знали настоящего содержания доклада Хрущева, нас с ним никто не ознакомил. Аргументировать призывы и просьбы, не говоря о требованиях, прекращать стихийную волну протестов приходилось чисто интуитивно, ориентируясь только на свое представление и понимание происшедшего на съезде. Это было непросто. До сих пор в памяти разговор с Маквеллой Окрориридзе, умной собеседницей, редактором газеты "Сталинское племя", издававшейся в Гори, родном городе Сталина. Она активно выступала на митингах, призывала к защите имени Сталина и непризнанию доклада Хрущева, явно пользуясь большим авторитетом и поддержкой митингующих в Гори и в Тбилиси. Она могла помочь успокоить людей, но она объясняла мне свою мотивацию вот так: "Я родилась в Гори. Наш дом рядом с домом Сталина. Я окончила школу имени Сталина, университет имени Сталина. Была пять лет сталинской стипендиаткой. Писала диплом на тему о трудах Сталина. Издаю газету "Сталинское племя". Как я могу выступать против Иосифа Виссарионовича?" Аргумент у меня был всего один: "Не могу оценивать вашу биографию и даже осуждать сегодняшнее поведение. Но если мы пойдем против партии, которую воспитал Сталин, а такое станет возможным, если не успокоить людей, то не будет ли это антисталинским шагом?" Путано, но что еще можно было сказать в такой ситуации?

Урезонить Маквеллу удалось, позже она много сделала для недопущения волны протеста против доклада Хрущева. Но ведь эта славная женщина была только одной из тех, кто звал людей к митингам в защиту имени Сталина, не зная при том доподлинно, в чем его обвинили на съезде. Аргументы для их успокоения приходилось подбирать индивидуальные в каждом конкретном случае. Они не повторялись при встречах с офицерами национальной грузинской дивизии в Кутаиси, на авиазаводе в Рустави, на беседах со студентами Госуниверситета и других вузов. Но аргументы находились и у нас, и у грузинских чекистов, контакты налаживались.

В первый же день приезда, помимо изучения обстановки в городе и выработки мер для прекращения массовых митингов, нам было нужно разобраться с задержанными на улицах Тбилиси в ночь на 6 марта, когда вводилось осадное положение в Грузии. Таких оказалось более четыреста человек. К утру 8 марта их осталось всего 26. Это были активисты, призывавшие к антиобщественным акциям, они грозились устроить массовые беспорядки. Остальных освободили, и это сразу изменило обстановку в городе. Нам стало легче осуществлять меры по восстановлению спокойной городской жизни.

Удалось даже уговорить руководителей ЦК Компартии Грузии выйти на площадь к митингующей толпе, как раз вернулся со съезда первый секретарь ЦК КПГ Мжаванадзе. Их встретили на митинге без восторга, но спокойно. Для того чтобы облегчить состояние людей, разрядить обстановку, разрешили местным газетам публиковать портреты Сталина, со словами, посвященными годовщине его похорон.

9 марта вышли газеты с портретами, но именно в этот день все-таки грянул кризис. На митинге появилась группа воинствующих экстремистов во

главе с выходцем из города Сталинири (ныне Цхинвали), фамилия его с течением времени выпала из памяти. Группа стала звать толпу к захвату Дома связи на проспекте Руставели, с тем чтобы, используя радио, призвать мировые державы к поддержке митингующих в Тбилиси. Затея удалась, и примерно к пяти часам вечера многотысячная толпа направилась вверх по Александровскому спуску к Дому связи. Где-то на полпути раздался пистолетный выстрел. Стрелял тот самый выходец из Сталинири. Это был первый выстрел за все прошедшие дни, и он взвинтил толпу. Передние ряды в остервенении ворвались в Дом связи, смяв дежуривших на входе солдат Советской армии. Призывы толпы были неоднородны: кто-то требовал доступа к радиопередатчикам для обращения к иностранным государствам, кто-то спешил отправить телеграмму Молотову, поздравляя его с днем рождения, кто-то звал искать место, где хранились деньги Дома связи.

Выше первого этажа здания никому прорваться не удалось, но накал страстей на первом этаже был просто неопишуем. Это привело к жертвам: когда толпа, оттеснив солдат, прижала их к стене, один из экстремистов приставил вилку к горлу солдата и стал ею давить. Солдат нажал на курок автомата, раздалась очередь. Часть пуль поразила людей, отрикошетив от потолка, а часть вылетела из ствола автомата, не удержанного и опущенного солдатом.

Погиб 21 человек. Больше жертв не было. Так трагически завершились события в Тбилиси, с 10 марта митинги прекратились, город перешел к обычному ритму жизни...

О событиях в Тбилиси написано много и освещают их по-разному. Но я рассказываю только то, что видел сам и что знаю.

+ + +

XX съезд партии имел и другие далеко идущие последствия. После него Запад резко активизировал пропагандистскую кампанию против СССР, усилил помощь антисоветским элементам внутри страны. Как уже говорилось, после пяти лет планомерных изысканий для атомной войны с СССР американским политикам стало ясно, что военными действиями нас разгромить не удастся. Это стало очевидно в 1950 году, и тогда родился новый план разрушения Советского Союза - холодная, или, как ее еще называли, психологическая война. Уже тогда в директиве США СНБ 20-1 говорилось о том, что "психологическая война чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...".

И все-таки к активной своей фазе холодная война при жизни Сталина не переходила. Возникает вопрос: как этот план вообще мог появиться еще при жизни Сталина, когда, казалось бы, именно с психологической стороны разрушить веру советских людей в правильности их устройства жизни было просто невозможно? Ответ в слове "Лиоте" - помните, в начале этой книги я просил вас сделать "узелок на память", запомнить это слово? История такова: французский генерал по фамилии Лиоте во время войны в Алжире, приказал своим войскам высадить деревья вдоль дорог. Он мечтал о прохладе и объяснял, что в тени деревьев можно будет спрятаться от палящего солнца Алжира. Его не понимали - эти деревья вырастут лет через 50, саженцы не дадут сейчас передышки от жары. Лиоте ответил, что на смену ему и его солдатам придут другие. Под кронами деревьев, в прохладе, они с благодарностью вспомнят о них.

Взяв эту историю как метафору, иностранные спецслужбы в 50-х годах разработали план под кодовым названием "Лиоте". Это был первый серьезный документ холодной войны, он пришел из Англии, так же как и первый

ключ к этой войне (имею в виду, конечно же, речь Черчилля в Фултоне). План "Лиоте" предусматривал далекую перспективу – он не был рассчитан на скорую удачу, скорее, исходил из того, что говорит наша пословица: "Вода камень точит". Цель в плане была обозначена достаточно четко – постепенное изменение государственного строя в СССР, развал нашей страны.

Американцы пошли еще дальше, они разработали механизм длительного разрушения Советского Союза, он состоял из двух разделов. В первый входило ведение массированной, широкомасштабной работы, направленной на подрыв государственного строя изнутри. К этому разделу были привлечены ранее существовавшие и вновь созданные центры, которые выделили особо три направления: компрометация компартии как руководящего органа страны с целью полного ее развала и ликвидации; разжигание национальной вражды; использование авторитета церкви.

Во второй раздел входил план максимального наращивания новейших видов вооружений, чтобы втянуть СССР в тяжелейшую гонку вооружений и истощить экономически. Был также разработан так называемый "проект демократии", который предусматривал широкомасштабную помощь тем кругам в СССР и в странах Восточной Европы, которые находились в оппозиции к правящему режиму. Помощь планировалось предоставлять в виде денежных средств, вооружения, типографского оборудования, предусматривалось необходимое снаряжение для подрывной деятельности и осуществления тайных операций, вплоть до физического устранения неугодных лиц.

Смерть Сталина послужила сигналом: английские и американские спецслужбы с большей уверенностью принялись реализовывать планы изменения государственного строя в нашей стране. Серьезные усилия предпринимались не только по линии разведок, но и по линии государственных структур. Сразу после смерти Сталина, летом 1953 года, появилось первое послание президента США Эйзенхауэра к советскому народу, опубликованное в центральных газетах СССР, в том числе в ведущем в то время издании "Правда". Оно выдавало глубинные расчеты американских политиков, было одним из первых таких нажимов идеологического плана, когда начали пробовать, насколько теперь, после смерти Сталина, устойчива советская власть.

+ + +

Удар Хрущева на XX съезде партии по эпохе Сталина открыл возможность Западу иными глазами взглянуть на, казалось бы, нерушимое государство, каким они видели СССР. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес в своей книге "Мир или война" (на русском языке она вышла примерно в 1957 году) сказал: "Мы истратили много миллиардов долларов за последние пять лет, готовясь к возможной войне с использованием бомб, самолетов и пушек. Но мы мало тратили на "войну идей", в которой терпим поражение, не зависящее ни от какой военной силы". И до этого высказывания, и после ведомство его брата, тогдашнего директора Центрального разведывательного управления США Аллена Даллеса, на "войну идей" имело солиднейшие ассигнования, только "войной идей" называлось финансирование и формирований групп и отдельных лиц, которые соглашались вести антисоветскую деятельность.

Сегодня уже не раз цитировалось высказывание этого главы ЦРУ о том, где они таких людей собирались искать: "...Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа,

окончательного, необратимого угасания его самосознания...". И если вспоминать 90-е годы, то можно видеть, что все это было осуществлено...

Одновременно с громкими заявлениями начали создаваться специальные структуры в НАТО, в его координационных центрах появлялись подразделения по организации психологической войны, появилась широкая сеть целенаправленных радиостанций. Был создан комитет радио "Свобода", который полностью финансировал конгресс США. В этом комитете трудилось немало число сотрудников американских спецслужб – они имели там официальные должности. Вещание было организовано на 22 языках (с учетом, практически всех народов, населявших СССР и ряд социалистических стран). Деятельность этого радиокomiteта шла по двум направлениям: с одной стороны, радиопропаганда, в которой умело использовались все промахи и просчеты лидеров партии и государства. Шло "промыывание мозгов", и делались прямые призывы к открытой борьбе с существующим коммунистическим режимом. С другой, по существу, шла агентурная работа, поиск сообщников, объединение их в группы, оказание им материальной помощи, с тем чтобы они создавали внутри страны так называемые "очаги сопротивления", которые способны были бы в нужный момент выступить с поддержкой тех, кто возьмет на себя смелость начать открытую борьбу. В программе комитета говорилось о том, что его целью, наряду с прочим, является необходимость добиваться конструктивных изменений в СССР. Это был один из серьезных центров идеологической диверсии. Именно диверсии, а не только пропаганды.

В те же годы возродился и вновь возник ряд антисоветских центров. Получил новое дыхание Народно-трудовой союз – НТС, он стал наследником основанного в 1932 году НТСНП (Национально-трудового союза нового поколения). Это было молодежное крыло белогвардейской военной организации, созданной в эмиграции офицерским корпусом белой армии после Гражданской войны. С момента образования организация категорически и воинственно показывала свою непримиримость с советским строем. В отличие от многих эмигрантов, которые в годы Второй мировой войны, несмотря на непризнание советского строя, поддерживали СССР в войне с фашизмом, члены НТС появлялись на оккупированных немцами территориях и призывали советских людей выступать против СССР.

В 1990-х годах энтэсовцы стали выглядеть героями, до сих пор во многих кругах России им оказывается почет и уважение... Но для того, чтобы составить о них подробное представление, стоит прочитать убедительные свидетельства бывших активистов этого движения – Черизова, Брунста и других. Они приводят секретные протоколы совместных заседаний английской и американской разведок, из которых видно, что с определенного момента англичане прекратили финансирование НТС. Его содержание полностью взяли на себя США. словно какой-то инвентарь, одна разведка передала другой эту организацию, руководству НТС было лишь объявлено о смене хозяина... Дело в том, что англичане хотели иметь от НТС за свои деньги побольше "невозвращенцев". ЦРУ не разделяло этой позиции, оно считало, что агентам надо платить за любую антисоветскую акцию, какой бы она не была: пропагандистской, провокационной, шпионской или любой другой.

Можно привести немало документов, раскрывающих деятельность американских и английских спецслужб, но сегодня их уже вполне достаточно обнародовано. В откровенности инструкциям американских спецслужб для своих адептов на территории СССР не откажешь, там, к примеру, говорилось: "Каждому социальному бунту или недовольству необходимо немедленно придавать национальный характер. Национально-политические цели должны быть доминирующими мотивами, даже если первопричина была не в этом...".

+ + +

Именно на период хрущевского правления приходится самая интенсивная фаза холодной войны, массированная атака со всех возможных точек прицела. 17 июля 1959 года сенатом и палатой представителей США в конгрессе был принят закон об освобождении поработанных наций (Public Law 86-90). Он был одобрен и утвержден президентом Эйзенхауэром, и это уже был не зондирующий нажим на советское руководство. Закон показывал высокую степень активной, открытой войны.

В предисловии к моей книге приводились расширенные цитаты этого закона, напомним, что СССР там назван "обширной империей", представляющей собой зловещую угрозу "цитадели человеческой свободы" в лице, конечно же, США. Именно в слове "обширная" и спрятан смысл вечного зова многих держав воевать с Россией, превратить ее в мелкие кусочки. Этот закон создал правовую базу для вмешательства Америки во внутренние дела Советского Союза. И этот закон, второе название которого, напомним, в самой Америке звучит как "Закон о расчленении России", жив до сих пор и позволяет вмешиваться США теперь уже во внутренние дела как России, так и отдельных, получивших в 1991 году независимость государств - бывших республик СССР, а также и всего Содружества (СНГ) в целом...

Активность холодной войны при Хрущеве легко объяснима тремя причинами: во-первых, неожиданность удара по сталинскому времени привела к растерянности внутри самого СССР, к началу расслоения советского общества. Во-вторых, непродуманность концепции развития страны привела к шараханью даже в таком вопросе, как дальнейшие оценки Сталина (то он злодей, то "мы его в обиду не дадим"). В-третьих, оказались несостоятельными все попытки Хрущева наладить экономику - весь его десятилетний период пребывания у власти сопровождался непоследовательными, подчас взаимоисключающими решениями. Потому иностранные разведки легко находили в СССР недовольных, обиженных людей, способных сознательно, а зачастую по недомыслию сотрудничать с центрами психологической войны.

Позже, уже при Брежневе, западные спецслужбы вбросили в страну название для таких людей - "диссиденты". И это было не случайно - надо было найти красивую форму, маску, под которой можно было бы скрыть мотивы, а чаще цели тех, кто выступал в СССР против существовавшего конституционного строя, кто встал на путь сотрудничества с западными центрами холодной войны. Даже ненавидевшие страну "наниматели" таких людей не скрывали презрительного к ним отношения, достаточно еще раз обратиться к цитате одного из таких специалистов-идеологов Алена фон Шарка, который достаточно цинично обнажал ситуацию: "Если государство Советский Союз предпримет какие-либо шаги против подобного рода отщепенцев (так именуется автор диссидентов, действующих против строя своей страны. - Авт.), необходимо как можно шире афишировать эти меры как несправедливые, чтобы вызвать, с одной стороны, сочувствие к ним, к отщепенцам, а с другой - недовольство коммунистической системой".

Уже не раз в интервью и в книгах приходилось мне и многим моим коллегам объяснять действительное значение этого слова - "диссидент", но по-прежнему то здесь, то там (не так, правда, часто, как это было в 90-х) говорится с некоторым придыханием о том, что вот этот или тот человек в советские годы был диссидентом - так, будто диссидент "звучит гордо". Это было очень хитро придумано - вбросить такое слово в СССР, потому что словом "диссидент" стали называть всех несогласных с чем-либо и всех инакомыслящих. Но с последними-то как раз КГБ никогда не боролся, такой терминологии в документах, в частности 5-го управления, которым я руководил, не существовало. Инакомыслием мы не занимались. Мы были против тех, кто практическим действием посягал на конституционный строй СССР.

Поэтому в органах КГБ всегда избегали этого слова, дабы не углублять изобретенную западными спецслужбами подмену понятий. Однажды все-таки ошибся Андропов, читая доклад, но после этого установленному порядку не изменяли ни разу. Инакомыслящих от диссидентов необходимо категорически отделить, против первых не возбуждалось уголовных дел, так как они не вели противозаконных действий...

Под маской инакомыслящих диссиденты верно служили целям холодной войны. Эти цели они формул провал и как бы сами, но на самом деле выполняли то, что настойчиво внедрялось западными спецслужбами и различного рода антисоветскими центрами.

+ + +

По сути, подменой понятий спецслужбам Запада удалось защитить диссидентов, поднимая шум по поводу преследования инакомыслящих. Истоки этого движения в том периоде, который с легкой руки Эренбурга принято называть "оттепелью". Речь, опять же, идет о так называемом процессе демократизации, начавшемся после XX съезда партии. Демократизация - это очень здоровый процесс, если речь идет о большей гласности, гражданских свободах, но руководители нашего государства под этим словом спрятали всю неясную для них самих внутреннюю политику. Этот процесс как вышел в те годы из-под контроля, так и продолжает развиваться до сих пор.

Как уже было сказано, после XX съезда в рядах самой партии не было никакого понимания событий. Часть коммунистов сказали бы "да" кому угодно. Они и подчинились Хрущеву в силу партийной дисциплины. Это честные люди, но инертные и послушные, неспособные к действиям, к выражению собственного мнения. Вторая часть была "против", но делала это молчаливо, ушла в глухую оборону. Но появилась и третья часть, коммунисты, которые не только пошли с Хрущевым, но и забежали вперед: они рьяно требовали идти дальше по пути разоблачений, выражая недоверие членам Политбюро, которые работали когда-то со Сталиным и оставались и теперь в его составе. И вот это было, как выяснилось, испытание, к которому никто не был готов. Хрущев принимал решения одно импульсивнее другого, что свидетельствовало о его глубочайшей растерянности. Ему хотелось дозированных разоблачений, в Президиуме ЦК еще оставались Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов... И начались внутривластные репрессии. Неуверенность и растерянность Хрущева стоила партийных билетов генералу Григоренко и физику Орлову. Оба встали впоследствии во главе группы диссидентов.

Также базу будущих диссидентов составили те, кто скрывал свое недовольство советской властью и вдруг подумал: "Пришло время!". Под их влияние попало некоторое число молодых людей, с подростковой протестностью и романтическим нигилизмом. Но постепенно так складывалась уже не оппозиция режиму, а группы, готовые к борьбе с существующим строем. Первое антисоветское выступление (массовое распространение в Москве листовок против коммунизма) относится к лету 1957 года. Группа, установившая связь с редколлегией польской ревизионистской газеты "Попросту" и возглавляемая аспирантом МГУ Краснопевцевым, была достаточно большой, активно готовила выступление против власти. У них была примитивная содержательная основа, но в 1957 году это все-таки было впервые. И были первые серьезные репрессивные меры после XX съезда, которые, конечно же, вошли в резкий диссонанс с заявлениями Хрущева о том, что в стране больше нет политических репрессий и заключенных. Возникло противоречие: если человек выступает против власти, то как разделить, когда он преступник, а когда "политический заключенный"? А ведь через какое-то время к категории последних отнесли шпионов и террористов.

Дело группы Краснопевцева, последовавшее по времени сразу после событий в Венгрии, заморозило антисоветский дух, которым пропитывался процесс демократизации.

Новый взрыв темы культа Сталина произошел на XXI съезде, который был почти весь посвящен этой теме. Уже появлялись значимые произведения советских писателей на эту тему. Но снова складывалась двойственная ситуация: власти, развязывая критику Сталина, призывали убрать практически все, что связано с именем вчерашнего вождя, но к выступлениям общества на ту же тему относились осторожно. Здесь таилась причина копившегося недовольства, прежде всего в среде репрессированных и их близких. Кроме них структурировался слой интеллигенции и молодежи, которые стремились утвердить себя на новой идеологической основе. Кто-то шел по этому пути искренне, кто-то делал карьеру, завоевывал популярность.

Здесь и черпали для себя ресурсы западные спецслужбы: первым диссидентам давали трибуну радио "Свобода", печатные издания НТС и другие антисоветские центры. Хрущев же тем временем, с одной стороны, широко рассказывал о своей встрече с сыном Гамарника, демонстрируя собственное сочувствие к его судьбе, поощрял сына Якира, поддерживал Снегова и Шатуновскую; с другой - громил выставку в Манеже и топал ногами на поэта Андрея Вознесенского. Мне лично пришлось после этого достаточно долго беседовать с поэтом, сидели после выплеска "царского гнева", курили. Такое у него состояние было, мог тоже метнуться не в ту сторону, дров наломать... Вот я и не уходил, пока он не успокоился.

Хрущев, может быть сам того и не замечая, а может быть и замечая, приводил к ситуации, которая создавала благоприятные условия западным эмиссарам для рекрутирования недовольных. Эмиссары западных спецслужб брали "гонимых" под свое "крыло", а значит, под влияние.

+ + +

Между тем обстановка внутри СССР все более накалялась. Хрущевым были недовольны даже его выдвиженцы в высших эшелонах власти. После смерти И.В. Сталина Никита Сергеевич Хрущев объявил о необходимости омоложения руководящих кадров партии и государственного аппарата. Люди старше пятидесяти лет, по его словам, уже "уезжают с ярмарки". Следовало ускорить процесс их отъезда, а на "ярмарку" зазывать молодых подготовленных людей. Среди пришедших выделились А.Н. Шелепин, П.М. Машеров, К.Т. Мазуров, В.В. Щербицкий, Н.А. Егорычев, Н.Р. Миронов, А.И. Аджубей, многие другие.

Возражений такая линия не вызывала, если бы ее осуществление не носило аврального характера. Постепенная смена поколений, безусловно, была бы полезной. Хрущев, правда, недолго настаивал на осуществлении объявленной кадровой политики и по мере утверждения во власти стал забывать "дорогу с ярмарки".

На волне демократизации все заметнее стал вырастать культ личности Хрущева. Он все более концентрировал власть в своих руках, поощрял славословие в свой адрес, стал безапелляционен в суждениях и действиях. Все чаще единолично решал важнейшие государственные дела. Вокруг него сложился круг приспешников, среди которых выделялся зять - Алексей Иванович Аджубей, нередко подменявший собой руководство МИД СССР.

Особую тревогу вызывали бесконечные реорганизации, не позволявшие вести дела, отвлекавшие кадры от повседневной работы. Нагляднее всего это проявилось в разрушении структуры Госплана СССР. Планирующий и контролирующий центр заменили отраслевыми структурами, стоявшими далеко от

общегосударственных интересов. Развитие отрасли во многом стало определяться пробивной способностью ее руководителя. Пагубным оказалось и отсечение от Госплана проблем снабжения, контроля за ценами, стратегического планирования. Эти функции были переданы Госснабу, Госкомцен, различным государственным комитетам, комиссиям.

Вместе с тем появились тенденции вождизма. Подхалимы сняли фильм "Наш Никита Сергеевич", провозгласили "великое десятилетие" правления Хрущева. Все это вызывало определенную настороженность, порождало сомнения в искренности лидера, объявлявшего одно, а на деле получалось совсем иное.

Естественно, что создавалась атмосфера не в пользу Хрущева. Авторитет, созданный на критике культа личности Сталина, падал. Нововведения Хрущева вызывали непонимание, а затем и сопротивление. Многие начинания не встречали той поддержки, которая являлась характерной для первых лет пребывания Хрущева на посту лидера партии.

Первое серьезное столкновение произошло при принятии решения о создании вместо единых руководящих органов партии двух независимых: промышленных и сельских. Против этого выступил в то время кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Председатель Совета Министров Украины В.В. Щербицкий. Поддержки он не получил, хотя недовольных такой реорганизацией партии, а затем и советских органов было хоть отбавляй. Щербицкий поплатился постом Председателя правительства и, получив в награду инфаркт, переехал в родной Днепропетровск. Но след его выступления сохранился. О нем в партии знали, и поступок Владимира Васильевича высоко ценили.

+ + +

Наступил октябрь 1964 года. Н.С. Хрущев был освобожден от занимаемой должности. Л.И. Брежнев получил на Пленуме ЦК КПСС полную поддержку. Его поддержала партия. Назначение на пост Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, имевшего непререкаемый авторитет во всех слоях населения, еще более укрепило позиции вновь избранного руководителя партии.

Среди тех, кто поддержал Брежнева, одну из главных ролей играл Александр Николаевич Шелепин. Вокруг него, как бывшего комсомольского лидера, естественно, сложилась группа молодых руководителей, поднявшихся на волне прихода Брежнева к власти и, надо сказать, активно его поддерживавших.

Однако не все шло гладко. Молодые люди, не скрывая своей радости, всюду (кстати и некстати) восхваляли Шелепина, что вызывало настороженность старшего поколения. Шелепин, к сожалению, недооценивал такой ситуации, а может быть, ему и нравилось слыть "железным Шуриком".

Вокруг Брежнева сложилась группа главным образом из числа работавших с ним в Днепропетровске и Молдавии (Черненко, Щелоков, Тихонов, Кириленко, Цуканов, Грушевой, Епишев, Цвигун, Цинев и другие), занявших важные посты в партийном и государственном аппарате.

Они конфликтовали с выходцами из комсомола, боялись их роста и систематически доводили до Брежнева информацию о якобы вынашиваемых "комсомольцами" намерениях отстранить его от власти. Немало кивков делалось и в сторону Косыгина. Ложь обладает силой, а злонамеренная тем более. Так и случилось то, что случилось.

Первым был удален с высоких постов Шелепин. Он был избран

Председателем ВЦСПС, а затем был назначен заместителем председателя Государственного комитета СССР по профтехобразованию, откуда и ушел на пенсию. Такая участь постигла и многих его сподвижников по комсомолу (Месяцева, Павлова, Семичастного, Тикунова, Мазурова).

Произошел новый кадровый переворот, приведший к постарению кадров и ставший, безусловно, одной из основных причин застоя.

На поверхности осталось несколько фигур, не определявших политику государства. К тому же они были одиноки. Урок Шелепина остался у многих в памяти. И здесь нельзя забыть Миронова. Он сыграл важную роль и в дни подготовки октябрьского 1964 года Пленума ЦК КПСС, и на самом Пленуме как заведующий отделом административных органов ЦК. Думаю, что не случись трагедии в Югославии, когда на второй день после Пленума погибла в Белграде советская военная делегация, в составе которой он находился, многое могло бы сложиться по-иному. Николай Романович Миронов сумел бы стать человеком, который не допустил бы раскола между молодыми и стариками. А в партии он, безусловно, занял бы видное положение.

Яркой личностью проявил себя и П.М. Машеров – на посту первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Он добился расцвета Белоруссии во всех отношениях. Думаю, что партизанская республика выиграла еще и потому, что основное ядро руководителей в республиканском и областном звене составляли люди, прошедшие горнило войны. Такого не было ни в одной республике и даже в областях РСФСР.

Это были те люди, которым сама судьба предназначила ведущую роль в дальнейшем укреплении государства. Именно они могли подготовить смену себе, передать ей свой государственный и политический опыт, предотвратить приход во власть людей слабых или совсем не подготовленных для управления партией и государством. К сожалению, этого не получилось.

Сейчас принято ругать "эпоху застоя" и критиковать Л.И. Брежнева, но Брежнев в свои первые годы был очень активен. Ему было трудно, многие вещи надо было выправлять, а как только он начинал это делать – раздавался крик, что это – возврат к сталинизму. Он притормаживал, прислушивался к этим крикам. И все-таки при Брежневе начался рост благосостояния народа, налаживалась экономика. А когда он фактически вышел из строя, то его окружение, боясь его ухода и цепляясь за власть, повело страну к развалу, отойдя от многих принципов социализма. Стала развиваться появившаяся при Хрущеве система подношений, взяток, преимущество в обеспечении номенклатуры. Потом появилась небрежность в отношении к трудящимся, к их заявлениям – все это неизбежно приводило к разрыву между обществом и властью... В последние годы секретари обкомов, ответственные работники в основном отдыхали за границей, правда, по приглашению компартий. Стал появляться новый образ жизни, пошло еще более сильное расслоение общества.

+ + +

Запад тем временем находил все новые и новые формы холодной войны. В 70-е и особенно в 80-е годы была сделана ставка на так называемое "правозащитное движение". Это отчетливо проявилось после Совещания по вопросам разоружения и безопасности в Европе, которое состоялось в Хельсинки в 1975 году. Достижение договоренностей о сокращении ядерных и обычных вооружений, прежде всего военных потенциалов США и СССР, и о нерушимости границ в Европе стало событием величайшей важности. Однако Запад компенсировал это условиями, заложенными в так называемую "третью корзину", – это раздел соглашений по правам человека (свобода слова, печати, передвижений и т. д.). Центры психологической войны не преминули

этим воспользоваться. Под эгидой политического отдела посольства США, и в частности, его сотрудника Ричарда Колмса, создавались "хельсинкские группы" борцов за права человека в СССР, которые легализовали тех, кто вел незаконную деятельность против советской власти.

Это была серьезная и глубоко разработанная программа борьбы с Советским Союзом. Спецслужбы США получили практически легальную возможность поддерживать и руководить движением, направленным на перемену строя внутри СССР. Иметь отряды диссидентов под вывеской борьбы за права человека.

Сохранилось множество документов, это подтверждающих. Вначале такую роль играли письма против отдельных правительственных решений и акций, затем возникла "Хроника текущих событий", вокруг которой стали спланироваться "борцы за права человека в СССР", - за все платили специальные центры Запада. Позже (при том же финансировании и организации) стала распространяться программа "Демократическое движение в СССР", а затем "Тактические основы демократического движения в СССР".

Для того чтобы рассказать о том, как мы пытались всему этому противостоять, следует вспомнить о Юрии Владимировиче Андропове.

ГЛАВА 3. ПЛАН "ЛИОТЕ" ДЕЙСТВУЕТ. АНДРОПОВ И ДИССИДЕНТЫ

Для меня 15 лет, которые я работал под началом Юрия Владимировича Андропова, остаются памятными на всю жизнь.

Возглавив партию и встав во главе государства, он сразу же напомнил обществу о Марксе. В статье "Учения Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР" он поднял исторически важную теоретическую задачу: "Нам надо трезво представлять, где мы находимся... Видеть наше общество со всеми его возможностями и нуждами..." Это - требование первопроходца. Он должен оценить пройденный путь и определить дальнейшие шаги. Андропов не призывал вернуться к Марксу или к Ленину. Первопроходец определял путь в будущее, опираясь на учение Маркса-Ленина, думая о его развитии.

Уверен, что Андропов свершил бы то, что сделал Ленин на заре империализма, он, развивая учение марксизма-ленинизма, нашел бы пути развития социализма в новых исторических условиях, обосновал бы его теоретически в эпоху глобального капитализма.

Андропов говорил: "Мы живем в стране социализма. Немало тех, кто сомневается в этом, говорят, что социалистическое общество не таким должно быть. Мы, дескать, ушли от социалистических начал. Но мы - первые. Иного социализма на Земле никто в жизни не воплотил, да и не воплощал. Конечно, многое хочется улучшить, усовершенствовать. Мы обязаны это делать. Но искать иные пути, бросать наш опыт, отказываться от него - значит уйти от социализма, похоронить завоевания Октября, закрыть дорогу в будущее".

Горько осознавать, что великую державу пустили в пропасть те, кто отказался от нашего опыта, кто "целился в коммунизм, а погубил Россию"...

Андропова заботило и беспокоило многое. Главное - доверие людей к партии и к государству, вера народа в будущее, благосостояние всех, живущих в социалистическом государстве. Конечно, осуществить все это, как и обеспечить необходимый рост экономики, можно было только в условиях безопасности государства. Холодная война продолжалась, и в 1983 году Юрий Владимирович говорил по этому поводу: "Наше общество развивается не в тепличных условиях, не в изоляции от враждебного нам мира. А под холодными

ветрами развязанной империализмом "психологической войны".

Задачи этой войны и тогда были очевидны: изменить конституционный социалистический строй в СССР и, в конечном счете, разрушить государство. Средства для достижения этой цели были брошены невероятные, в том числе и для снабжения тех, кто встал на путь борьбы с конституционным строем своей страны, внутри нее. Андропов хорошо знал, что такие люди в стране были (конечно же, он знал и о "плане Лиоте"). Но вряд ли он мог представить себе, что "деревья станут большими" в Беловежской Пуще, что там в декабре

1991 года вопреки воле народа, высказанной на референдуме в марте того же года, будет принято решение о прекращении существования СССР. И хорошо, что он не узнал о том, что это решение подписали и доложили об этом президенту США бывшие руководящие работники партии... Которые не скупилась на заявления о своей верности Ленину. А бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС, ставший президентом СССР, спокойно принял антиконституционный акт и подал в отставку...

Говорилось уже много раз, но не могу не повториться: Андропову не было жизнью отведено времени для спасения государства. Но положение в партии его беспокоило многие годы. Он говорил о своих переживаниях, излагал свои мысли в записках с предложениями, как поправить дело.

Не раз приходилось слышать от него о том, что партийные руководители превращаются в хозяйственников, подменяют своим аппаратом власть Советов, теряют роль политических руководителей и организаторов масс. Особенно часто он возвращался к роли первых секретарей райкомов партии, не мог спокойно реагировать на то, что они, занятые хозяйством, отдаляются от острейших нужд и запросов жителей своих районов. Он не терпел также пренебрежительного отношения к письмам и к просьбам людей. Они не должны были оставаться без ответа.

Такое внимание к заявлениям граждан в КГБ породило желание людей обращаться к нам с просьбами и жалобами, которых не слышали и не хотели слышать в партийных и государственных учреждениях. Была, к примеру, такая ситуация, когда в столице на протяжении почти двух лет довольно большая группа людей ходила по приемным высших органов власти, редакций центральных газет. Какую-то помощь по поводу своих жалоб люди получали лишь по линии ЦК ВЛКСМ. Корреспондент агентства "Рейтер", не скрывая своей профессиональной радости, живо описал ситуацию миру, подсказал, кстати, идею объединиться советским людям в независимые профсоюзы - и получилась акция!

Юрий Владимирович принял решение пригласить сто человек из этой группы в приемную КГБ. Люди изложили свои просьбы, все они касались проблем на местах. Андропов направил записку в ЦК КПСС с предложением принять решение. Понадобилось дней десять, и все просьбы, за исключением четырех, были удовлетворены.

Андропов так реагировал на все, что было связано с несправедливостью. Так он поступил в день похорон Василия Шукшина, творчество которого высоко ценил. Когда кто-то вдруг инспирировал слух о запрете хоронить писателя на Новодевичьем кладбище, Юрий Владимирович вмешался и сорвал явную провокацию.

Через частности видится личность - заботясь о доверии народа к государству, Андропов укреплял государственную власть. В обществе уже нарастали угрожавшие стабильности негативные процессы, нарастала напряженность в межнациональных отношениях в ряде районов страны, ощущалась разбалансированность планов развития экономики. Информационные службы

скрывали тем временем реальное положение дел...

+ + +

Расскажу о деятельности Ю.В. Андропова по порядку.

На первомайских трибунах 1967 года осведомленные люди обсуждали возможную скорую смену действующего на тот момент руководителя КГБ В.Е. Семичастного. Но назначения на этот пост именно Андропова никто не ожидал. Впоследствии этот факт стали связывать с трагедией, случившейся со Светланой Аллилуевой, но к приходу в КГБ Андропова это не имело никакого отношения. Хотя ему и пришлось немало сделать для нейтрализации пропагандистских акций Запада, которые они развязали, воспользовавшись этой трагедией.

На самом деле Светлана Аллилуева уехала в Индию с прахом супруга с разрешения руководителей государства. Она выполняла завет покойного, и никто не мог ей в этом препятствовать. Находилась она в Индии около трех месяцев и на 6 марта 1967 года имела билет на самолет Дели - Москва. Почти двое суток провела в посольстве Дели, накануне вылета обедала у посла СССР в Индии Бенедиктова, одного из бывших, наиболее заметных наркомов, воспитанных Сталиным. После обеда осталась в одиночестве, так как посольство занялось обеспечением очередного официального мероприятия: в Дели прилетел с визитом начальник Генштаба Советской армии. Происходило это 5 марта, но никто не вспомнил в этот день имя отца Светланы. Не высказал ей нужных слов по поводу даты смерти ее отца. Возможно, это и привело ее к роковому шагу.

Все понимали, что случившееся послужило лишь поводом для смены руководства КГБ. Тем более с того мартовского дня прошло более двух месяцев, и никто, ни в каких сферах, не искал виновных за ее отъезд. Смена происходила в связи с борьбой двух группировок в верхнем эшелоне власти при Брежневе. Семичастный был близок к Шелепину, а именно рост влияния последнего в партии и в государстве и вызвал борьбу.

Тем, кто активно стремился этот рост прекратить, удалось склонить Брежнева снять Семичастного.

Андропов никогда не примыкал ни к каким группировкам, был далек от всякого рода интриг, и решение Брежнева назначить его на пост руководителя КГБ было безошибочным. В самом комитете положение в то время было сложное и напряженное. Оно объяснялось распрями между отдельными группами руководящих работников. Основную группу составляли бывшие партийные работники, которые появились у нас после ареста Абакумова. Они занимали ключевые посты и считали себя, по прошествии полутора десятка лет, заслуживающими ведущего положения, держали оборону против новых молодых сотрудников, которым Шелепин и Семичастный открывали дорогу на руководящие посты. Бывшие партработники не хотели сдавать своих позиций, в какой-то мере и это тоже решило судьбу Семичастного.

Трудно приходилось профессиональным работникам, которые несли на себе всю тяжесть оперативной работы, - никто не знал, как поведет себя новый председатель. С приходом Андропова на первый план вышли бывшие партработники, они очень старались сразу зарекомендовать себя его сторонниками. И здесь проявилось то, что вызвало уважение и первые ростки доверия к Андропову: он не тронул профессионалов, не стал реагировать на лесть...

Доверие к Андропову росло и по мере его вхождения в дела,

укреплялось принимаемыми решениями, подходом к анализу оперативных ситуаций, отношением к людям.

На всех произвело впечатление и вызвало одобрение первое телеграфное указание на места, определявшее подход нового председателя к решению проблем государственной безопасности страны. Прежде всего: действия чекистов должны быть известны и понятны населению. Так не только поощрялась, но и приобретала реальное содержание гласность. Вошло в рабочий график постоянное открытое общение сотрудников КГБ с населением, обязательное информирование общества через средства массовой информации. Чекисты стали частыми лекторами и докладчиками в рабочих, студенческих, творческих аудиториях, на различного рода собраниях общественности.

С первых дней работы Андропова в КГБ стал повышаться и без того высокий уровень требовательности к исполнению служебного долга, и образцом такого служения был сам Юрий Владимирович. За время пребывания в КГБ он практически ни одного дня не был отключен от работы. Мы знали и привыкли к тому, что суббота или воскресенье – это самые удобные дни для доклада председателю, так как в будни его отвлекали внекомитетские дела.

Он был требовательным и в то же время удивительно понимающим подчиненных руководителем. Хорошо помню первый случай воспитания дисциплины. В одно из воскресений, вскоре после прихода в КГБ, Андропов вызвал к себе руководителей основных подразделений Комитета. Явились не все, в том числе не мог там быть и я, потому что меня не оповестили, не нашли, жил на даче без телефона, дежурных машин не было... Поняв эти причины, Андропов распорядился так, что буквально на следующий день управлению помогли организовать дежурную службу, а через три дня на моей даче появился не только городской телефон, но и так называемая вертушка. Вскоре были установлены телефоны и в служебных машинах. Понятно, что такой подход вызывал уважение к руководителю, укреплял понимание важности дела, которому служишь, усиливал исполнительность.

Еще одно немаловажное качество: умение слушать людей, считаться с их мнением. Андропов не отвергал несогласия, даже тогда, когда принимал решения вопреки мнению возражавших. Но если последние оказывались правы впоследствии, Юрий Владимирович всегда признавал это прилюдно. Профессионалы это оценили очень высоко, а те люди, которые старались с приходом Андропова быстренько, так сказать, ему услужить, посредством рассказов о том, кто здесь плох, а кто хорош, почувствовали себя отстраненными. Андропов оценивал кадры только так, как видел их в деле.

Привлекало в нем и то, что он не был сторонником скоропалительных решений. Принимал их вдумчиво, серьезно и не спеша. Иной раз даже кто-то нервничал, что он тянет, а потом, когда наступал итог, всем становилось ясно, что только так и надо было поступать.

Он был генератором идей, тех мероприятий и той политики, которые должны были проводить органы безопасности. Это очень важно. Были и до него "генераторы", но он иной раз выдвигал идею, которая казалась нереальной для ближайшего времени, "когда это будет и что это такое"? А жизнь показывала, что это было видение той далекой перспективы, которая нас ожидала. В этой связи нельзя не сказать об отношении Андропова к информации, особенно к устным докладам. Очень скоро мы убедились в том, что доклад без предложений о действиях, вытекающих из сообщенной информации, для него не интересен. Просто знать мало, надо реагировать, решать. Если ты не видишь решений, то скажи, будем искать их сообща. А просто играть в информированность – дело недостойное.

Неотъемлемым требованием Андропова было соблюдение законности: чекисты должны быть образцом законопослушности. Сам он был до шепетильности строг в соблюдении ответственности за деятельность КГБ перед ЦК КПСС и правительством. Прежде всего это выражалось в том, что Комитет не утаивал промахи и нежелательные происшествя, которые в его структурах происходили. Такого же подхода он требовал и от подчиненных.

В целях строгого соблюдения законности Андропов ограничил некоторые права местных руководителей. Это, в частности, касалось права на возбуждение уголовных дел по статье 70 УК РСФСР (антисоветская пропаганда). Такое решение принималось теперь только с санкции центра. Вина привлеченных к уголовной ответственности должна была доказываться документами и вещественными доказательствами. Признание обвиняемых и показания свидетелей признавались лишь как объяснение действий и иллюстрация очевидцев. Это правило распространялось также и на материалы, передаваемые в органы прокуратуры.

+ + +

О хитром замысле понятия "диссидент", которым Запад прикрывал тех, кто встал на путь нарушения закона, я уже говорил. Андропова немало обвиняли в том, что он преследовал и даже репрессировал инакомыслящих. Да, в переводе слово "диссиденты" - инакомыслящие. Но КГБ под руководством Андропова никогда их не преследовал, он боролся с "инакодействующими", с теми, кто не словом, а делом выступал против советского конституционного строя, нарушая при этом закон. Это - не инакомыслие. Иные диссиденты признают сегодня, что их борьба с коммунизмом на деле оказалась борьбой против России. Но они это признают только теперь...

Андропов сделал так, что на всех направлениях оперативной деятельности главным условием становилось знание оперативной обстановки и принятие мер предупреждения преступных акций, угрожающих государственной безопасности, способных дестабилизировать общество.

...Через два месяца после прихода Юрия Владимировича в КГБ СССР в моем кабинете раздался звонок, с которого начался для меня новый и важный этап профессиональной судьбы. Он вызвал меня к себе, предложил сесть и стал расспрашивать о жизни, работе, о том, что происходит в органах, какой мне видится перспектива развития системы госбезопасности и как я оцениваю обстановку в стране. Разговор был долгий и обстоятельный. Я выразил тревогу по поводу растущих нападков Запада, на которые мы не всегда достойно и не достаточно твердо отвечаем.

И тут, совершенно для меня неожиданно, Андропов предложил мне пост первого заместителя начальника вновь создаваемого Управления по борьбе с идеологической диверсией.

- По всей видимости, Главное управление контрразведки (в то время я работал там) я не устраиваю, и мне следует либо согласиться с вашим предложением, либо уходить, - сказал я.

Юрий Владимирович попросил меня все же высказать свое отношение к идее создания нового подразделения. Я усомнился: не будет ли оно повторять то, что уже было, не окажется ли новое управление аналогом Секретно-политического отдела НКВД (СПО), который занимался политической оппозицией и работа которого уже подвергалась беспощадной критике все последнее десятилетие.

- Нет, новое управление не будет повторением СПО, - возразил

Андропов, – оно должно отвечать задачам сегодняшнего дня. Ты не можешь не согласиться с тем, что сейчас идет мощная психологическая атака на нас, это же не что иное, как самая настоящая идеологическая война, решается вопрос кто кого. Мы, коммунисты, стоим на твердых позициях и полны решимости укреплять Советское государство, а наши идеологические противники прилагают все силы, для того чтобы разрушить его. Мы обязаны знать их планы и методы работы, видеть процессы, происходящие в стране. Это очень важно. Нам необходимо использовать самые разные источники: как легальные учреждения, социологические институты или информацию в печати, так и данные наших спецслужб. Помимо явлений, которые лежат на поверхности, существуют еще и тайные пружины, и немаловажную роль здесь играет работа наших органов. Вот, к примеру, сегодня мы занимались проблемой крымских татар. Ты видишь одно, а тот, кто не изучил этот вопрос основательно и не знает всех тайных рычагов, видит совсем другое. Очень важно научиться распознавать и хорошо понимать внутренние глубокие процессы. Мне представляется, что главной задачей создаваемого управления является глубокий политический анализ ситуации и по возможности наиболее точный прогноз. Новое управление должно противостоять идеологической экспансии, направляемой из-за рубежа, стать надежным щитом против нее. И здесь очень важна роль чекистских методов работы...

"Чекистские методы? Что он имеет в виду?" – подумал я. Видимо, речь идет о создании своего рода Управления политической контрразведки. Андропов не скрывал, что ощущение необходимости такого подразделения он вынес из венгерских событий 1956 года, очевидцем и участником которых был, находясь в Бухаресте на посту посла СССР. Чекистские методы у многих отождествляются с тем, что именуется "политическим сыском", "охранкой", – это неправильно. Об этом шла речь в тот памятный для меня вечер.

В итоге мы пришли к выводу, что нельзя занимать страусиную позицию. Либо вы защищаете власть, государство, либо создаете видимость деятельности, прикрываясь громкими фразами.

Основной функцией органов госбезопасности является защита конституционного строя – не правителей, а именно устоев государства.

В любом государстве спецслужбы глубоко и основательно изучают внутреннюю обстановку и предупреждают процессы, угрожающие строю. Во многих странах Запада под постоянным контролем находятся группы населения, такие, как, к примеру, иммигранты. Во Франции, например, во время визитов высокопоставленных лиц неблагонадежные элементы в целях безопасности высылаются на Корсику. Трудно представить, как могло бы ФБР узнать, что происходит в коммунистической партии США, не имея там агентов. Как могли бы бороться американские спецслужбы с экстремистскими афроамериканскими организациями, если бы не знали обстановку "изнутри". Оценить же обстановку можно только с помощью сложившихся и проверенных методов, применяемых спецслужбами во всем мире.

Кто же должен этим заниматься? Конечно, контрразведка. Это известный легально существующий во всех государствах политический орган. Именно политический, так как основной смысл работы контрразведки в политическом контроле над ситуацией. Поэтому словосочетание "политический сыск" искажает смысл необходимой для государства работы, ставя знак равенства между законными действиями и беззаконием.

Это – схематичное изложение соображений Андропова о задачах создаваемого управления. Мне было в тот момент ясно: он тщательно и глубоко продумал перестройку системы органов КГБ. Осознав основной смысл плана, я понял, что это важное и нужное дело, и, подумав, дал согласие. Начальником

управления стал бывший секретарь по пропаганде из Ставропольского краевого комитета партии В.Ф. Кадышев, я – его первым заместителем. Встал вопрос и о других заместителях, я предложил три кандидатуры, Андропов назвал еще одну. Я промолчал. Он еще раз повторил фамилию этого человека, я опять никак не прореагировал.

– Как ты вообще относишься к людям, с которыми тебе предстоит работать? Что можешь о них сказать? – спросил Андропов.

– Юрий Владимирович, если вы меня вызовете через полгода, я изложу свою точку зрения. Сегодня же никаких характеристик давать не буду. К вам сейчас идет много людей и с добром, и со злом. Есть и такие, кто хочет себя показать, а товарища утопить. Поэтому мне, пока не хотелось бы давать характеристики. Через полгода вы сами многое увидите, у вас сложится обо всем собственное мнение и будет больше информации. Вот тогда я и скажу, как отношусь к некоторым нашим сотрудникам.

Андропов улыбнулся не то одобрительно, не то иронически, но условие мое принял. И ровно через полгода позвонил:

– Ты знаешь, что за день сегодня?

– Догадываюсь...

– Ну приходи, потолкуем...

+ + +

Управление, созданное Андроповым для борьбы с идеологической диверсией противника, назвали 5-м, я провел в нем дальше всю свою профессиональную жизнь. Есть смысл привести информацию о нем, помещенную на официальном сайте ФСБ России:

"В записке в ЦК КПСС о целесообразности образования самостоятельного управления по борьбе с идеологическими диверсиями противника № 1631-А от 3 июля 1967 г. Ю.В. Андроповым подчеркивалось: "Имеющиеся в Комитете государственной безопасности материалы свидетельствуют о том, что реакционные силы империалистического лагеря, возглавляемые правящими кругами США, постоянно наращивают свои усилия в плане активизации подрывных действий против Советского Союза.

При этом одним из важнейших элементов общей системы борьбы с коммунизмом они считают психологическую войну...

Замышляемые операции на идеологическом фронте противник стремится переносить непосредственно на территорию СССР, ставя целью не только идейное разложение советского общества, но и создание условий для приобретения у нас в стране источников получения политической информации.

В 1965–1966 гг. органами госбезопасности в ряде республик было вскрыто около 50 националистических групп, в которые входили свыше 500 человек. В Москве, Ленинграде и некоторых других местах разоблачены антисоветские группы, участники которых в так называемых программных документах декларировали идеи политической реставрации...

Под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и

демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия..."

В этой связи предлагалось создать в центральном аппарате КГБ самостоятельное Управление (пятое), возложив на него функции:

- организации работы по выявлению и изучению процессов, могущих быть использованными противником в целях идеологической диверсии;
- выявления и пресечения враждебной деятельности антисоветских, националистических и церковно-сектантских элементов, а также предотвращения (совместно с органами МВД) массовых беспорядков;
- разработки в контакте с разведкой идеологических центров противника, антисоветских эмигрантских и националистических организаций за рубежом;
- организации контрразведывательной работы среди иностранных студентов, обучающихся в СССР, а также по иностранным делегациям и коллективам, въезжающим в СССР по линии Министерства культуры и творческих организаций.

Эта записка была рассмотрена Политбюро ЦК КПСС 17 июля 1967 г., и был одобрен проект Постановления Совета Министров СССР, которое было принято в тот же день (№ 676-222 от 17 июля 1967 г.).

Как отмечалось в записке Андропова в ЦК КПСС от 17 апреля 1968 г. "О задачах органов госбезопасности по борьбе с идеологической диверсией противника", в отличие от ранее действовавших аналогичных подразделений (секретно-политических отделов, 4-го Управления МВД-КГБ), вновь создаваемые в центре и на местах подразделения призваны вести борьбу с идеологической диверсией, инспирируемой противниками СССР из-за рубежа.

Как отмечалось в решении одной из Коллегий КГБ СССР за 1968 г., в работе по линии борьбы с идеологической диверсией "следует исходить из того, что результатом профилактической работы должно быть предупреждение преступлений, перевоспитание человека, устранение причин, порождающих политически вредные проявления. Задачи борьбы против идеологической диверсии противника будут решаться в тесном контакте с партийными органами в центре и на местах, под их непосредственным руководством и контролем".

+ + +

На основании указанного постановления Совета министров был издан Приказ председателя КГБ СССР № 0096 от 25 июля с объявлением структуры и штатов образованного управления.

Первоначально в 5-м Управлении были сформированы 6 отделов и их функции были следующие:

1-й отдел - контрразведывательная работа на каналах культурного обмена, разработка иностранцев, работа по линии творческих союзов, научно-исследовательских институтов, учреждений культуры и медицинских учреждений;

2-й отдел - планирование и осуществление контрразведывательных мероприятий совместно с ПГУ против центров идеологических диверсий империалистических государств, пресечение деятельности НТС, националистических и шовинистских элементов;

3-й отдел - контрразведывательная работа на канале студенческого обмена, пресечение враждебной деятельности студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава;

4-й отдел - контрразведывательная работа в среде религиозных, сионистских и сектантских элементов и против зарубежных религиозных центров;

5-й отдел - практическая помощь местным органам КГБ по предотвращению массовых антиобщественных проявлений; розыск авторов антисоветских анонимных документов и листовок; проверка сигналов по террору;

6-й отдел - обобщение и анализ данных о деятельности противника по осуществлению идеологической диверсии, разработка мероприятий по перспективному планированию и информационной работе.

Помимо перечисленных отделов, в штат управления входили секретариат, финансовый отдел, группа кадров и группа мобилизационной работы, а первоначальная общая численность его сотрудников составляла 201 человек.

В августе 1969 г. был образован 7-й отдел, в который были выведены из 5-го отдела функции выявления авторов анонимных антисоветских документов, содержащих угрозы террористического характера, а также оперативной разработки и предупреждения враждебной деятельности лиц, вынашивавших террористические намерения.

В июне 1973 г. был образован 8-й отдел по борьбе с подрывной деятельностью зарубежных сионистских центров, а в следующем году - 9-й (разработка антисоветских группирований, имеющих связи с зарубежными центрами идеологической диверсии) и 10-й отделы. Последний совместно с ПГУ занимался вопросами проникновения, выявления планов зарубежных спецслужб и идеологических центров и парализацией их деятельности.

В июне 1977 г., в преддверии проведения XX Олимпийских игр в Москве, был образован 11-й отдел, призванный осуществлять оперативно-чекистские мероприятия по срыву идеологических акций противника и враждебных элементов. Отдел этот тесно контактировал с 11-м отделом ВГУ, также занимавшимся борьбой с международным терроризмом.

На 12-й отдел 5-го Управления была возложена задача обеспечения безопасности проведения массовых публичных мероприятий в Москве - фестивалей, форумов и т. д.

В феврале 1982 г. был образован 13-й отдел для выявления и пресечения "негативных процессов, имеющих тенденцию к перерастанию в политически вредные проявления", в том числе изучения нездоровых молодежных формирований - мистических, оккультных, профашистских, рокеров, панков, футбольных "фанатов" и подобных.

14-й отдел занимался предотвращением акций идеологической диверсии, направленной в среду журналистов, сотрудников СМП, общественно-политических организаций.

В связи с образованием новых отделов штат управления к 1982 г. увеличился до 424 человек.

Всего же по линии 5-го Управления в СССР служили 2,5 тысячи

сотрудников. В среднем в области в 5-й службе или отделе работали 10 человек. Оптимальным был и агентурный аппарат, в среднем на область приходились 200 агентов.

+ + +

Представление о задачах 5-го Управления дает выступление Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 27 апреля 1973 г.

В нем, в частности, отмечалось, что происходящие в мире изменения, "общее усиление позиций социализма заставили империалистов отказаться от попыток сломить социализм путем "лобовой атаки". Эти перемены, безусловно, отвечают нашим интересам. Вместе с тем нельзя не видеть того, что противник не отказался от своих целей. Теперь, особенно в условиях разрядки, он ищет и будет искать иные средства борьбы против социалистических стран, пытаясь вызвать в них "эрозию", негативные процессы, которые бы размягчали, а в конечном счете - ослабляли социалистическое общество.

В этом плане немалые надежды возлагаются империалистическими силами на подрывную деятельность, которую империалистические заправилы осуществляют через свои спецслужбы. В одной из секретных инструкций американских спецслужб в этой связи прямо говорится: "В конечном счете мы должны не только проповедовать антисоветизм и антикоммунизм, но и заботиться о конструктивных изменениях в странах социализма".

Ю.В. Андроповым были приведены слова сотрудника американской разведки, одного из руководителей "Комитета "Радио свобода": "Мы не в состоянии захватить Кремль, но мы можем воспитать людей, которые могут это сделать, и подготовить условия, при которых это станет возможным". Вообще, говорит он, "...зачем мы изучаем Советский Союз и положение в этой стране?... Одной наукой освободиться от коммунизма невозможно, нужны действия. Значит, за нами должны быть силы, которые в состоянии действовать".

Комитет этот, в который входили сотрудники "идеологических" подразделений спецслужб США, руководил деятельностью радиостанций "Свобода" (вещание на СССР на языках населяющих его народов свыше 24 часов в сутки) и "Свободная Европа" (радиовещание на социалистические страны Европы свыше 20 часов в сутки), финансировался первоначально тайно ЦРУ, а затем официально правительством Соединенных Штатов.

Далее Андропов изложил план ЦРУ в этом направлении: "На первоначальном этапе предусматривается установление контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и создание из них нелегальных групп. На последующем этапе намечается консолидировать такие группы и превратить их в "организацию сопротивления", то есть в действующую оппозицию..."

Приведем еще один важный документ, направленный Ю.В. Андроповым в ЦК КПСС 24 января 1977 г.: "О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан":

"По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики.

В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Председатель Комитета Ю. Андропов".

+ + +

Я думаю, что приведенные выше сведения дают достаточно полное представление о задачах, стоявших перед 5-м Управлением. Я бы хотел добавить еще вот что. Главным нашим методом была профилактика предупреждения правонарушений, предотвращение становления на преступный путь граждан. Да, мы вели агентурную работу, существовала и практика прослушивания, – но все это было не только в системе КГБ, но и в системах всех спецслужб и во всем мире. Иное дело – регламентация этого прослушивания, которая в КГБ была очень четкой. И никакого массового прослушивания в нашей стране не существовало. Во многих областях это даже технически было невозможно. Точно так же не было многих тысяч секретных осведомителей, которые на нас работали. Как было сказано выше, первоначально общая численность сотрудников 5-го Управления составляла 201 человек, а к середине 70-х численность сотрудников увеличилась до 320 человек, у каждого из которых было человек 8-10 агентов, хотя для полноценной работы вполне хватало 3-4.

Именно с помощью профилактики удалось предотвратить расширение

репрессивных мер в условиях все обостряющих обстановку в стране идеологических диверсий Запада. Комитет госбезопасности нередко упрекали в те годы в либерализме, но Юрий Владимирович строго стоял на позиции соблюдения закона, он считал применение мер репрессивного характера исключением.

Между тем все слышнее становились голоса сторонников жестких репрессий, предлагалось выслать из Москвы подстрекателей массовых выступлений и организаторов публичных митингов. По этому поводу состоялось совещание у Андропова с присутствием Генерального прокурора СССР РА Руденко, министра внутренних дел Н.А. Щелокова, начальника УКГБ С.П. Лялина и двух замов Председателя КГБ – Г.К. Цинева и С.К. Цвигуна. Там же был и я. От московских властей выступил Лялин. По поручению первого секретаря столичного горкома партии он поставил вопрос о выселении подстрекателей к демонстрациям из Москвы. Его поддержал Щелоков, он решительно предложил "очистить столицу", создав для этого штаб из представителей КГБ, МВД и прокуратуры.

- Это снова тройки? – осторожно спросил я. Меня поддержал Руденко, но Щелоков настаивал на своем. Тогда я вновь попросил слова и попытался доказать, что предложенное – есть прямое нарушение законодательства.

- Что же ты предлагаешь? – спросил Андропов.

- Если у Лялина есть доказательства, что эти люди совершили преступление, – пусть их судят по закону. Только суд может определить меру ответственности, – ответил я.

Но спор продолжался, никто не сдавал своих позиций, и часа через два Андропов закрыл совещание, предложив еще раз хорошенько все обдумать.

Нагнав меня в коридоре, Щелоков покровительственно, хотя и не без иронии, бросил:

- А ты молодец, вот так и надо отстаивать свою точку зрения.

Цвигун тоже с улыбкой похлопал меня по плечу, как бы в знак одобрения. Я понимал значение их иронии: Гришин готов был любой ценой обеспечить спокойствие и порядок в столице, а ему лучше не становиться поперек дороги.

Зато я получил полное удовлетворение, когда мне позвонил Андропов.

- Правильно поставил вопрос, – сказал он, – выселять никого не будем...

Можно себе представить, какой доклад представили Брежневу его "верные соратники", – "либерал Андропов проявляет нерешительность, не хочет очистить Москву от скверны...".

Еще один эпизод. В 1971 году я выступал на одном из совещаний в ЦК КПСС. Меня прервал начальник Политического управления войск ПВО Грушевой, заявив, что КГБ не пресекает тех, кто критикует политику партии и обвиняет ее в возврате к сталинизму. Я возразил, что если встанем на такой путь, то как раз и докажем, что повернули назад к сталинизму. Едва ли ему понравился мой ответ. Но он промолчал. Рассказываю об этом для того, чтобы показать, как хотелось многим взвалить репрессии на органы госбезопасности!

При этом они при каждом возможном случае старательно сеяли недоверие к чекистам, "разоблачая" злодеяния НКВД в прошлые годы.

Андропов никогда не боялся вызвать огонь на себя, он каждый раз настойчиво искал и находил пути предотвращения конфликтных ситуаций, стремясь уберечь своих людей от рискованных шагов и удержать от применения крайних мер.

Знание обстановки и действий конкретных групп и лиц позволяли нам избегать крупных ошибок. Иллюстрацией этому может служить тот факт, что мы предотвращали массовые беспорядки, которые случались в стране со времен Хрущева ежегодно. Предпосылок к их возникновению было немало и после создания 5-го Управления, но удавалось вовремя их останавливать, или уж, как минимум, не доводить до тяжелых столкновений. Собственно, за 20 лет (1967-1987) массовые недовольства, которые могли вылиться в беспорядки, возникали дважды в городе Рубцовске Алтайского края, в Пярну (Эстония) и в Лениногорске. Не удалось предотвратить их в Каунасе (Литва) и в Орджоникидзе, но удалось не довести до кровопролития.

+ + +

Теперь о непосредственной работе с диссидентами и "правозащитниками". Первая связь их с зарубежной организацией НТС обнаружилась еще до создания 5-го Управления - это дело Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. Группа намеревалась издавать газету "Посев", именуя себя ее московским отделением. Антисоветский характер затеи был очевиден. Процесс был громким - весь мир оказался вовлеченным, а нашим властям хотелось и влияние сохранить, и уйти от того негатива, который серьезно стал сказываться на обстановке в государстве. Ситуация дошла до того, что в отделе информации ЦК КПСС родилась идея обвинить КГБ в фальсификации дела. В первый день судебного процесса Андропов (к этому времени он уже был шесть месяцев на посту Председателя КГБ) позвонил мне с вопросом: "Есть ли среди обвиняемых агенты КГБ?". Отрицательный ответ не успокоил, к вечеру меня вызвал его первый заместитель Цвигун и в присутствии начальника секретариата Крюкова стал буквально настаивать на том, что дело создано руками агентуры. То ли очень хотелось выявить провокацию предшественников (дело возникло при Семичастном), то ли страх одолевал (можно ли возразить против глупости, рожденной в самом ЦК КПСС?). Должен сказать, что Андропов, в отличие от Цвигуна, не побоялся отстаивать истину, не отошел в сторону. Дело Гинзбурга с доказательной стороны не вызвало вопросов у суда.

Этот процесс раскрыл нам многие вещи. КГБ, который противостоял попыткам подрыва устоев государства, никто не поддерживал. Запад своих сторонников в обиду не отдавал - включились в защиту Гинзбурга все самые мощные артиллерии психологических центров холодной войны.

В такой обстановке вполне логичным было появление на политической сцене группы Якира и Красина. Разворачивалась борьба с мнимым возвратом к сталинизму, усердно и активно разыгрывая эту карту, "холодные" центры Запада вовлекали в нее все новых людей, поверивших в искусственно создаваемый ажиотаж. Петр Якир не отличался особыми качествами организатора, могущего организовать какое-либо движение, но авторы сценария новой идеологической диверсии сделали безошибочный выбор - Петр, сам того не осознавая, замечательно справился с ролью, на которую его назначили. Вокруг Якира возникала группа, которая размахивала им самим, как знаменем. Зарождалась не оппозиция, а четко и жестко организованное полуподполье. НТС поддерживал эту организацию и морально, и материально. Конечно, это уже была угроза строю государства, мы не могли этого допустить. В ответ же в

нас летели обвинения: "душители свобод". Но свой строй защищает каждая уважающая себя страна.

...Уже после того, как распался Советский Союз, в Москву из Парижа приехал писатель Владимир Максимов. В печати и на телевидении он выступал с обвинением тех, кто допустил развал страны. В ходе беседы Максимов бросил мне фразу: "За анекдоты-то вы сажали, а настоящих врагов...". Отвечая, я указал на взлет карьер нескольких человек, начиная с Гамсахурдиа и Эльчибея (к тому времени они заняли посты президентов Грузии и Азербайджана), и сказал: "Но это же - все члены редколлегии журнала "Континент", главным редактором которого по поручению американских спецслужб стали вы, когда уезжали из Советского Союза для чтения лекций в Германию. Журнал вел активную антисоветскую пропаганду, сыграл свою роль в развале СССР. О каких же анекдотах идет речь?".

Поскольку про анекдоты, стихи, за которые якобы 5-е Управление могло упечь кого-то за решетку, говорили много, придется мне еще раз ответственно заверить: не было такого в нашей практике. Репрессивные меры если и применялись, то только лишь в случаях серьезных противоправных действий. Но и в этих случаях несовершенное законодательство связывало нас по рукам и ногам. Особенно формулировки статьи 58-10 и 70-й УК РСФСР, в которых упоминалась лишь одна форма подрыва власти - антисоветская агитация и пропаганда. Под нее подпадало и создание подпольных антигосударственных группировок в целях подрыва конституционного строя, и изготовление и распространение антисоветских листовок и иных печатных материалов, и организация нелегальных типографий - одним словом, самые разнообразные правонарушения. Уже в перестроечное время на обсуждение Съезда народных депутатов была вынесена новая редакция статьи 7 УК РСФСР, где была сделана попытка конкретизировать состав преступления. Но съезд только ограничил действие этой статьи новой редакцией: "Подлежат наказанию лишь те лица, которые публично призывают к свержению конституционного строя" - лишив тем самым конституционный строй юридической защиты.

Очень симптоматично, что возникшие после СССР новые государства, принимая поправки к своему законодательству, ввели в уголовные кодексы статьи, близкие по редакции к той, которую отверг общесоюзный съезд. И любопытно, что инициаторами таких поправок выступили бывшие народные депутаты СССР от союзных республик, которые раньше дружно возражали против указанного проекта на всесоюзном съезде. Очевидно, своя рубашка оказалась ближе к телу...

Хотелось бы затронуть еще одну тему, которую очень любят муссировать очернители советской истории, и в частности органов советской госбезопасности. Нам приписывают так называемую "карательную психиатрию", говорят, что "психушки" играли роль тюрем. Но как такое могло бы быть возможным, если даже юридически КГБ не имел никакого права направлять туда граждан? Решение о принудительном лечении мог принять только суд. Да, Андропов вносил предложения о строительстве новых психиатрических лечебниц, но не потому, что их не хватало и он якобы намеревался заменить ими тюрьмы. Система медицинского обслуживания населения, созданная в советское время, включала наряду со стационарными больницами, поликлиническим обслуживанием еще и сеть диспансеров: туберкулезных, венерических, психиатрических. Это позволяло не прибегать к массовой госпитализации больных, которых можно было обслуживать и лечить диспансерным наблюдением. Этот опыт был перенят у нас США. Сами психиатрические больницы имели несколько типов - общие и специальные. Последние предназначались для больных, представляющих опасность для общества. Повторюсь: направлялись они туда по заключениям психиатров и приговору судей. КГБ к тому не имел никакого отношения.

Психиатрические больницы специального типа находились в ведении МВД СССР (всего их было в стране 90), так как необходимо было обеспечивать охрану, а медицинское обслуживание осуществлялось Минздравом. Желание передать больницы в полное ведение Минздрава, на чем, кстати, настаивал министр внутренних дел Н. Щелоков, поддерживаемый КГБ, так и не осуществилось. Минздрав не хотел и не имел возможностей брать на себя заботы по охране. Столкнувшись в силу необходимости с больницами специального типа, в КГБ поразились их состоянием. Строения начала века, ветхие, затхлые, без элементарных удобств помещения, скученность больных, предоставленных самим себе. Не лучшим оказалось положение и в психиатрических больницах общего типа. Выяснилось, что за годы советской власти в стране не было построено ни одной психиатрической больницы. Можно ли было оставаться равнодушными? Андропов настоял на совместной с Минздравом записке в правительство о строительстве новых психиатрических больниц. Не для содержания инакомыслящих, а для создания нормальных условий больным, уже находившимся на лечении. Предполагалось построить около 12 современно оборудованных больниц. Удалось только две: в Ташкенте и в Алма-Ате. Такова истина.

+ + +

Вернусь к событиям 70-х годов. Тогда особенно сильно стала заметна инертность ЦК партии в области идеологической работы, формализм в проводимых мероприятиях, пассивность. Андропова сильно беспокоило то, что призывы к борьбе с идеологическими диверсиями, исходившие от ЦК КПСС, не подкреплялись практической работой. Как-то он вдруг сказал мне: "Ты и твои подчиненные очень много выступаете в различных аудиториях, но ведь есть ЦК, его лекторы! Прежде всего - это они должны вести пропаганду и раскрывать суть идеологического противостояния. Твое же дело - оперативная работа в этой области, предотвращение диверсий... Если надо - сходи к лекторам ЦК, поделись информацией...".

Сходил, поделился и продолжал выступать, как и сотрудники моего коллектива. Андропов, по сути, был за это, его вспышка была связана с тем, что предложения, идущие из КГБ, связанные с фронтом холодной войны, по существу, не воспринимались, не имели должного реагирования. Так было, к примеру, когда к середине 70-х годов в Эстонии стал заметен рост националистических настроений. Соответствующей реакции на это партийных органов Эстонии не было. Они всячески пытались скрыть этот негативный процесс, выдававший промахи в политико-воспитательной работе республики. КГБ СССР сделал серьезнейший и обстоятельный анализ причин происходящего, доложил об этом запиской в ЦК КПСС с соответствующими предложениями, которые предполагалось обсудить на заседании Политбюро ЦК КПСС с участием эстонских руководителей.

Записка долго бродила среди чиновников аппарата ЦК, наконец было принято решение: направить ее в Таллин и обсудить на бюро ЦК компартии Эстонии... Странно, но понятно: не хотели обнажать то, что связано с национализмом, приятнее "лакировать действительность" и говорить о нерушимой дружбе народов в СССР. Кончилось дело тем, что председателю КГБ Эстонии генерал-майору Августу Порку предложили уйти в отставку. Рост национализма от этого решения не убавился, а к чему это привело, сегодня известно не только старым чекистам.

Проблемы национальных отношений возникали и в ряде других республик. Требовалось решение проблем поволжских немцев, крымских татар, турок-мехсетинцев. Уже тогда чувствовалось напряжение в Закавказье, связанное с Нагорным Карабахом. В предыдущих своих книгах я подробно рассказывал о том, как сотрудники КГБ старались деликатно и тонко решать

эти проблемы. А в 1970 году по инициативе КГБ СССР было принято решение о разрешении выезда в порядке воссоединения семей, разрозненных в годы Великой Отечественной войны. Сначала немцам, проживающим в СССР, - в Германию, а затем евреям - в Израиль. К концу 1974 года выезд практически был завершён, уехали все, кто к этому стремился. Эмиграция резко упала.

И вот тогда сионисты Израиля, для того чтобы обострить межнациональные отношения в СССР и возбудить антисемитизм, организовали массовую засылку вызовов советским евреям. Вызовы шли от несуществующих в Израиле родственников. Эмиграция евреев резко возросла, но причина была не всегда в том, что люди хотели покинуть СССР, а из-за боязни роста напряжения и недоверия к гражданам еврейской национальности. Никто не знал, как получивший провокационную визу будет на нее реагировать, а потому где-то руководители учреждений стали ограничивать прием на работу по национальному признаку. Замысел сионистов удался, шло накопление антисемитских настроений. Таких акций было несколько, еще один пример: в 1975 году был организован захват самолета в Ленинграде. Он должен был вывезти из страны группу евреев, которым якобы был запрещен выезд. Операция по пресечению этой акции проходила под пристальным вниманием Андропова и была успешно завершена.

А в 1979 году был опубликован роман американского писателя Джеймса Паттерсона "Заповедь Иерихона". Фабула романа: группа евреев-сионистов (Рабинович, Бен-Ибан и другие), уцелевших в нацистских лагерях, замышляют грандиозную "акцию возмездия" за гибель шести миллионов евреев от рук немецких фашистов и репрессий против евреев в СССР в послевоенные годы. Эту акцию под кодовым названием "Дахау-2" решено провести во время Олимпийских игр 1980 года в Москве.

Анализ содержания этого романа позволил сделать вывод о том, что основные цели этой книги были, прежде всего, в том, чтобы создать впечатление о сравнительной легкости организации террористической акции в Москве в ходе всемирной Олимпиады, которая впервые проводилась в социалистическом государстве. Во-вторых, детальное раскрытие способов и методов операции "Дахау-2" имело цель инспирировать враждебные проявления зарубежных и внутренних антисоветчиков во время Олимпиады и в определенной мере вооружать их знанием тактики диверсионно-террористических действий.

Это доказывает, что в задачу сионистских центров, как и в задачи других спецслужб многих стран Запада, входило свержение советского социалистического строя.

+ + +

В связи с затронутой темой о терроризме следует отдельно рассказать о деятельности 5-го Управления КГБ по предотвращению террористических актов.

Начну с небольшого экскурса в историю. После Октября вновь созданные спецслужбы постоянно имели своей задачей борьбу с террором. Но подчеркнем - с индивидуальным террором. Предотвращению и раскрытию такого рода акций была подчинена вся агентурно-оперативная, розыскная и следственная деятельность. Причем важно их сочетание. Ибо, если следствие отрывается от агентурно-оперативной базы и основывается на подозрениях, доносах, показаниях свидетелей и личных признаниях обвиняемых без документальных и вещественных доказательств, беззаконие неизбежно.

Такой подход (речь идет об указанном сочетании) лежал в основе организации оперативной работы на направлении борьбы с террором в

послевоенные годы в системе структуры органов госбезопасности после образования в 1946 году Министерства государственной безопасности СССР.

Тогда был создан для решения этих задач специальный отдел "Т". Все оперативные подразделения обязаны были передавать в этот отдел всю информацию, касающуюся возможных террористических намерений, действий и даже размышлений. Он (отдел) определял судьбу этих материалов: поручал расследование получившим эти данные или брал его на себя.

После войны наступила иная форма террора. Он быстро потерял окраску индивидуального и поэтому вышел из сферы функций отдела "Т". Террор приобрел характер боевых операций вооруженного националистического подполья в Прибалтике и в западных областях Украины. Он потерял направленность против отдельных лиц. Террор стал угрожать определенным кругам и категориям населения. Тогда впервые жертвами террора становились ни в чем не повинные женщины, старики и дети. Борьбой с террором на этом направлении занимались подразделения, задачей которых была борьба с националистическим подпольем. Само подполье и проводимые им акции террора в известной мере напоминают происходящее сегодня на Северном Кавказе, да и не только. Напоминает и то, что деятельность террористов поощрялась, поддерживалась и подпитывалась специальными службами иностранных государств. Тогда этим активно занимались спецслужбы США и Великобритании.

В системе МГБ СССР противостоял этому отдел - 2-Н 2-го Главного управления (контрразведка).

В марте 1953 года МГБ прекратило существование, и службы безопасности влились в МВД СССР, которое возглавил Л.П. Берия. В его составе было возрождено в лице 4-го Управления довоенное Секретно-политическое управление. Отдел 2-Н стал его составной частью, сохранив функции. Он выполнял их и в Комитете госбезопасности, став 2-м отделом 4-го Управления. Так было вплоть до 1954 года, когда в последний раз в ходе оперативной игры к берегам Литвы пристал быстроходный катер, направленный английской разведкой с грузом для отрядов так называемых "лесных братьев". Оружие, деньги, снаряжение оказались в руках оперативных работников органов госбезопасности, как и ранее заброшенные для связи с подпольем эмиссары английской разведки. Оружие же предназначалось прежде всего для акций террора, так как к тому времени они являлись основным методом борьбы малочисленных бандитских групп с утвердившимся в Прибалтийских советских республиках, и в частности в Литве, советским строем.

1955 год можно считать годом завершения борьбы с националистическим подпольем и прекращения акций террора, им совершаемых. Как в Прибалтике, так и в западных областях Украины.

Что касается отдела "Т", то он с созданием КГБ при СМ СССР свое существование прекратил. Задачи борьбы с террором были возложены на все оперативные подразделения без координирующего центра. Обобщением материалов занималась без должных прав небольшая группа сотрудников бывшего отдела "Т", оказавшаяся в 4-м Управлении КГБ при СМ СССР. Такой подход явно ослабил внимание к этой линии оперативной работы.

+ + +

1 мая 1955 года террор напомнил о себе. В этот день в городе Архангельске злоумышленник, несмотря на охрану, сумел пройти на главную трибуну, где находились руководители области, и в упор расстрелять присутствовавших. Под пули попало, как помнится, шесть человек. Стрелявший

носил "роковую" фамилию Романов.

Событие это вызвало грозную реакцию со стороны руководства КГБ. Были изданы соответствующие приказы, призывавшие к бдительности, к большему вниманию к сигналам о террористических намерениях, к контролю за сохранностью оружия. Организационно задачи борьбы с террором по-прежнему возлагались на все оперативные подразделения органов госбезопасности. Координирующего центра не создавалось.

В начале 60-х годов, когда в КГБ произошли коренные структурные изменения, это оперативное направление вовсе ушло на дальний план. Оперативная работа целиком переводилась в сферу каналов борьбы с проникновением в страну иностранных разведок. От контроля за средой, которую эти разведки намеревались использовать в целях подрыва конституционного строя страны, органы госбезопасности, по существу, отстранялись.

Так продолжалось до начала 70-х годов, до прихода на пост Председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова. Как уже говорилось, одним из первых решений его явилось создание 5-го Управления с задачей прежде всего знания обстановки в среде устремления западных центров.

...В декабре 1968 года в СССР произошел очередной террористический акт, когда Ильин расстрелял правительственный кортеж у Боровицких ворот. Событие заставило пересмотреть организацию работы по предотвращению подобных акций.

Как результат раздумий Ю.В. Андропова на эту тему стало создание в 5-м Управлении специального отдела, функцией которого явилась борьба с террором, предотвращение диверсионно-террористических акций. Выше уже говорилось о том, что 7-й отдел 5-го Управления сосредоточил у себя всю базу данных, поступающих по всем каналам в КГБ, касающихся террористических настроений и намерений. Такую информацию ему были обязаны направлять все органы госбезопасности. Отдел контролировал ход их проверки. Наиболее заслуживающие внимания сигналы передавались для проверки непосредственно в отдел. Ему же поручалось по решению руководства КГБ ведение конкретных разработок. Особо выделялся розыск авторов анонимных документов с террористическими угрозами.

И это оказалось нелишним. Опыт показал, что исполнители подобного рода акций извещали о замыслах рассылкой анонимных документов. Между прочим, как показало расследование, с анонимки начал подготовку к теракту тот же Ильин. К сожалению, розыску автора не было придано нужного внимания.

7-му отделу был поручен контроль за розыском похищенного оружия и взрывных веществ, сбор и анализ взрывных устройств, данных о возможном использовании их в преступных целях.

Надо сказать, что в 70-е годы замыслы террористов чаще стали приобретать характер террористически-диверсионный. Исполнители, уходя от акций индивидуального террора, практически оставили в стороне огнестрельное оружие, а перешли к использованию взрывных устройств. Так менялся подход к террору. Преступники, его совершавшие, рассчитывали вызвать недовольство властью, панику среди населения, не считаясь с тем, что подобные действия ведут к гибели безвинных людей, к жертвам, не сопоставимым с индивидуальным террором.

За двадцать лет своего существования 5-му Управлению удалось предотвратить многие намерения к совершению преступлений с использованием

взрывных устройств. Однако в пяти случаях этого сделать не удалось.

Самый серьезный террористический акт с применением взрывных устройств был осуществлен в Москве группой армянских националистов. В январе 1977 года они привели в действие три взрывных устройства: одно сработало в вагоне метро, на Арбатско-Покровской линии, между станциями "Щелковская" и "Первомайская", а два других на улице 25-го Октября (Никольской) в Москве. Погибли люди. Готовили еще один взрыв - на Курском вокзале - но он был предотвращен. И январская акция могла бы быть предотвращена, не будь несогласованности в работе между оперативными подразделениями КГБ Армянской ССР, осуществлявшими разработку злоумышленников.

Три других акции осуществил в Грузии разысканный и осужденный впоследствии Жвания. Первый раз он заложил взрывное устройство у здания обкома партии в Сухуми. Погиб заинтересовавшийся пакетом с заложенным взрывным устройством гражданин, отдыхавший в Абхазии. Второй мощный заряд был взорван Жванией в 1972 году на проспекте Руставели, у здания правительства в Тбилиси, и третий на площади в Кутаиси. Все взрывы преследовали одну цель: вызвать панику среди населения, посеять недоверие к власти. И опять же: при тщательном розыске автора анонимного документа с террористическими угрозами Жвания своих преступлений не совершил бы.

Так же, как и некий Вартанян в Баку, предупреждавший в анонимке о намерении взорвать городской автобус. Не будучи разыскан как автор, Вартанян совершил задуманное.

В числе предотвращенных акций - своевременное обнаружение, благодаря ранее принятым мерам безопасности, на одной из станций московского метрополитена в январе 1989 года мощного взрывного устройства. Взрыв его повлек бы гибель людей. Это оказалось делом рук экстремистов из Тбилиси, обнаруживших себя впоследствии среди активных участников событий, приведших к гибели людей в Тбилиси в апреле 1989 года.

+ + +

Надо сказать, что злоумышленники стали прибегать к таким методам не без восприятия того, что происходило и за пределами страны. Взрывы на улицах и площадях городов, в транспортных средствах, закладки взрывчатки в жилые дома постоянно осуществлялись "борцами за свои права", в частности на Ближнем Востоке. Они гремели и осуществлялись в Палестине, Сирии, Египте, Ливии, в Марокко и Алжире. К ним прибегали курдские сепаратисты. Случалось такое и в других регионах мира.

Однако к нам такая практика переносилась, прежде всего, из Израиля. Действия израильских террористов до создания государства, а затем и палестинцев против израильтян широко освещались советской печатью и порождали естественный интерес у тех, кто вынашивал, преследуя свои цели, выступления против власти, стал на путь ее подрыва.

Немалую роль в этом играли и действия специальных служб, органов психологической войны военных блоков, идеологические центры, работавшие по инструкциям разведок иностранных государств.

"Террористические операции для воздействия на общественное мнение являются для ЦРУ обычным делом", - так писал А. фон Бюлов - бывший министр правительства ФРГ, курировавший в бундестаге деятельность германской разведки, в книге "ЦРУ и 11 сентября".

Международный террор и роль секретных служб", вышедшей в 2003 году.

Не оставались без внимания спецслужб и те, кто вообще становился на путь разрушения Советского государства. То, что они найдут поддержку, вытекало из программ центров, определявших характер действий против СССР. Это и вело к появлению взрывников из числа армянских и других националистов, к стрельбе Ильина.

Такого рода воздействие и подстрекательство к беспорядкам реально почувствовалось, в частности, во время проведения в Москве Олимпийских игр и фестиваля молодежи в 1985 году.

О книге Д. Паттерсона, содержащей подробные инструкции террористам, я уже рассказывал. А весной 1980 года Москву посетили английские туристы, один из которых представился членом английского парламента Аткинсоном. Они обсуждали с "московскими друзьями" осуществление провокаций в день открытия Олимпиады, способных вызвать беспорядки на стадионе. А "друзья" были те их сообщники, которые ныне гордо именуют себя активными "диссидентами" в прошлом.

В 1985 году в Москве проходил фестиваль молодежи и студентов. Задолго до открытия в Пакистане были специально подобраны афганские боевики, которые прошли серьезную подготовку под руководством специалистов ЦРУ и за год до фестиваля были заброшены в страну. Они осели в Москве, тем более что деньгами их обеспечили, и стали ожидать получения взрывчатки, пластиковых бомб и оружия, готовясь к осуществлению взрывов в местах массового скопления людей (Лужники, Манежная площадь и другие места). Акции были сорваны благодаря принятым оперативным мерам.

Пишу об этом подробно потому, что террористические и диверсионные акты, в подготовке которых участвовали западные спецслужбы, осуществлялись не только на территории Советского Союза. Ими поощрялся международный терроризм, воплощавший в себе различные цели как готовивших их центров, так и исполнителей. Одни выступали как борцы за независимость, за национальное освобождение, другие - за смену конституционного строя. Естественно, поддержка их западными, и в частности американскими, спецслужбами определялась их заинтересованностью развитием событий в конкретной стране или в определенном регионе мира.

+ + +

Поскольку "международный терроризм" стал ощутимой реальностью в 70-е годы, в структуре КГБ произошли соответствующие изменения. В системе контрразведки (в данном случае во 2-м Главном управлении) был создан самостоятельный отдел по борьбе с международным терроризмом. В отличие от отдела 5-го Управления, его работа строилась на контроле каналов въезда в страну иностранных граждан и предотвращении возможного использования террористами прикрытий постоянных представительств иностранных государств. Особое место занимало наблюдение за работниками резидентур спецслужб, осуществлявшими свою деятельность "под крышей" учреждений своих государств.

Произошли изменения и в функциях 7-го отдела 5-го Управления. В связи с тем, что экстремисты все чаще стали брать на вооружение взрывчатые вещества и изготавливать специальные взрывные устройства, в отделе было сформировано специальное направление. На него возложили контроль за сохранностью и за розыском похищенных взрывных материалов. Оно обобщало также данные о применении взрывных устройств, изучая совместно со специалистами Оперативно-технического управления способы их изготовления и

применения. Все это позволяло улучшить оперативную работу, связанную с предотвращением действий преступников с использованием таких средств.

К тому времени совместно с МВД СССР был налажен, и довольно строгий, контроль за состоянием сохранности огнестрельного оружия. Возросли требования к проведению мер по розыску пропавшего или похищенного оружия, чаще всего пистолетов. Такие случаи рассматривались как чрезвычайные происшествия.

Тогда же стала проявляться и другая форма экстремистских акций: участились случаи захвата заложников и транспортных средств. Особую опасность вызывали захваты самолетов. Такие акции не обходились также без поощрения специальных служб иностранных государств.

В целях повышения эффективности пресечения преступлений такого характера в 5-м Управлении в 1974 году после долгих изучений была создана группа "А". Но ввиду того что для подготовки и тренировок ее личного состава не имело смысла создавать новую базу, группу "А" передали в 7-е Управление, где имелись соответствующие для этого условия. Так родилась ставшая легендарной "Альфа".

По существу, этим завершилось создание системы по предотвращению и пресечению диверсионно-террористических и иных экстремистских акций. Естественно, что выявление их не снималось со всех оперативных подразделений органов госбезопасности, осуществлявших агентурную работу. Особенно серьезные требования предъявлялись к подразделениям, решавшим задачи изучения той среды, которую зарубежные центры определили объектами своих устремлений в целях подрыва советского государственного строя.

Вновь созданные названные выше отделы координировали эту работу, осуществляли контроль за ходом проверки поступающих сигналов и по другим вопросам, входившим в сферу борьбы с террором. Вели разработку наиболее серьезных дел.

Основу оперативной деятельности на этом направлении, как и в целом органов госбезопасности, составляла агентурная работа, ее качество и уровень. Только с помощью серьезной агентуры можно было своевременно выявлять намерения, замыслы и угрозы террористов, предотвращать их исполнение. Агенты играли главную роль и в расследовании совершенных преступлений, предотвращение которых оказывалось невозможным. Естественно, что для этого было крайне важно иметь источники, глубоко внедренные в ту среду, которая представляла наибольшую опасность.

И в заключение нельзя не назвать тех, кто возглавлял отдел по борьбе с террором. Его начальниками были: полковник (генерал-майор) Чириков Лев Николаевич, в последующем председатель КГБ Башкирской АССР, затем заместитель начальника 5-го Управления КГБ СССР, в период Олимпийских игр в Москве руководил службой безопасности в Олимпийской деревне; полковник (генерал-майор) Звезденков Валентин Владимирович, выдвинутый затем на пост первого заместителя председателя КГБ Литовской ССР; полковник (генерал-лейтенант) Головин Владимир Александрович, после руководил КГБ Узбекской ССР; полковник Зязин Евгений Дмитриевич, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы, почетный сотрудник госбезопасности.

+ + +

Многое было сделано при Ю.В. Андропове для борьбы с врагами советского строя. Неоценима роль Андропова на посту Председателя КГБ. Он

поднял уровень работы на решающих направлениях оперативной деятельности - разведки и контрразведки. Они стали действенной силой укрепления безопасности страны, вносили важный вклад в ее обороноспособность и экономическое развитие. И не вина Андропова в том, что этот взнос в общегосударственный фонд остался нереализованным. Государство из года в год теряло динамизм, продолжая по инерции жить достижениями прошлого.

В КГБ особое место занимала техническая база. Созданные по инициативе Андропова научные институты мало чем отличались от передовых исследовательских институтов страны. Их достижения в вычислительной технике, электронике, связи, криптографии получили высокую оценку, внедрялись в практику, служили делу.

Первым из государственных деятелей Андропов стал опираться на социологические исследования, которые довольно часто ложились в основу его предложений, давали возможность делать выводы для направления оперативной работы, для политической линии партии.

Мне помнится первое социологическое исследование после прихода Андропова в КГБ - о причинах массовых беспорядков в стране, я уже говорил, что при Хрущеве они происходили практически ежегодно в разных регионах страны. Реакция на них была, но только во время самих происшествий. Причинами же никто глубоко не занимался. Упомянутый анализ дал возможность увидеть причины, а значит, и определять меры, которыми можно было такие события предотвращать. Потому при Андропове такие события и стали единичными.

Не могу не подчеркнуть одно из самых важных личных качеств Юрия Владимировича - скромность. Скромность в жизни, в быту, в общении. Он жил не для себя, вся его яркая жизнь - служение партии, государству, народу.

И последнее - информация к размышлению, без комментариев. За десять лет хрущевской "оттепели", которую, прежде всего, характеризовало отсутствие в стране политзаключенных, было осуждено по статье 58-10 УК РСФСР свыше 10 тысяч человек

За двадцать лет андроповских "репрессий" и "жестокости" 5-го Управления по той же политической статье было осуждено около 800 человек.

ГЛАВА 4. ТРИУМФ "ЛИОТЕ". ГОРБАЧЕВ И "ПЕРЕСТРОЙЩИКИ"

Я начну эту главу моей книги с небольшого отступления. В 1974 году в Гаване шла международная встреча делегаций органов госбезопасности социалистических государств. Все были довольны инициативой кубинцев, такого рода мероприятие проводилось впервые. Обычно оперативные дела обсуждались на двусторонних встречах, а здесь предстоял предметный разговор широкого круга профессионалов о том, как странам социализма объединить свои усилия в защите от подрывной работы центров холодной войны, организовать обмен опытом и мнениями.

Заседания проходили в прекрасном зале Дворца революции. Настроение у всех участников было приподнятым, влияла торжественность и атмосфера близкого товарищества. Приятно было слушать руководителя кубинской делегации Амира Абрантеса, чувствовать уверенность в идеях социализма и непоколебимость в борьбе с противником, прежде всего со спецслужбами ближайшего соседа - США. Было очень интересно и важно прослушать выступления других делегаций, представляющих органы безопасности Польши, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Монголии и республик СССР.

Но сказать, что было просто интересно слушать высокообразованного, ясно мыслящего, мудрого политика, убежденного коммуниста, начальника контрразведки Чехословакии Мольнара, - значит ничего не сказать. Его выступление потрясло нас - это было очень серьезно. Он сказал следующее:

"Все выступавшие рассказали много интересного о положении дел на линии борьбы с идеологической диверсией противника. Опасность ее для всех понятна: противник ищет силы внутри наших государств и находит тех, кто идет на сотрудничество с ним, подрывает власть, борется с социалистическим строем. Все правильно...

Но хочу предупредить вас, настоящая опасность наступит тогда, когда на сотрудничество с противником пойдут представители властных структур, лица, стоящие у власти. Мотивы их сближения с противником могут быть разными. Это может быть стремление найти гарантии укрепления личной власти, слабая убежденность в социалистическом мировоззрении, научная неподготовленность...

Говорю это на опыте моей Чехословакии. Мы пережили то, что творили руководители государства во времена Дубчека, то, что делал он сам. И органы государственной безопасности не могли препятствовать тому, что вело к гибели строя. Мы не могли выступить против власти, потому что народ верил власти, а не тем, кто выступает против нее. Тем более что они прикрывались клятвами в верности идеям Маркса и Ленина, утверждали на словах социализм, борясь с изъятиями прошлого. Стать "переворотчиками" мы не могли.

Хочу предупредить и призвать вас подумать, как поступать в таких случаях. Одно дело подпольная борьба отдельных лиц или групповых формирований, которые вступили в сотрудничество с противником. И совсем другое, когда происходит изменение позиций руководителей партии и государства в сторону от социалистического пути развития. Ревизионизм охватывает высшие эшелоны власти..."

Можно представить, какое сильное впечатление произвело на всех это выступление. Многие были растеряны: как отреагируют на такое власти в социалистических странах? Особенно затревожились польские коллеги - в их стране уже прорисовывались тенденции, о которых говорил Мольнар. Но все-таки, применительно к СССР мне это казалось чудовищной фантастикой - в первой и главной стране социализма такого быть не может...

Потом, спустя много лет, выступление Мольнара в Гаване, его предупреждение не только вспоминалось - осуществлялось на глазах, в СССР шла горбачевская "перестройка". Государство убивали, находясь в здравом уме и твердой памяти, первые лица страны и их ближайшие соратники - аналогов такому событию в человеческой истории нет. Не могу утверждать, были ли они агентами, но то, что их действия, в конечном счете, совпали с планами западных спецслужб и политиков, - очевидно.

+ + +

Надо признаться, что, когда пост Генерального секретаря ЦК КПСС занял в 1985 году Михаил Сергеевич Горбачев, у меня эта информация вызвала вздох облегчения. Мы не были знакомы, но это был человек, чья самопрезентация прочно связывалась с делом Ленина, верностью партии. Все тогда устали от череды похорон первых лиц страны, которые, если говорить в понятии историческом, умирали подряд: Брежнев, Андропов, Черненко.

Горбачев производил впечатление здорового и цветущего человека, с живым умом и хорошим чувством юмора. Единственное, что напрягло через какое-то короткое время, - это то, что он снял из всех своих документов и выступлений имя Андропова. Произнес его только раз, на похоронах. Потом прибавились новые вопросы: люди, которыми он себя окружал и от которых избавлялся, кадровая чехарда.

Перестройка, замысел которой стал очевиден лет через пять, явилась великим обманом. Печально, но надо признать, что в обмане участвовали и люди, беспредельно верившие, по традиции, воспитанной партией, своим вождям и лидерам. Опомнились потом, но поздно. К числу их отношу и себя. Как и другим, мне приходилось утверждать полезность и необходимость перестройки, голосовать за неизвестные мне реформы. Потому что все сознавали: страна действительно нуждается, как тогда говорили, в "свежем ветре перемен". Ветер, особенно поначалу, радовал нас, но доставлял многие печали тем, кто на протяжении долгих лет строил свой бизнес на слабых сторонах жизни СССР, устраивая из них мировые сенсации и раскачивая таким образом систему социализма, наш конституционный государственный строй. У платных борцов "за права человека" уходила почва из-под ног, наступал финал диссидентства.

Для того чтобы прочувствовать всю суть сказанного, есть, наверное, смысл познакомиться с одним из самых последних их документов, которые касались темы СССР. Его подписали эмигранты от имени "Интернационала сопротивления". Публикацию его организовывал я - позвонил главному редактору самой популярной в то время газеты "Московские новости" Егору Яковлеву и предложил напечатать, так как считал, что у нас должны знать точку зрения оппонентов. Яковлев поначалу стал возражать, а потом, подумав, опубликовал вместе со своим комментарием.

Итак, газета "Московские новости" № 13 от 29 марта 1987 года. Обратите внимание - в стране пока еще ни у кого не возникает мысли о крушении самой системы государства, это - только второй год перестройки, большие надежды на позитивные перемены в СССР, но не на перемену строя, о последнем никто не помышляет. Вот публикация "МН":

"Так называемый "Интернационал сопротивления" появился несколько лет назад. Его образовали представители различных эмигрантских кругов из ряда социалистических стран совместно с "контрас" из Анголы, Кампучии, Афганистана и Никарагуа.

В этой компании оказались также несколько лиц, в разное время и по разным мотивам выехавших из СССР. Причем если одни из них давно подвизались на антисоветском бизнесе, то другие не слишком демонстрировали свою враждебность к нашей стране и советской власти. Так или иначе, десятерых объединило письмо, которое реакция на Западе с наслаждением цитирует и обыгрывает. Письмо подписали В. Аксенов, В. Буковский, А. и О. Зиновьевы, Э. Кузнецов, Ю. Любимов, В. Максимов, Э. Неизвестный, Ю. Орлов, Л. Плющ.

Перепечатывая это письмо, как оно опубликовано во французской "Фигаро", редакция полагает, что в общем-то оно не требует особого комментария, ибо говорит само за себя. И все-таки, поскольку это письмо, оно ждет ответа.

"Пусть Горбачев предоставит нам доказательства.

Лавина новостей из Москвы в последнее время вызывает удивление и даже смущение у многих честных людей как на Востоке, так и на Западе:

неужели наступил такой поворотный момент в нашей истории, о котором можно было только мечтать, когда будет положен конец репрессиям, нищете, международному разбою? Или же речь снова идет о временной оттепели, о тактическом отходе накануне следующего наступления, как определял это Ленин в 1921 году?

Действительно, к нашей вящей радости некоторые выдающиеся защитники прав человека были освобождены из тюрем, лагерей, вернулись из ссылки. Тем не менее, хотя мы и выражаем наше удовлетворение в связи с этими фактами, мы не можем не отметить, что избирательный характер помилований рассчитан так, чтобы ценой минимальных уступок произвести максимальный эффект. Если советские руководители по-настоящему, как они утверждают, изменили свое отношение к проблеме прав человека, если они решили отказаться от подавления как формы контроля за свободомыслием в Советском Союзе, почему же тогда они просто-напросто не амнистировали всех узников совести, а продлевают удовольствие на целый год, освобождая по каплям наиболее известных из них. Почему до сих пор мы ничего не слышали о безоговорочном осуждении психиатрических репрессий, самых чудовищных из всех принудительных методов, применяемых в СССР? Почему нет улучшения в вопросе эмиграции, которую допускал даже покойный "реакционер" Брежнев?..

Более или менее похожие изменения и оттепели можно было наблюдать также в других областях советской жизни. Они дают немало поводов для недоверия. Так, признание советскими руководителями необходимости радикальных экономических реформ является бесспорным улучшением. Мы, несомненно, ободряем стремление советских руководителей вывести войска из Афганистана, где наши молодые соотечественники вынуждены участвовать в уничтожении мирного населения. Однако предлагаемый советским правительством способ "урегулирования" проблемы только усиливает сомнения в искренности его намерений. Ведь если они действительно хотят прекращения войны, почему бы не вывести сразу все войска, не ставя предварительных условий и не растягивая сроки? Если хотят, чтобы "урегулирование афганской проблемы" было достигнуто политическим путем, почему противятся проведению под строгим международным контролем свободных и честных выборов? Выборы такого рода успешно прошли в Зимбабве и сравнительно недавно в схожих условиях в Сальвадоре.

Наибольшее замешательство и тревогу вызывает, наверное, новая советская политика "гласности", открытости и "культурной оттепели". Гласность, по существу, предполагает определенную публичную дискуссию, в которой каждый может участвовать и не бояться преследований, независимо от выражаемых взглядов. Гласность должна включать, как право получать информацию, так и право неразрывно распространять информацию, поскольку и то и другое связано в едином процессе контроля общества за властью. Развитию гласности, как мы ее понимаем, скорее способствовал свободный доступ к копировальной технике, нежели официальная кампания критики советской действительности. Если советские лидеры хотят пользоваться определенным доверием в глазах общественности, им необходимо решиться на признание хотя бы нескольких независимых издательств, не подлежащих партийному контролю. В этой связи публикация данного письма в советской печати стала бы убедительным доказательством искренности заявлений о гласности.

Мы рады констатировать, что такие выдающиеся писатели, как Гумилев и Набоков, "посмертно реабилитированы" и что их книги станут наконец официально доступными для читателей нашей страны. Другие менее удачливые покойные писатели все еще ждут своей очереди, которая, видимо, наступит по случаю очередной "культурной оттепели". Как бы то ни было, долгожданная привилегия предоставлена исключительно мертвым, которые не

могут ни сказать, ни сделать чего-либо неожиданного. Наверное, этим объясняется особый интерес советских властей к покойным знаменитостям, останки которых они стараются "вернуть на родину", вопреки желанию, высказанному при жизни (Шалапин, Тарковский).

Нам стало известно, что советские представители вступали в контакт с некоторыми видными деятелями культуры, живущими в эмиграции, предлагая им вернуться "домой", словно бы речь шла о блудных детях, обещая, что "прошлое будет забыто". Очевидно, что советские власти до сих пор не в состоянии понять, что эмиграция – результат не какого-то трагического недоразумения, а глубоких расхождений с режимом, не способным уважать свободу творчества. Можно забыть прошлое, но как забыть вездесущий контроль партии, особенно после того, как вдохнешь немного воздуха свободы. Этого не заменить орденом Ленина. Кто, например, мешает им издавать наши книги, записывать наши пластинки, показывать наши фильмы и спектакли, выставлять наши скульптуры и картины? Тогда почему они не начали именно с этого, вместо того, чтобы обещать свое "прощение", в котором никто не нуждается? Все, о чем их просят, – это просто отойти немного в сторону и дать зрителям, читателям и слушателям в СССР выбрать самим, что им нравится.

Тогда и только тогда мы сможем провести открытый диалог с властями, а не сомнительные переговоры на черной лестнице.

Представим на миг, что самое смелое из всех предложений Горбачева – о более свободных выборах в партии – будет реализовано. Благодаря этому "прыжку вперед" мы только чуть-чуть приблизимся к положению черного населения в Южной Африке. Наши "белые" получают, наконец, свободные выборы для самих себя, хотя они и представляют всего-навсего лишь 7 % населения.

Если они хотят серьезным образом провести "радикальные изменения" в советской системе, они должны для начала пересмотреть государственную идеологию. Без этого ни одно глубокое и рассчитанное на большой срок преобразование не могло и никогда не сможет иметь место в Советском Союзе. Идеология – настоящий стержень советской системы, не позволяющий стране отклоняться слишком далеко и надолго. Если не ставить под сомнение конечные цели и основополагающие принципы, долгосрочная стратегия становится предопределенной, и руководителям остается только решать тактические проблемы. Они могут объявить "мороз" или оттепель", но у них самих не может быть "лета". Они не смогут жить в мире ни со своим собственным народом, ни со своими соседями до тех пор, пока правящая идеология отрицает саму возможность "мира с классовым врагом". Разве может у них быть "мирное сосуществование" с "буржуазным" миром, если они ставят задачу "похоронить" этот мир?

Разве можно рассчитывать на подлинную разрядку, если "разрядка ни в коем случае не означает, не может означать отрицания законов классовой борьбы"? В результате нет ни мира, ни войны, есть лишь "борьба за мир", подчиняющаяся незыблемому закону советской поддержки "всех сил социализма, прогресса и национального освобождения". До тех пор, пока продолжается это "историческое сражение между двумя мирами", никто не имеет права просто заниматься своими делами. Население как бы мобилизовано, чтобы вставали все новые и новые отряды идеологических бойцов. Эта всеобщая мобилизация не признает ни права на нейтралитет, ни права на отказ по причинам совести, потому что "кто не с нами, тот против нас". Даже гражданский перебежчик юридически приравнен к военнослужащему, перешедшему на сторону врага во время военных действий (Уголовный кодекс, часть III, ст. 4). Желание эмигрировать, следовательно, рассматривается как измена Родине, а те, кому разрешается выезд за границу, тщательно отбираются среди самых надежных лиц, как если бы речь шла о разведчиках, отправляемых во вражеский тыл.

Если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им нужно прекратить использовать в пропагандистских целях трагедию нашего народа во Второй мировой войне, убрать из учебных программ вызывающую тревогу военно-патриотическую подготовку, которая стала обязательной во всех советских школах и которую можно только сравнить с дрессировкой гитлеровской молодежи, положить конец милитаризации советского общества. Нужно восстановить историческую правду о преступлениях, совершенных советским режимом.

Как можно ждать от людей прилива энтузиазма в связи с разрешением "индивидуальной трудовой деятельности", особенно в сельском хозяйстве, если "коллективизация" и уничтожение десяти миллионов крестьян до сих пор не осуждены партией, находящейся у власти? Или, говоря о "гласности", как можно надеяться, чтобы это новшество принималось всерьез, если оккупация Чехословакии в 1968 году до сих пор не осуждена как международное преступление? Потому что в конечном счете Пражская весна была не чем иным, как периодом гласности.

Это лишь два, взятых наугад примера. Но они показывают, что для примирения народа с правительством недостаточно выпустить из тюрьмы несколько десятков человек, безвинно, кстати, туда заключенных. Советский Союз тяжело болен. Болезнь настолько затянулась, что даже руководители страны были вынуждены порвать с семидесятилетней традицией молчания - им необходимо доверие людей в СССР, доверие всего мира. Но прежде всего им нужно самим научиться доверять народу и миру.

Научиться достаточно верить общественности, чтобы признать свою ответственность перед Международным судом в Гааге, перед судом прав человека в Страсбурге, и чтобы пострадавшие, выступая в качестве истца, могли бы потребовать возмещения убытков, понесенных в результате какой-либо катастрофы вроде чернобыльской. Они должны стать равными среди равных, а не прообразом светлого будущего.

Сегодня всем, даже глупцам, стало очевидно, что семидесятилетие правления при помощи "самого передового учения" привело к краху одной из самых богатых стран на земле, это учение ложно. И если, как признает Горбачев, не нашлось после Ленина ни одного руководителя, который бы сумел заставить действовать это учение, может, уже пришло время попробовать что-нибудь другое. Разве не сам Ленин постоянно повторял, что только практика является высшим критерием теории? Может ли обветшавшая теория выдержать сегодняшнюю практику? Вот в чем вопрос. А если нет, то что же тогда произойдет?"

+ + +

Комментировать эту публикацию сам я не стану. Замечу только, что Запад постоянно пропагандировал такого рода документы, тщательно разрабатывал их. Но хотелось бы привести комментарий редактора "МН" Егора Яковлева:

"Доказательства от обратного.

Василий Аксенов - бродим с ним по Москве осенним днем и до самого вечера. Говорим, мечтаем. О чем? О времени - такое, какое настало сегодня, и которое он теперь обвиняет...

Мастерская Эрнста Неизвестного в переулке возле Сретенки. Не отрывая руки, одним движением художник старается изобразить Прометея,

разрывающего цепи. Портрет любимого героя Маркса – это к его юбилею, на обложку журнала "Журналист". Неизвестному никак не удастся передать радость человека, обретающего свободу. Отбрасываются и рвутся листы, пока не рождается тот единственный рисунок... Сегодняшний Неизвестный и понять не в состоянии те чувства, которые испытывают его соотечественники, понять людей, которые говорят: мы выстрадали перестройку...

Вспоминаю встречу с Максимовым на Страстном бульваре. Он, как всегда, что-то бормочет о вере, царе, и Отечестве, горюет по безвременно почившим в бозе Романовым. Тогда, признаться, это воспринималось болезненным чудачеством озлобленно-ущербного человека. А теперь? Рядом с его именем ставит свое и Юрий Любимов. Съехавшись в Замоскворечье, сочиняли манифест о революционном театре. Нет, Таганки еще не было. И сама возможность там обосноваться смущала Любимова. "Это же на окраине, кто поедет в такую даль?" А вот желание создать театр, подобный тем, что возникали в 20-е годы, и прежде всего подобный Мейерхольду, – это желание было твердым. Ныне создатель революционного театра оказывается в соавторах с Максимовым.

А все они вместе – те, кто так ратовали за демократизацию нашего общества, – теперь злословят по поводу этой самой демократизации, поют ей за упокой прежде, чем она началась. Сколько слов и чернил извели, доказывая необходимость перемен, а как только начались они – принялись доказывать от обратного: обличают перемены. Что же случилось? Все смешалось? Скорее определилось. Еще недавно не только мне казалось: кого-то из них непременно потянет домой. Вернется по зову совести, коли взялись мы всем миром за переустройство жизни. И звонили, скажем, актеры с Таганки, поддаваясь чувству, – звонили чуть ли не каждую ночь за океан (это при их-то зарплате), убеждали Любимова – его ждут в театре. А он кокетничал, торговался... Теперь – собственноручно отрезанный ломоть в канун своего семидесятилетия.

...Расставшись со своим народом, трудно сохраниться с ним в одних измерениях – утрачивается чувство времени. Вроде бы собрались писать о настоящем, что ни строчка – то от прошлого.

Хлопочут, к слову, о копировальной технике. О какой? Неужто все еще находятся в плену у самиздата? Это сегодня-то, когда едва успеваешь прочитывать то, что переписывалось, бывало, по углам, а теперь публикуется периодикой, выходит книгами. Рассуждают как о невероятном по поводу "независимых издательств". А тем временем Союз писателей СССР рассматривает предложения об организации кооперативных издательств. Одно из первых, "Весть", создается при поддержке В. Каверина, Э. Межелайтиса. Где же они, голосующие за "публичную дискуссию, в которой каждый может участвовать и не бояться преследований, вне зависимости от выражаемых взглядов"? Могли и они, если бы не боялись, быть среди тех, кто сегодня рассматривает, поддерживает, создает. Нет, они по-прежнему среди обвиняющих издаелека. И воображают, будто их письмо столь немыслимая, невероятная, недопустимая откровенность, что опубликуй его в советской печати, и станет это "самым убедительным доказательством искренности заявлений о гласности". Опубликовали. Что дальше?..

Не решаясь произнести, к чему же, в конце концов, призывают, они скрывают за ширмой частных предложений свои глобальные намерения: лишить наше общество исторической перспективы, взяв под сомнение его "конечные цели и основополагающие принципы".

Поразительно, но, высказывая общие места о том, что революционная идеология устарела, нынешние критики В.И. Ленина первыми и обнаруживают

архаичность своего мышления. Они выдвигают его фигуру в положение сверхчеловека, поскольку допускают, что за все в ответе может быть тот, кто умел видеть сквозь годы, но кому не дано было – не дано уже более полувека – жить, работать, решать вместе с нами. Все ли делалось вчера и выполнено теперь, как советовал, настаивал Ленин? А сегодня, обращаясь к его наследию, мы имеем возможность идти дальше Ленина. Да, дальше: с высоты нашего времени дано и оценить суть былых противоречий и смысл принимаемых тогда решений. К тому же мы свободны от того, что особенно тревожило Ленина: кроме закона есть еще тот культурный уровень, который никакому закону не подчинишь.

Живет своей жизнью 280-миллионный народ – хуже или лучше, но занят своей судьбой. И представьте себе, не подозревал до сих пор, что где-то далеко расположилось несколько его бывших соотечественников, которые желают для себя особых гарантий, одобряют "стремления советских руководителей" или же, наоборот, видят "немало поводов для опасения", диктуют, как следует проводить политику гласности, требуют "для начала пересмотреть господствующую идеологию", размышляют, стоит ли им "провести открытый диалог с властями", так и не выяснив, а хотят ли этого власти, прикидывают, что необходимо "для примирения народа с правительством".

И лишь об одном не думают: как самим найти путь к своему народу. Потому что оставили его не в лучшие времена. Наслаждаясь, как пишут сами, "воздухом свободы", они обеспокоены, видите ли, тем, как дышится в Москве... Не знал, признаться, не знал до сих пор из всей истории русской эмиграции, кому жизнь на чужбине представляется желаннее, чем дома, кто не хотел бы воспользоваться первой же возможностью, чтобы вернуться.

Среди прочих фраз есть у авторов письма и такая: "если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им нужно..." – и так далее и тому подобное. Но кто это, собственно говоря, они? Кто это – мы? А главное, чья это – наша? С вашей позицией к нашей современной истории вы не имеете отношения.

Когда-то у кого-то из авторов письма были свои заслуги... Но зачем же раздувать щеки, тянуться на цыпочках, чтобы казаться большим, чем есть на самом деле? Зазнайство, право же, уничтожает талант быстрее, чем запреты. Вот и письмо свое они написали на редкость посредственно.

Каждый из них профессионал в своем деле и знает, как важно быть им. А, тем не менее, тянут самодеятельное начало в политику, не стыдясь домотканности своих суждений. Почему, вопрошают, не вывести из Афганистана "сразу все войска, не ставя предварительные условия и не растягивая сроки"? Все очень просто: махать рукой на тех, кому стремились помочь, уйти, не думая, что произойдет за твоей спиной. Нет, так политика не делается, да и сами они это прекрасно понимают. Однако продолжают нарочито валить все в одну кучу: борьбу за мир и похороны Тарковского, события 1968 года и выборы в Сальвадоре, военно-патриотическое воспитание школьников и Уголовный кодекс... Прав был Белинский, утверждая в письме к Гоголю: "Какая это великая истина, что когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант".

Чем обеспокоены авторы письма? Тем, что почва уходит у них из-под ног. Могли, например, раньше ссылаться на высланного в Горький Сахарова, а теперь он сам замечает, что не прочь на время съездить в Горький – бесконечные московские визитеры мешают работать...

Так и без работы можно остаться...

Но что же это за работа, если в основе ее давно известное своей безнравственностью утверждение: чем хуже, тем лучше. Не удастся, не состоится то, чем заняты ныне в Советском Союзе, – это обернется поражением на уровне национальной трагедии. Авторы же письма станут потирать руки. В беде народа готовы обрести и самоутверждение, и самооправдание. Во зло молящиеся!"

...Что можно добавить к такому пониманию ситуации и ее изложению? Только несколько штрихов: лицемерие под той "защитой прав" не однажды обнаруживалось – оно всегда начиналось с призывов к гуманизму, а заканчивалось требованием пересмотреть идеологическую политику и "отменить Ленина". Страны, призывавшие к толерантности, не выносили присутствия в мире державы с другим, отличным от их устройства, государственным строем.

+ + +

Для понимания положения, в котором был тогда Советский Союз, с любезного разрешения писателя-историка Святослава Рыбаса воспользуюсь материалами из его книги "Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XX века".

"Общее состояние страны было очень сложным. В 1985 году началось обвальное падение мировых цен на нефть. Валютные поступления СССР, позволившие поддерживать стабильность, уменьшились в три раза. В 1986–1988 годах бюджет потерял около 40 млрд. долларов, экспорт советского оружия снизился на 2 млрд. долларов.

Чтобы увеличить объем ресурсов, обратились к бюджетному заимствованию: союзный бюджет в 1988 году был сверстан с дефицитом в 60 млрд. рублей, стала нарастать инфляция. Пришлось обратиться к зарубежным займам. К 1990 году государственный долг составлял 400 млрд. рублей (44 процента ВВП).

В 1989 году разразился валютный кризис. В начале 1990 года Внешэкономбанк СССР прекратил платежи иностранным фирмам за поставку в СССР товаров цветной и черной металлургии. 16 июня, выступая в Железноводске, Горбачев высказался о возможности пролонгировать возвращение внешних долгов. Это мгновенно отразилось на западных рынках. Банк Англии сразу занес СССР в "черный список" ненадлежащих должников. Кроме того, большинство западных стран стали увязывать предоставление кредитов "со скорейшим принятием в Советском Союзе реальной программы перехода к рыночной экономике с четким распределением компетенции центрального правительства и союзных республик". Это был первый звонок Москве, предупреждавший, что Запад не будет церемониться с СССР.

В январе 1990 года страны СЭВ перешли на взаиморасчеты в долларах (на этом советский мировой экономический проект закончился), товарооборот резко сократился и отлаженная система промышленной кооперации стала разваливаться. Одновременно быстро разбухали денежные накопления населения в связи с неудовлетворенным спросом на товары народного потребления. Из 989 видов товаров в относительно свободной торговле находились лишь 11 процентов товаров. Из продаж исчезли телевизоры, стиральные машины, мебель, ученические тетради, карандаши, клеенки, лезвия для бритвы, мыло, стиральный порошок.

Цель непродуманных решений усугубляла финансовые проблемы государства. Сокращение производства спиртных напитков (в 1985 году продажа водки составляла 24 процента в товарообороте), принятие закона "О кооперации", позволяющего государственным предприятиям бесконтрольно

переводить деньги из безналичного обращения в наличное, разбалансировало финансовую систему.

Получившие большие права предприятия поднимали цены на свою продукцию, а коммерческие банки (их было создано свыше тысячи) бесконтрольно обналичивали деньги, выводили их из-под государственного контроля. Через коммерческие банки ежегодно "отмывалось" 70-90 млрд. рублей. Через них "теневая" экономика, где тогда работало около 15 млн. человек, получила возможность быстро легализоваться. На заседании Политбюро 29 января 1990 года Председатель правительства Н.И. Рыжков сказал, что в Верховном Совете действуют лоббисты "теневой экономики", и заявил, что переток денег из безналичного расчета в наличный "создает мощную инфляцию". (В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985-1991). М., 2008, с. 583.)

Шахтерские забастовки 1989 года поставили советское руководство в безвыходное положение: рабочие потребовали кардинального улучшения снабжения товарами, но власть могла только поднять заработную плату, что еще больше разгоняло инфляцию и обостряло проблему дефицита.

На заседании Политбюро 16 февраля 1989 года Председатель правительства СССР Н.И. Рыжков отметил, что превышение расходов над доходами составило 133 млрд. рублей. Эмиссия в 1988 году достигла 11 млрд. - больше, чем в любой другой год после войны. (В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985-1991). М., 2008, с. 521.) На пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 года министр внутренних дел СССР В. Бакатин заявил, что за 8 месяцев текущего года "совершено полтора миллиона преступлений, из них 240 тыс. - тяжелых. Рост на 40 % беспрецедентно". (Там же, с. 532.)

Горбачевская группа искала нетрадиционные решения. Была начата кампания сокрушения "противников перестройки" в лице руководителей планово-распределительных органов (министров, старых членов ЦК, региональных руководителей). Был объявлен курс на "демократизацию" и "гласность". СМИ были переполнены развенчиванием советской истории, новой волной десталинизации. Горбачев считал, что необходимо дать "низам" право контроля над "верхами", и это приведет к устранению бюрократических "пробок". Шахтерам в Донецке он сказал: "Огонь по штабам. Вы начинайте снизу, а мы поможем". Он надеялся, организовав давление со стороны населения, преодолеть отторжение реформ значительной частью партийной элиты. Однако "низы" обратили свой гнев на всю государственную систему. Неожиданно для всех по стране прокатились волнения и погромы на национальной почве - в Узбекистане, Казахстане, Грузии, Армении, Азербайджане.

После XIX партийной конференции (июнь 1988 года) перемены резко ускорились. Начата политическая реформа, которая должна была привести к созданию новой системы власти и слома существующего порядка управления. Отныне, как сказал на конференции Горбачев, во главе системы должна была стоять не партия, а "Совет народных депутатов как орган народовластия". Первые секретари райкомов, обкомов, ЦК должны были пройти через альтернативные выборы, чтобы возглавить Советы соответствующих уровней. Горбачев предупредил, что партия больше не будет пребывать "в условиях идеологического комфорта".

В марте 1989 года прошли альтернативные выборы народных депутатов, но многие партийные руководители не были избраны. На первом Съезде народных депутатов сформировалась оппозиционная идейно сплоченная и интеллектуально сильная Межрегиональная депутатская группа (МДГ). В нее

входили академики А. Сахаров, Ю. Рыжов, адвокат А. Собчак, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии и бывший кандидат в члены Политбюро Б. Ельцин и др.

На внеочередном Съезде народных депутатов СССР (март 1990 год) была отменена 6-я статья Конституции, законодательно закреплявшая руководство КПСС. Тогда же Горбачев был избран съездом Президентом СССР. Фактически произошло то, что вскоре получило название "самоубийство КПСС": не создав действительно новой системы власти, она демобилизовалась. Это можно сравнить с отречением от престола Николая II, который глубоко заблуждался в способностях тогдашней оппозиции удержать власть. Но в случае с Горбачевым страна не находилась в длительной мировой войне, не было никакого непримиримого конфликта интересов в обществе и не было никакой "революционной ситуации". (Афганская война была болезненным, но локальным явлением.)

Как только КПСС стала уступать власть, она превратилась в живой труп, от которого надо скорее избавиться. Последовали односторонние решения прибалтийских республик о создании независимых национальных государств. Началось бегство республиканских элит от центра, который представлялся источником слабости. 12 июня 1990 года Съезд народных депутатов Российской Федерации принял декларацию о государственном суверенитете России и верховенстве российских законов. Борис Ельцин, избранный Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, стал лидером оппозиции. В СССР началось двоевластие. Российские власти первыми начали рыночные реформы, приняли ряд постановлений, ограничивающих действие законов СССР на территории РСФСР.

Особенно сильный удар получила союзная финансовая система после того, как российское руководство решило ограничить поступление налогов в центральный бюджет. С этого момента распад СССР был неизбежен. Вслед за Россией декларацию о независимости приняли 20 июня Узбекистан, 23 июня - Молдавия, 16 июля - Украина, 27 июля - Белоруссия. Карелия объявила о суверенитете 10 августа, затем Татарстан, Башкортостан, Бурятия, Абхазия...

Положение союзного руководства усугублялось с каждым днем. Оно в глазах общественности превратилось в реакционеров, не желающих улучшить жизнь народа либеральными реформами. Авторитетные представители интеллигенции выступили на стороне Ельцина, который в глазах большинства стал выразителем национальных интересов России".

+ + +

В дополнение ко всем этим фактам, изложенным историком, приведу один эпизод из моих личных воспоминаний. Это было на первом Съезде Совета народных депутатов РСФСР, избранных в 1990-м. Там прозвучал доклад Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Воротникова о суверенитете России. Даже само название звучало, мягко выражаясь, - странно. А провозглашалось верховенство российских законов над общесоюзными. Ни в одной стране мира не было такого. Как могут, например, законы Саксонии, Тюрингии или Баварии верховенствовать над федеральными законами Германии? Правда, в любом штате Америки существуют свои собственные законы, но они не противоречат Конституции США.

Если республика может не подчиняться конституционным законам СССР, не признавать и не выполнять их, значит, она может не признавать и самого СССР. В декларации также было сказано о том, что новый закон вводится в действие с момента его принятия. На этом особенно настаивал только что избранный Председатель Верховного Совета Борис Николаевич Ельцин. Понимая, что это практически означает отмену действующей

Конституции РСФСР и грубейшее нарушение Конституции СССР, я понял, что надо срочно что-то предпринимать.

Вышел из зала, поговорил с генералом Кобецом и еще с одним генералом. Пришли вместе к выводу, что сейчас все решают часы, а может быть, минуты, – вот-вот проект декларации поставят на голосование. Стало еще тревожнее, когда кто-то из собеседников обратил внимание, что и в других выступлениях звучала идея расчленения Союза и выступающим никто не возражал. Просить слова? Съезд заведенный, взбудораженный – не поддержат, это все равно, что воду черпать решетом. Я предложил немедленно идти к Горбачеву, благо он находился близко, в Кремлевском дворце съездов, на учредительном съезде компартии РСФСР.

Собеседники согласились, хорошо понимая всю ответственность такого шага. Шел проливной дождь, но мы от волнения даже не замечали, что идем вдоль стен зданий под потоками воды с крыш.

Во Дворце съездов я попросил срочно разыскать Плеханова, начальника 9-го Управления КГБ, ведавшего охраной Политбюро. Попросил его, также срочно, пригласить из зала Крючкова, чтобы посоветоваться с ним, перед тем как идти к Горбачеву. Плеханов привел сразу двоих – и Крючкова, и Горбачева. Мы показали проект декларации, объяснили, в чем суть тревоги. Горбачев прочитал, подумал и сказал:

- Ничего страшного не вижу. Мы уже многое обсуждали.

- Это же, по существу, отказ от властных полномочий Союза, – изумились мы.

- Да нет, это Союзу не угрожает... Но если вы не согласны, покиньте съезд. Такая демонстрация может быть только полезной... А причин реагировать на это союзным властям я не вижу, – сказал Горбачев.

Назад мы шли молча, не в силах что-либо осмыслить. Поразила двойственность ответа, хотя уже к тому времени мы не раз ее наблюдали. На каком-то этапе все стали замечать двойственность его поведения: одно произносилось в каком-то узком кругу, где вырабатывались политические решения, а прямо противоположное – внедрялось в практику. Я был на пленуме ЦК партии, лично слушал, что он говорил, вернувшись из ГДР, – "мы эту страну в обиду не дадим". Очень похоже на то, что говорилось китайцам после XX съезда Хрущевым: "Мы Сталина в обиду не дадим"...

А дальше ФРГ растоптал, поглотил Восточную Германию, и Хонеккер и все окружавшие его коммунисты попали в ситуацию репрессий. И Горбачев ничего не сделал для их защиты.

Примеров таких можно было привести огромное множество, и все-таки эта новая ситуация, проявляющая двойственность Горбачева, когда он, с одной стороны, говорит о том, что ничего опасного, а с другой – предлагает: "покиньте съезд", доводила до абсурда сам смысл происходящего.

А потом выплыло главное: верховенство законов России над советскими – это угроза СССР, шаг к развалу, неужели президент этого не понимает? Но такого быть не может. Значит, он допускает развал страны, расчленение.

+ + +

Возникает закономерный вопрос: а что же делал в этих условиях

КГБ? Почему органы госбезопасности не противостояли тем, кто, находясь у власти, предрешил гибель государства?

Как-то в Ленинграде (в 70-х годах) мне показали в архивах КГБ 200-страничный том, полностью написанный от руки и датированный 1915 годом. Это было произведение одного капитана жандармерии, который описывал ситуацию в социально-демократических кругах: большевиков, меньшевиков, социал-революционеров и т. д. Очень подробно и тщательно, что выдавало глубокое знание вопроса, офицер "охранки" описывал дискуссии "нигилистов", объясняя, как была разработана их стратегия. Самое важное: он писал черным по белому, что власти зря недооценивают личность Ленина! Он заканчивал пророческой фразой: "Сила, способная произвести смену политической власти в России, уже родилась". Как мы знаем, царский режим не воспринял этого предупреждения.

Руководители КПСС вели себя подобным же образом в то время, как их постоянно предупреждали о развитии угрожающих центроостремительных тенденций в нашей стране. В перестроечные годы таких примеров было множество. За два года до развязывания событий в Нагорном Карабахе и до развязывания войны - назовем вещи своими именами - между Арменией и Азербайджаном я сам лично предупреждал секретаря КПСС Лигачева об опасности кровавого конфликта. Горбачев также ничего не вынес из ситуации, но продолжал свои двусмысленные высказывания - необдуманно привечал одних, отвергал других. Ситуация воспалялась, а Кремль продолжал повторять нам: "ничего страшного не происходит, не драматизируйте". В 1988 году во время погромов в Сумгаите и первых столкновений в Нагорном Карабахе Лигачев признался мне, что вспоминал о нашей встрече. К сожалению, уже было пролито немало крови... И что было потом - общеизвестно: первые беженцы, тысячи трагедий...

Возьмем события в Тбилиси... Там поражали оценки, которые давались на основании абсолютно придуманных фактов. Поясню свою мысль. Когда произошла трагедия в Тбилиси, погибли 16 человек. Она была спровоцирована не теми людьми, которых затем обвинили. Ее организовали те, кто потом пришли к власти в независимой Грузии, плюс те силы, которые хотели столкнуть Патиашвили с Центром.

Они родили версию о том, что гибель людей - оттого, что солдаты били их саперными лопатками. И это все... Шеварднадзе прилетел туда, кстати говоря, с большим опозданием. И он начал эту линию проводить - лопатки, от лопаток погибли. Хотя от лопаток не погиб ни один человек, и даже раненых лопатками не было. Погибли все от удушья, от давки в толпе. Когда Шеварднадзе выступил с этими лопатками, я ему сказал, что он находится в большом заблуждении. А он: "Как заблуждение? Вот говорят люди". Я ему: "Хорошо, тогда покажем кинофильм, который снят на площади во время этой давки". - "Какой кинофильм? А кто вам дал право снимать?". Я ответил, что это - наша обязанность документировать такого рода события, иначе мне сейчас и разговаривать было бы не о чем. Привел его в комнату, где поставили аппаратуру и показали все, что было на площади. Там никаких жертв лопаток не было.

Но тем не менее версию лопаток поддержали, она дошла до Съезда народных депутатов СССР. И остался один генерал Родионов, который смело доказывал, что это не так. Когда комиссия Собчака закончила свою работу, я позвонил ему и сказал, что хотел бы свидетельствовать комиссии. Собчак ответил: "Нет, мы завершили работу. У нас полная ясность". "А как с саперными лопатками?" - спросил у Собчака. Он вспыхнул и ответил: "Что вы? Какие лопатки?". Но спустя день об их применении на заседании Верховного Совета говорилось в полный голос, опираясь на выводы комиссии Собчака, в

честь которого, как говорили тогда, и улицу в Тбилиси назвали. Истину продолжал отстаивать один генерал Родионов. Так дискредитировали советскую власть в присутствии лиц, возглавлявших в то время ее высший орган - Верховный Совет...

А на всякую информацию о действиях Запада, подталкивающего разрушительный процесс, о гибельных для страны внутренних сложностях у Горбачева был один ответ: "Комитет госбезопасности драматизирует обстановку".

+ + +

Завершая книгу, не могу еще раз не сказать о том беспокойстве, которое вызывает стремление антироссийских сил ликвидировать Россию как единое государство. Идеи Бжезинского в прошлое не ушли и продолжают быть актуальными и сегодня. Потому крайне важно, что их противодействию серьезное внимание уделяют нынешние руководители России.

Нельзя не вспомнить, что представляла наша страна в 90-е годы после широко известного призыва Ельцина к полной свободе самоопределения. Все республики, края и области стали фактически неподконтрольны центру, стали жить на договорных началах с ним. Некоторые даже подумывали о полной независимости и о верховенстве местных законов. И здесь нельзя не отдать должное В.В. Путину. Став Президентом Российской Федерации, он одним из первых своих декретов отменил упомянутые "договорные начала", заботясь о территориальной целостности России. И линия на укрепление государственности продолжается. Это видно и в действиях нынешнего президента Д.А. Медведева, что крайне важно для будущего России.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПОЧЕМУ МЫ ПРОИГРАЛИ ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ

Беседа Ф.Д. Вобкова с Александром Бондаренко. Опубликовано в газете "Красная звезда" от 25 ноября 2005 г.

Совсем еще недавно говорилось, что "коммунизм - это светлое будущее человечества", а сегодня утверждается, что социалистический путь развития - тупиковый. Причем если первый тезис выглядел чисто гипотетически, то второй вроде бы подтверждается крушением СССР и всей восточноевропейской коммунистической системы. Вывод отсюда может быть только один: России, как и всем прочим странам, определена своя роль в системе глобального мира, построенного в интересах определенного количества "семейств", ну а лозунг социалистического государства - "Все для блага человека" - должен быть забыт напрочь.

Кажется, все предельно ясно, и многие, очень многие наши соотечественники в это уже поверили. Поверили, забыв о том, что, именно следуя путем социалистического развития, Россия в невиданно короткие сроки вышла в число мировых лидеров, сокрушила военную мощь гитлеровской Германии, создала суперсовременную экономику, лучшие в мире системы обучения, здравоохранения и социального обеспечения... Казалось бы, процесс поступательного развития должен был продолжаться, и к концу XX столетия СССР мог стать абсолютным мировым лидером. Однако в какое-то время в нашем государственном механизме что-то словно бы сломалось, началась пробуксовка, и процесс социалистического развития завершился позорной предательской "перестройкой". В результате в памяти многих советские времена остались в образе пустых прилавков и огромных очередей, то есть именно того бытового момента, к которому никому возвращаться не хочется... Выводы отсюда очевидны.

Однако мыслящего нашего соотечественника давно уже не удовлетворяют лежащие на поверхности выводы и элементарные решения – слишком уж все это похоже на заданность. Так что вопрос, почему же в действительности погиб СССР, по-настоящему интересует многих. Поэтому мы и обратились к Филиппу Денисовичу Бобкову, который в советские времена фактически создавал и возглавлял 5-е, "идеологическое". Управление КГБ СССР.

Ф. Бобков. Действительно, тема эта еще очень долго будет своевременной. Можно говорить о людях – виновниках этого распада, можно – о неправильности политики, о том, кто и как ее делал... Но лучше посмотреть, что происходило на всем протяжении жизни Советского государства.

А. Бондаренко. То есть начинать с Октябрьской революции? Сейчас установилась точка зрения, что для России это была самая большая трагедия XX века – вот даже праздник отменили. Когда говорят, что, придя к власти, большевики сразу начали губить Россию, это достаточно спорно. Утверждают, что они развалили Россию территориально, но надо вспомнить, что она распалась после февраля 1917 года. Тогда образовались независимые Украина, Белоруссия, Грузия и все прочие... После Октября начали собирать исконную Россию, и она была собрана, за исключением Прибалтики, Финляндии и Польши, в рамках бывшего имперского государства. Можно спорить, какие были лозунги: право на отделение, право выхода, но это другой вопрос... Некоторые сейчас даже именуют СССР "тюрьмой народов". Разве наши республики имели реальное право на самоопределение?

Ф. Бобков. Вспомните хотя бы Финляндию, вспомните Польшу.

А. Бондаренко. В те времена – да... А в последующем?

Ф. Бобков. Думаю, в последующие годы это могло быть тоже – мы просто не знаем фактов, когда бы они отделялись. Если бы у нас был пример того, что мы кому-то запретили, тогда другой вопрос. Но, поверьте, я не думаю, чтобы какое-либо государство стремилось показать миру, что от него можно чего-то оторвать.

А. Бондаренко. Буквально сразу после Октября началась "русская смута" – Гражданская война, ставшая одной из самых больших национальных трагедий...

Ф. Бобков. Она, если внимательно посмотреть, возникла не потому, что большевики ее затеяли, а потому, что с первых же дней после Октябрьской революции в России начали сколачиваться силы, которые выступили против большевиков. Сколачивали эти силы иностранные посольства, прежде всего англичане.

А. Бондаренко. Да, они на протяжении многих веков "участвовали" в нашей политике – вплоть до проплаты царевубийства 1801 года...

Ф. Бобков. Вот именно. Так что в том, что поднялось Белое движение, сыграли немалую роль именно западные государства. Это совершенно четко известно и ясно. Но, согласитесь, большевики не могли бы выиграть Гражданскую войну, если бы их в этой войне не поддерживал народ, и вообще, если бы не было такой поддержки, то вряд ли большевики остались бы у власти. Против белых и интервентов воевала большая часть народа.

А. Бондаренко. И в это же время, как известно, большевики развернули в стране "красный террор"...

Ф. Бобков. О "красном терроре" я сейчас бы не говорил. Во-первых, он не был скрывается. Во-вторых, рядом с "красным" был "белый террор". Более того, "красный террор" был все-таки ответом на "белый". Так что сейчас трудно сказать, сколько всего народу погибло и кто там виновник. Но я думаю, что Деникин расстрелял не меньше, чем Тухачевский; когда мы говорим, что в Крыму расстреляли белых офицеров, не надо забывать, что в период власти Врангеля там же было расстреляно не меньше сторонников красных. А Колчак в Сибири?.. Это был террор при взятии территорий, это была революция. Вспомним Англию в период Кромвеля, вспомним Великую французскую революцию. Разве не то же самое? Я никого не хочу оправдывать и не скажу, что я безразлично к этому отношусь, но так было суждено самой революционной логикой.

А. Бондаренко. Да, власти предрержащие порой не понимают, что терпение народа не безгранично и бунт, "бессмысленный и беспощадный", становится объективной реальностью... Хорошо, тогда мы уходим от "крайностей революции" и обращаемся к тому, что называлось процессом социалистического строительства...

Ф. Бобков. Правильно, это наиболее важный вопрос. Процесс строительства государства у нас по-разному освещается, но мы должны четко видеть, что хотела делать власть, пришедшая после Октября. Ее курс выражается в ленинских положениях. Что говорил Ленин после Октября? Он говорил, что мы обрели самую демократическую, передовую власть - советскую власть. Она должна опираться на серьезную экономику. Такой серьезной экономикой может быть государственный капитализм. Если мы подведем под советскую власть государственный капитализм Германии, то это будет две трети социализма. Это ленинское положение совершенно забыто. А Ленин об этом четко говорил во многих своих выступлениях и в основу именно это закладывал.

А. Бондаренко. Филипп Денисович, давайте обратимся к цитатам...

Ф. Бобков. Хорошо, вспомним одну из известнейших работ Ленина "Очередные задачи советской власти". Вы, конечно, ее изучали?

А. Бондаренко. Ну конечно... конспектировал.

Ф. Бобков. Понятно. Так о чем там Владимир Ильич писал? Что самая главная сейчас задача - учиться торговать! Это что, разве не рыночная экономика? Ленин исходил из того, что рыночная экономика существует и при социализме. И потому мы ошибаемся, говоря, что нэп была вынужденной - никакой она не была вынужденной, эта политика!

А. Бондаренко. Позвольте, большевики победили под лозунгами "Фабрики - рабочим, земля - крестьянам"... Почему же государственный капитализм нужен был?

Ф. Бобков. Потому что экономику надо было развивать прежде всего за счет развития тяжелой промышленности. Без машиностроения экономика не поднимется, и частник тяжелую промышленность не поднимет, потому что при капитализме он будет делать то, что даст прибыль через год-два. А вкладывать деньги в то, что тебе даст результаты через десять лет, никто не хочет.

А. Бондаренко. Да, опыт нашей приватизации - лучшее тому доказательство: такие уникальные предприятия угробили! Но пока "труба" качает, это никого не волнует...

Ф. Бобков. Так что вы понимаете, почему Ленин ориентировался именно на государственный капитализм? Кстати, благодаря тому, что государство взяло в руки тяжелую промышленность, Рузвельт вывел из кризиса Соединенные Штаты. После Второй мировой войны в Великобритании национализировали угольную промышленность... Видите, это не только ленинское – и другие к подобной практике прибегали.

А. Бондаренко. Ну а почему тогда, по вашему мнению, страна ушла с этого пути?

Ф. Бобков. Думаю, это произошло из-за военной угрозы. Она очень сильно стала звучать уже в последний год жизни Ленина, а после его смерти особенно... Явно было видно, что готовится военный марш на Советское государство. Надо было решать вопрос: или мы будем защищаться, или мы будем уходить – терять свою самостоятельность.

А. Бондаренко. То есть было необходимо интенсифицировать развитие страны...

Ф. Бобков. Да, и тут надо было решать: или мы прекращаем развивать социалистическое государство и идем со своим сырьем на поклон к Западу, или мы всесторонне укрепляем и развиваем это государство... Так возник вопрос о возможности построения социализма в одной стране. Это в известной мере был отказ от того положения, которое существовало у Ленина, – о мировой революции... Именно здесь началась наша внутренняя политическая борьба: Сталина стали обвинять в том, что он, отказываясь от мировой революции, уходит от марксизма. А на нее уже нельзя было рассчитывать, особенно после ноября 1923 года, когда был полный провал революции в Германии. Ясно было, что мировая революция не скоро состоится, и поэтому нам надо было либо жертвовать для нее Россией, либо закреплять то, чего мы добились в октябре 1917 года: строить социалистическое государство в одной стране.

А. Бондаренко. Так и строили бы рыночным, государственно-капиталистическим путем...

Ф. Бобков. Нет, это было трудно, потому что мы были в полной изоляции. У нас не было ни экономической, ни финансовой – никакой и ниоткуда поддержки. Мы опирались только на то, что есть у нас. Отсюда пошла жестокая экономическая политика: мы провели тяжелейшую коллективизацию, индустриализацию...

А. Бондаренко. И все это за счет огромных жертв в стране.

Ф. Бобков. Да, и сейчас это все можно осуждать, но это одна сторона дела. Другая сторона – нам нужно было выжать все внутренние средства, чтобы создать тяжелую промышленность. И мы фактически за восемь лет создали все то, что имели в 1940 году. И в войне мы победили именно потому, что создали государство: было чем побеждать. Конечно, на пути создания этого государства были жертвы, излишние жертвы, но кто его знает, как можно было действовать иначе и что бы в ином случае получилось. Ведь наш путь – это путь первопроходцев.

А. Бондаренко. Возвращаясь к ранее сказанному вами о политической борьбе в нашем обществе. Сталин говорил, что по мере укрепления социализма эта борьба будет нарастать. Так ли это получилось в действительности?

Ф. Бобков. Не думаю, что этот тезис точно был сформулирован... Но в связи с вот этой ситуацией – куда идти на том этапе – это было так. Но я

не сказал бы о том, что она продолжалась на протяжении всего существования Советского государства... Вообще есть некоторые вещи, по которым надо возвращаться к точности формулировок. Мы сейчас, например, широко используем выражение "кадры решают все". А ведь Сталин говорил: "Кадры, овладевшие техникой, решают все".

А. Бондаренко. Действительно, это совсем другие кадры...

Ф. Бобков. И в СССР по-настоящему заботились о подготовке этих кадров! За годы существования советской власти мы имели достаточно высокий процент людей с высшим образованием; страна училась – училась на протяжении всего времени... Хотя нам всегда было тяжело – и не только потому, что первопроходцам, каковыми мы в полном смысле слова были, легко не бывает. Мог быть и другой путь, но мы другого пути не нашли, выбрали этот.

А. Бондаренко. Но почему в самые трудные времена система работала гораздо лучше, нежели в последующие, гораздо более спокойные годы?

Ф. Бобков. Действительно, после победы мы могли развиваться в условиях мира – после того, когда мы получили атомную бомбу, мировой мир был виден на многие годы. Тут как раз можно было снять напряжение в экономике, определить новые ориентиры развития социалистического государства. Политэкономы пришли к выводу о необходимости учитывать действия объективных законов экономического развития при социализме, снять с экономики пресс государственного давления. Среди этих законов стоит выделить закон стоимости при социализме. Это рыночный закон? Безусловно! К сожалению, в последующие годы этот вывод развития не получил, потому что от этого закона мы, начиная уже с 1953 года, стали уходить все дальше.

А. Бондаренко. Смена власти в нашей стране почти всегда приводит к перемене курса по всем направлениям...

Ф. Бобков. Да, к сожалению. Хрущев немало сделал для восстановления прав, реабилитации невинно репрессированных, но в экономическом плане много было таких вещей, которые нас уводили от того, чтобы развивать экономику в строгом соответствии с объективными экономическими законами. Например, были ликвидированы всякая личная, частная собственность, промысловая кооперация, приусадебные участки, и это привело к тому, что вся масса людей стала жить на иждивении государства... Нужно было поднять урожай – и началось освоение целины. В результате мы бросили Центральную Россию, а фактически всех профессионалов увезли в Казахстан... Я вообще вам так скажу: при Хрущеве, по существу, шло ослабление власти Советов.

А. Бондаренко. Есть версия, "Красная звезда" об этом писала, что Сталин якобы пытался возродить Российскую империю. Но Хрущев...

Ф. Бобков. Трудно сказать, что именно хотел Сталин, но советскую власть он не ликвидировал. А вот после его смерти советскую власть постепенно заменили партийной, потом – президентской. Известно, что на XVII съезде партии в ЦК были ликвидированы функциональные отделы. Они возродились только в военное время, потому что аппарат ЦК стал аппаратом ГКО. Но когда кончилась война, примерно через год, вновь началась ликвидация функциональных отделов. Партия превращалась в политический орган – управление агитацией и пропагандой, партторгработой, иностранными делами, а вся власть уходила в Советы.

А. Бондаренко. И так продолжалось до пришествия на власть Хрущева?

Ф. Бобков. Да. После смерти Сталина сразу же были воссозданы функциональные отделы, а партия стала властной структурой. Причем власть ЦК отличалась тем, что была безответственной. Без этой власти ничего нельзя было решить, но когда решали не так, то отвечал Совет, а не партийная власть. Таким образом, произошла подмена советской власти партийной властью, и Советы все время отодвигались все дальше и дальше от управления государством, особенно на местах.

А. Бондаренко. Однако ведь и сама партия, как известно, в это время существенно изменялась?

Ф. Бобков. Я сказал бы, что, кроме ликвидации советской власти, шла и ликвидация партии – фактическое раздвоение партии на сельскую и рабочую. Это создавало несколько другую партию... И вообще мы говорили: партия рабочего класса. Между тем за это время у нас в самом рабочем классе произошли большие изменения. Инженер нередко работал как квалифицированный рабочий, получал как инженер, и в партию его не принимали, потому что он номинально не рабочий... То есть человеку, который создавал какие-то сложнейшие машины, в партию прийти было труднее, чем слесарю-сантехнику. И что, это шло на пользу партии? Почему у нас младшие научные сотрудники в большинстве своем оказались в некоторой оппозиции? Потому что имели вот такие определенные ограничения не только в заработной плате, но и вообще.

А. Бондаренко. Причем сами партийные собрания, насколько помнится, постепенно превращались в производственные совещания...

Ф. Бобков. И это верно. Мы стали работать на частностях, ушли от теории марксизма, так что основной путь развития нашего государства потерял свою методологическую основу.

А. Бондаренко. Если бы мы с вами писали соответствующую статью для учебника истории, то можно было бы обозначить жирным шрифтом: "Причина № 1" – постепенная деградация правящей партии. Впрочем, вопрос на ту же тему: когда у нас в стране появилась "партийная элита"?

Ф. Бобков. Думаю, это произошло уже вскоре после смерти Сталина... Стала возрождаться система подарков, преимущество в обеспечении... Потом появилась небрежность в отношении к трудящимся, к их заявлениям – все это неизбежно отдаляло руководство от народа... В последние годы секретари обкомов, ответственные работники в основном отдыхали за границей, правда по приглашению компартий. Стал появляться новый образ жизни, шло расслоение общества... Хотя и Хрущев в свое время пытался что-то выправить, и Брежнев в первые свои годы был очень активен. Ему было очень трудно, многие вещи надо было поправлять, а как только он начинал поправлять, все кричали, что это возврат к сталинизму.

А. Бондаренко. Он прислушивался к этой критике?

Ф. Бобков. Прислушивался. Когда же Брежнев фактически вышел из строя, то его окружение, боясь его ухода и цепляясь за власть, и повело страну к развалу, отойдя от многих принципов социализма.

А. Бондаренко. В общем, роль личности оказывалась главенствующей... Тут в очередной раз приходит мысль, что Юрий Владимирович Андропов мог спасти СССР, что бы сейчас ни пытались говорить о тщетности таких попыток и каких-то тайных помыслах Председателя КГБ...

Ф. Бобков. Андропов был не только убежденным коммунистом, но и

очень трезвым реалистом, прагматиком. Вот говорят, что он – автор перестройки. Это ерунда! Когда Юрий Владимирович стал Генеральным секретарем, то в своей первой и, к сожалению, единственной работе он сразу вернулся к Марксу. Сразу! Он сказал, что надо посмотреть на то, в каком обществе мы живем, и по Марксу определить, что нам теперь следует делать.

А. Бондаренко. У вас с Андроповым были личные разговоры на эту тему?

Ф. Бобков. Он мне говорил, что мы должны разобраться в том, какой у нас социализм. Что, наверное, в социализме у нас можно и нужно что-то корректировать, поправлять, модернизировать, развивать, но ведь другого социализма в мире нет, и никто не знает, каким он должен быть в идеале... А потому нам надо разобраться, что у нас есть, и идти дальше. Именно так поступает первопроходец. Перестраивать социализм Андропов не собирался.

А. Бондаренко. А Горбачев собирался?

Ф. Бобков. Думаю, даже он вам на этот вопрос не ответит... Все тогда понимали, что нужно было что-то улучшить, совершенствовать. Однако "прорабы перестройки" не продолжили пути первопроходцев строительства социалистического государства. Сознательно или же по иным причинам под лозунгами "возврат к Ленину", "социализм с человеческим лицом" начался откровенный возврат к капитализму. Прямую дорогу к нему открыла "Беловежская Пуща", которая отвечала также стремлениям Запада, стремившегося путем "горячих" и "холодных войн" изменить конституционный строй в СССР. Возможно, именно поэтому лица, подписавшие в Беловежье антиконституционный акт, сначала доложили об этом президенту США, а уж затем – СССР. Первый из президентов искренне поздравил разрушителей, а второй преспокойно ушел в отставку. Поначалу мы все исходили из того, что работаем на улучшение социализма, когда увидели, что эта перестройка ведет к капитализму, вот тут начался раскол нашей Коммунистической партии, которая, к сожалению, в то время страшно рыхлая была...

А. Бондаренко. Тогда, может быть, сформулируем "Причину № 2" – о том, что социалистическая система может быть эффективна только в каких-то экстремальных обстоятельствах существования государства?

Ф. Бобков. А вы не спешите с выводами? По моему убеждению, разговор о том, что социализм ликвидирован, не имеет под собой основы и социалистический строй рано или поздно все равно будет развиваться. Только, видимо, не у нас...

А. Бондаренко. Где же тогда?

Ф. Бобков. Вы разве не знаете, что то, что сейчас делает Китай, это и есть социалистический путь? Причем основанный на ленинских, марксистских принципах. Китайцы от марксизма не отказались, почитайте Дэн Сяопина. Кстати, они очень внимательно изучают наш опыт, очень аккуратно относятся к нашему социалистическому прошлому, совершенно не подвергая его никакой критике, но повторять наши ошибки не хотят. И не повторяют, будьте уверены!

А. Бондаренко. Да, это не мы, которые с петровских времен бездумно примеряют западные обноски и тем счастливы... Но ведь про китайский социализм мы даже при советской власти как-то не очень говорили...

Ф. Бобков. В 1921 году, когда левые коммунисты шумели, что мы

вот-вот совершим мировую революцию, Ленин сказал, что нам надо взвесить очень многое, и прежде всего – не зазнаваться. Мол, мы считаем, что уже никогда не будем в каком-то арьергарде, но не исключено, что центр тяжести коммунистического движения переместится в Индию или в Китай, и мы должны быть готовы это пережить. Не пережили! Как только центр стал перемещаться, мы сразу насмерть порвали все отношения с Китаем – в 1956 году. Так что Китай сейчас идет социалистическим курсом с учетом того, что было у нас. В основе его успешного развития – ленинское положение: народная власть и государственный капитализм.

А. Бондаренко. Сейчас много говорится о том, что в крушении СССР большую роль сыграли различные западные спецслужбы...

Ф. Бобков. Конечно, они очень много сделали, чтобы развалить Советский Союз. Но эту работу вели не только спецслужбы, это была продуманная политика всего Запада. Это была правительственная политика государств, а спецслужбы были исполнителями... Вся беда в том, что у нас в государстве и в партии не было придано серьезного значения холодной войне.

А. Бондаренко. Разве?! По-моему, только об этом наши международники и писали. Достаточно вспомнить "классику жанра" – книгу "Ненависть" Виталия Коротича...

Ф. Бобков. Действительно, о том, что холодная война идет, говорилось все время. Еще писали, что у них негров вешают... Но серьезной контрпропаганды, серьезного противодействия практически не было. Кстати, названная вами книга была исключением, в ней очень убедительно рассказывалось, как американцы нас ненавидят. Но, по существу, мы находились в слабой обороне. Хотя наши спецслужбы довольно активно боролись против идеологической экспансии, но дело в том, что должна была быть государственная политика. Она прежде всего должна была выражаться не в том, что нам надо их критиковать, мы должны были видеть и знать, что используют западные спецслужбы в борьбе против нас.

А. Бондаренко. Естественный вопрос: а что они использовали?

Ф. Бобков. В частности, и спецслужбы, и западные государства очень серьезно использовали межнациональные отношения. У нас в это время уже было достаточно промахов. Мы их видели и беду эту в будущем ощущали. Было ясно, что, если мы не сможем своевременно реагировать на начинавшиеся межнациональные распри, мы очень многое потеряем. Мы все охотно пили за дружбу народов, клялись в этой дружбе, но, как только разъезжались по своим квартирам, эта дружба оставалась в застолье. Между тем на радиостанции "Свобода" были 22 национальные редакции, работавшие на СССР на национальных языках Советского Союза. И они вели пропаганду именно в этом ключе...

А. Бондаренко. Но разве высшее партийное руководство не реагировало на информацию КГБ?

Ф. Бобков. Помню такой случай. Мы как-то по Эстонии посмотрели всю ситуацию, и было ясно, что здесь надо очень серьезно поработать по национальной проблеме – прежде всего с Центральным Комитетом эстонской Компартии. Андропов подписал записку в ЦК КПСС, чтобы на Политбюро это дело послушали. Записку очень долго переключивали с места на место и в конце концов вынесли решение отправить ее на бюро ЦК Эстонии, пусть они ее там проработают... Дело кончилось тем, что сняли с поста председателя КГБ Эстонии и дальше пошли жить, как и жили.

А. Бондаренко. Вы сказали про промахи в организации

международных отношений. Что вы имеете в виду?

Ф. Бобков. Очень серьезную негативную роль сыграло решение 1957 года о том, что русские люди, которые живут в союзных республиках, не обязательно должны изучать в школах местный язык, и это сразу вызвало отрицательное отношение к нам на местах. А если его не стали изучать русские, тогда не стали изучать и живущие там нерусские – вы же школьников знаете, всегда стараются жизнь себе облегчить. Это сразу родило вопрос: что такое, идет русификация и все прочее?

А. Бондаренко. Кстати, сегодня это играет негативную роль в Прибалтике – русские люди, давно там живущие, не знают местного языка... Впрочем, вернемся к холодной войне.

Ф. Бобков. А что здесь еще можно добавить? В ЦК к ней относились с ледяным спокойствием, все ограничивалось разговорами, наши предложения поддержки не находили... Это и привело к тому, что мы проиграли холодную войну. Так что не считайте, что это только проигрыш спецслужб. Если в Великой Отечественной войне воевали не только армия, спецслужбы, но и все государство, то от холодной войны государство просто самоустранилось.

А. Бондаренко. А почему, Филипп Денисович, как вы это понимаете?

Ф. Бобков. Причин тому много, о них мы в той или иной степени говорили, но вот еще одна – тут был элемент зазнайства: мол, мы Великую Отечественную войну выиграли, кто ж нас теперь-то победит? Помню, в 1989 году я выступал на одном представительном партийном мероприятии и сказал, что мы должны укреплять партию, потому что она оказалась рыхлой. Это такую реакцию вызвало! Один товарищ мне заявил: "Как это она рыхлая, когда мы в Отечественную войну!.." Я сказал, что сам партбилет получал в окопе, так что мне про войну говорить не надо, а вот про нынешнюю партию я могу говорить определенно...

А. Бондаренко. Вы мне как-то сказали: "Мы слишком долго праздновали победу..."

Ф. Бобков. Конечно! Мы очень уж увлеклись воспоминаниями о своих былых заслугах. Хотя и без воспоминаний тоже нельзя, но всего должно быть в меру. Ведь прошлое, настоящее и будущее связаны неразрывно... Вот у меня недавно был корреспондент из Венгрии, он спросил, как я оцениваю венгерский мятеж. Отвечаю: "Мне это очень легко оценить. Если Венгрия сейчас живет лучше, чем при народной власти, значит, те мятежники были правы. Если хуже..." Через два месяца он мне позвонил и сказал, что эту мою фразу главный редактор вынес на первую полосу – на самый верх, потому что живем мы хуже...

А. Бондаренко. Да, сегодняшний день порой дает объективное понимание событий полувековой давности...

Ф. Бобков. А вот вам обратный пример: в Латвии сейчас много кричат о "советской оккупации", сменившей немецкую оккупацию. Вы знаете, как мы в 1944-м в Ригу входили? Это было 13 октября. Так вот, в период боев за Ригу ни одного дома не было повреждено! Помню, вышли мы на набережную Даугавы, перед нами открылись Домский собор, разные здания старинные, и там, на башнях, сидели пулеметчики, вели по нам огонь. Ну вытащили мы свою полковую артиллерию, но только-только выстроили пушки, как прибежал взмыленный ординарец, привез приказ, запрещающий стрелять по старой Риге. Вот так мы и освобождали город.

А. Бондаренко. В одном из рижских музеев я видел фотографии горящей башни собора Святого Петра – это когда немцы входили...

Ф. Бобков. Ну и кого тогда оккупантами называть? Недаром же дня через три-четыре, когда в Ригу входили основные наши войска, то они шли по цветам. Народу на улицах было полно, цветы бросали... Это же никто не организовывал – люди сами выходили!

А. Бондаренко. Вообще, насколько я знаю, в Прибалтике люди в подавляющем своем большинстве к России хорошо относились. Националистические настроения подогревались там достаточно искусственно.

Ф. Бобков. Вы правы. Я в Латвии недолго побыл в годы войны. Мы знали, что там есть бандиты, но с народом у нас был полный контакт, никаких эксцессов. Кстати, бандитизм в Прибалтике закончился быстрее, чем на Украине, хотя англичане и американцы его очень активно поддерживали. Последний катер с оружием для бандитов приходил из Англии, по-моему, в 1954 году. Это были быстроходные катера – наши за ними гоняться не могли. Но поскольку мы в то время уже многое знали и в бандах этих у нас были сильные позиции, то мы и принимали это оружие...

А. Бондаренко. Так что весь "национальный патриотизм" вскармливался, как говорилось, "оттуда"?

Ф. Бобков. Конечно, и в Прибалтике, и на Западной Украине, и в других регионах. Все это было совсем не в интересах народа. Ведь как мы подняли ту же Прибалтику, превратили ее в свою собственную "заграницу" – ухоженную, состоятельную? Наши люди туда с удовольствием отдыхать ездили. А ведь Литва, например, раньше совершенно нищая была! Да и сейчас опять такой же становится...

А. Бондаренко. Как реально относился советский народ к советской власти? Это вопрос к вам как к руководителю 5-го Управления, изучавшему вопрос по долгу службы.

Ф. Бобков. Тут сейчас стали говорить, ссылаясь на Андропова: он якобы сказал, что у нас было 8 миллионов недовольных советской властью. Я от него никогда такого не слышал!

А. Бондаренко. И он, главное, от вас этого тоже не слышал!

Ф. Бобков. Нет, я далек от таких цифр. По-моему, народ к советской власти относился хорошо. Хотя по мере усиления партийного влияния, перехода власти к партии отношение к власти менялось не в лучшую сторону, потому что она все больше удалялась от запросов людей. Это вызывало, конечно, многие беды, особенно в национальных республиках, о чем мы уже говорили. И хотя любовь к власти у нас в последние годы не укреплялась, но в целом люди относились к ней нормально. У нас вообще в последние годы – не в самые последние – никаких антисоветских проявлений в стране, по существу, не было. Кроме каких-то крупных городов, где действовали так называемые диссиденты, которыми себя сегодня называют многие... Вообще диссидентов, которых поддерживал Запад, было немного. Строго говоря, это были не инакомыслящие, а люди, которые становились на путь борьбы с конституционным строем. Это было, повторю, главным образом в крупных городах – в Москве и Ленинграде. В Киеве, Львове, Харькове – там больше был национальный оттенок. В Белоруссии этого вообще не было; в Грузии никого не было, кроме Гамсахурдиа... А по большому счету я скажу так: конечно, недовольные у нас были, но это не были люди, которые пытались бороться с властью. И мало кто у нас в стране желал, чтобы эта власть

когда-нибудь рухнула...

А. Бондаренко. Опыт моего общения свидетельствует, что даже и среди тех, кто по-настоящему идейно боролся против советской системы, не все довольны, скажем так, конечным результатом своего труда...

Ф. Бобков. Да, разрушение – это вещь такая... И как не без горечи сказал один из известных диссидентов, "целились в коммунизм, а попали в Россию"... Вот таковы мои мысли на тему, почему погиб Советский Союз... Повторю в очередной раз: мы были первопроходцами и потому обречены на ошибки.

ГОРБАЧЕВА НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ

Из интервью Ф.Д. Бобкова журналу "Российский кто есть кто", №5 за 2000 г.

- Филипп Денисович, вы не однажды выступали по проблемам холодной войны... Хотелось бы возвратиться к этой теме, имея в виду обстановку вокруг России, складывающуюся в нынешних условиях.

- История возникновения холодной войны достаточно хорошо известна. Инициировал ее Запад кличем, брошенным Уинстоном Черчиллем в Фултоне. Он принадлежал к тем, кто не мог смириться с ростом авторитета Советского Союза после победы над фашистской Германией. И дело не только в том, что коммунисты стояли у власти. Россия и до Октября 1917 года вызывала не лучшие чувства на Западе своей самобытностью и величием, своей раскрывающейся потенциальной мощью. "Борьба с коммунизмом" в послеоктябрьские годы во многом играла роль лозунга, скрывавшего подлинные цели. А они состояли и состоят в разрушении великого государства, способного противостоять гегемонистским соблазнам любой державы мира.

Отсюда и характер холодной войны. Она изначально определилась как агрессия против своего бывшего союзника по антигитлеровской коалиции.

Тому есть немало свидетельств. Они опубликованы в периодической печати, о них написаны книги, на них ссылались многие политики и общественные деятели, вырабатывая платформы и программы своей деятельности.

Агрессивность "холодной войны" выражалась в том, что она не была лишь идеологической конфронтацией. Пропаганда всеми средствами (печать, радио, телевидение) решала серьезные задачи разложения советского общества; в то же время шел поиск сил, способных стать на путь сотрудничества с западными спецслужбами, антисоветскими эмигрантскими центрами и иными к тому времени специально созданными формированиями.

Рассказ о том, как это осуществлялось, и кто оказался в числе пособников, – тема отдельного интервью. Сейчас же надо сказать о том, что к противодействию такого рода проникновения в страну ни власть, ни общество оказались не готовы.

- Как же так?

- Тому много причин. Причин, приведших к распаду Советского Союза. Чем больше анализируешь события прошлого, начиная с Октября, тем яснее вырисовывается как величие возникшей в результате революции социалистической державы, так и трагизм ее существования. Подумать только: Гражданская война, спровоцированная не внутренними силами (Белое движение возникло потом); интервенция, целью которой было прежде всего разорвать

Российскую империю и поделить ее, как делят добычу гиены; экономическая и политическая блокада; разжигание вооруженных конфликтов на границах СССР; наконец, война с фашистской Германией, ее союзниками и милитаристской Японией.

Можно ли было в таких условиях осуществить то, что провозглашала революция, построить социализм в таком виде, как его видели основоположники марксизма и продолжатели их дела? Гордиться следует даже тем, что сохранили государство в его исторически сложившихся границах, подготовили страну к тяжелейшей войне. Победили. Восстановили разрушенное войной хозяйство и утвердили страну великой державой мира.

И советские люди гордились своими достижениями. Но гордости оказалось недостаточно для поступательного движения, для обеспечения продуманного развития экономики, укрепления общественных начал и государственного обустройства. Гордость позволила уверовать в свое могущество, в свою непобедимость. Критически оценить происходящее в стране, увидеть опасности, идущие извне, желающих не оказалось. Потому и запоздал столь важный вопрос, заданный Ю.В. Андроповым: "В каком обществе мы живем?"

А жили в обществе, пользовавшемся накоплениями прошлого, заслугами тех, кто победил в Октябре 17-го и в мае 45-го, тех, кто трудом своим залечил раны войны, кровью и потом вывел страну в мировые лидеры.

Их-то и предали сознательные или несознательные разрушители Советского государства. Предали те, кому они верили и вручили свою судьбу. В их числе и тот, кто, предавая страну социализма, до последних дней, держась за власть, тренды кал о своей верности социалистическому выбору. Именно он и его окружение воспользовались утвердившейся в народе и обществе уверенностью в отсутствии угроз великому государству...

Можно простить заблуждавшихся, можно даже простить и тех, кто, повседневно повторяя Ленина, призывая следовать его заветам, все дальше уходил в любование собой. Но нельзя простить тех, кто стал сознательно на путь разрушения государства, призывая к возврату к Ленину, клеймя отступников от его учения.

- Кого конкретно вы имеете в виду?

- Вы понимаете, что речь идет о Михаиле Сергеевиче Горбачеве и его ближайших соратниках... Вспоминаются сегодня его встречи с руководителями средств массовой информации. Он любил проводить их. Как правило, они начинались где-то в 10 утра и заканчивались поздно вечером.

Говорили много и обо всем. Больше всех, конечно, Михаил Сергеевич. И характерно, что спустя день в отчетах о таких встречах все выглядело наоборот. Если Горбачев одобрял, к примеру, коллективизацию, делая реверанс в сторону писателей, защищавших колхозы, то в отчетных публикациях излагалась совсем другая трактовка.

Да разве только на встречах? В период, когда стал очевидным рост сепаратизма в стране, Горбачев решил изобразить из себя борца за сохранение единого государства. Были изданы грозные указы о борьбе с сепаратистскими настроениями, "решительно" осуждающие действия руководителей республик Советской Прибалтики, явно ставших на путь выхода из состава СССР, требующих мер подавления от органов правопорядка...

Вспоминается облик Бориса Карловича Пуго, скромного до щепетильности, спокойного во всех ситуациях, всегда (и на посту секретаря

ЦК ВЛКСМ, и председателя КГБ республики, и первого секретаря ЦК Компартии Латвии, и в ЦК КПСС, и в МВД СССР) поражавшего своей культурой, умением вести себя в обществе, то есть тем, что принято ныне именовать интеллигентностью. Он участвовал во встрече у Горбачева, где решалось, быть или не быть упомянутой акции.

Встреча состоялась по нашему с Крючковым настоянию. Мы считали, что Горбачев должен знать суть акции, осуществляемой по его указанию, видеть ее возможные последствия и как президент дать на нее правовое согласие. Не скрою, что к тому времени президент уже успел зарекомендовать себя "не ведающим о том, что происходит в стране", если общественность хотела иметь достоверную информацию. Для него "как снег на голову" обрушились события в Тбилиси в апреле 1989 года, он "не знал" о том, что вот-вот вспыхнет карабахский конфликт, да и в других случаях уклонялся от того, чтобы принять на себя хотя бы малую часть ответственности за происходящее в стране.

А посему, когда он сказал В.А. Крючкову, доложившему ему о готовности к проведению акции: "Действуйте", мы попросили его принять нас для подробного доклада.

И доложили. Получили одобрение. Особенно настойчив был Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Он сказал даже, что хорошо бы эту акцию начать с Грузии, где у власти был Гамсахурдия.

Но здесь вышла заминка. Мы попросили не только устного согласия, но и письменного распоряжения. Горбачев и Шеварднадзе высказали удивление. До сих пор звучат слова Шеварднадзе: "Зачем? Это акция спецслужб. Она не должна санкционироваться государством. В каком положении окажется МИД?". А Горбачев сказал: "Но я же даю свое согласие". "Мало, Михаил Сергеевич, ибо эта акция не спецслужб, а государственной власти. Она наводит порядок в стране, а спецслужбы и армия выполняют ее волю". По предложению Горбачева окончательное решение отложили на неделю, затем еще на неделю... Стало ясно, что президент смел тогда, когда есть на кого свалить вину.

Не знаю, что происходило в августе 1991 года, но когда случились события, названные путчем, мне вспомнилось то совещание в Кремле...